

неприкосновенный
запас

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

2

160²⁰²⁵

* западные левые
в эпоху «правого поворота»
* имажинативный реализм,
или вся власть
воображению

неприкосновенный запас 2 [160] 2025

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

ЗАПАДНЫЕ ЛЕВЫЕ В ЭПОХУ «ПРАВОВОГО ПОВОРОТА»	003	Анна Новикова. Между марксизмом и популизмом: кризис левого движения в США
	019	Андрей Белинский. Народная партия без народа: кризис немецкой социал-демократии и его последствия
	032	Конец теории? Фредрик Джеймисон, левый универсализм и культурная логика современного капитализма
КУЛЬТУРА ПОЛИТИКИ	063	Юк Хуэй. Философия и пост-Европа
АРХИВ «НЗ»	081	Салама Муса. Воспитание Саламы Мусы
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	099	Несостоявшаяся Россия <i>Страницы</i> Алексея Левинсона
ИМАГИНАТИВНЫЙ РЕАЛИЗМ, ИЛИ ВСЯ ВЛАСТЬ ВООБРАЖЕНИЮ	103	Егор Дорожкин. Имагинативный реализм: анархеология радости
	121	Дмитрий Скородумов. Имагинативное восстание и его бравый концептуальный персонаж
	138	Богдан Громов. Имагинативная драма. Субъект-объектное соблазнение
КУЛЬТУРА МОДЕРНОСТИ REVISITED	155	Игорь Смирнов. Киноискусство и искусство кражи
CASE STUDY	174	Вера Устюгова. Первые кинотеатры и транс- формация городского пространства в Российской империи
ПРЕВРАТНОСТИ МЕТОДА	198	Аргентина-2025: криптожульничество и китайская ваза <i>Страницы</i> Татьяны Ворожейкиной
НОВЫЕ КНИГИ	213	Рецензии
SUMMARY	229	

Главный редактор
Ирина ПРОХОРОВА

Шеф-редактор
Кирилл КОБРИН

Редакторы
АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
АНТОН ЗОЛотов

Дизайн
ДМИТРИЙ ЧЕРНОГАЕВ
АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Корректор
МАРИНА АЛХАЗОВА

Маркетинг, PR и реклама
АНАСТАСИЯ ВЕКШИНА
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail:
a.vekshina@nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2025

Между марксизмом и популизмом: кризис левого движения в США

АННА
НОВИКОВА

Для многих представителей леволиберального фланга американской политики победа Дональда Трампа на президентских выборах 2024 года оказалась чем-то шокирующим, скандальным или даже противоестественным. Тем не менее, если отрешиться от оценок и мнений этой части местного истеблишмента и попытаться взглянуть на произошедшее более беспристрастно, то придется признать: причиной прошлогоднего электорального провала Демократической партии, а также – глядя более широко – многочисленных неудач всего левого движения в Соединенных Штатах Америки в последнее время стал постигший их глубокий и всеохватный кризис, назревавший с начала 2000-х.

Общенациональная сплоченность сразу же после террористической атаки 11 сентября 2001 года, по-видимому, была последним проявлением реального единения граждан США, оказавшегося, однако, недолговечным. Вскоре после теракта начались нападения на американских мусульман и сикхов, которых многие их белые (и не только белые) сограждане не отличали друг от друга¹.

¹ См., например: PANAGOPOULOS C. *Trends: Arab and Muslim Americans and Islam in the Aftermath of 9/11* // The Public Opinion Quarterly. 2006. Vol. 70. № 4. P. 608–624; AHLUWALIA M.K. *Holding My Breath: The Experience of Being Sikh After 9/11* // Traumatology. 2011. Vol. 17. № 3. P. 41–46.

**ЗАПАДНЫЕ ЛЕВЫЕ
В ЭПОХУ «ПРАВОГО
ПОВОРОТА»**

АННА НОВИКОВА

МЕЖДУ МАРКСИЗМОМ
И ПОПУЛИЗМОМ: КРИЗИС
ЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ В США

А потом война в Ираке прочно обозначила новую линию размежевания между леволиберальными и правоконсервативными кругами: с ее началом сторонники вторжения представлялись патриотами, а его противники – предателями. Новые разграничения проявили себя и в культурном плане, где вопреки ожиданиям, что индустрия развлечений поддержит *Zeitgeist* и выступит за войну, музыканты и киноактеры стали массово осуждать действия армии США². Уже в тот момент общественный дискурс фиксировал раскол между либеральной элитой Америки и консервативным большинством ее граждан.

КРАБЫ В ВЕДРЕ

Анна Александровна Новикова – старший научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН, доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Хотя о подлинном расколе левого движения в Америке принято говорить в контексте президентства Барака Обамы, я предложила бы взять за точку отсчета иную веху, а именно – запоздалый либеральный ответ на программу обновления Республиканской партии, обеспечившую, в конечном счете, ее нынешний облик. В 2002 году был запущен интернет-портал www.usteaparty.com, где был опубликован один из первых манифестов обновленных правых сил – «Движения чаепития», выступившего против высоких налогов и запутанного налогового законодательства³. Хотя на первых порах «Движение чаепития» не произвело скольконибудь заметного резонанса, сам факт, что более десяти лет на него практически не обращали внимания, может означать лишь одно: истеблишмент Демократической партии США элементарно расслабился. Это стало очевидным после инаугурации Обамы: с 2008-го по 2015 год демократы потеряли 816 мест в региональных легислатурах и тринадцать губернаторских кресел⁴. Понесенные тогда потери оказались роковыми для американского левого движения после первого избрания Трампа. Попытки проанализировать сделанные ошибки и выработать план действий по восстановлению утраченных позиций лишь снижали способность левых договариваться друг с другом.

Главную проблему левого движения в США иногда описывают посредством метафоры, отсылающей к «менталитету краба». В ней левые уподобляются крабам, выловленным из моря и ожидающим участи в большом ведре: разумеется, им хочется вылезти, но, когда кто-то достигает краешка ведра и готов по-

² Подробнее см.: ROUSSEL V., LECHAUX B. *Voicing Dissent: American Artists and the War on Iraq*. New York; London: Routledge, 2010.

³ См.: JARVIS B. *Big Tobacco's Tea Party Ties Exposed* // Rolling Stone. 2013. February 13 (www.rollingstone.com/politics/news/big-tobaccos-tea-party-ties-exposed-20130213).

⁴ См.: *Under Obama, Democrats Suffer Largest Loss in Power Since Eisenhower* (www.quorum.us/data-driven-insights/under-obama-democrats-suffer-largest-loss-in-power-since-eisenhower/).

кинуть темницу, другие крабы, цепляясь за него, утаскивают самого предприимчивого обратно на дно. Наиболее видные общественно-политические деятели левого толка зачастую переживают похожую драму: их авторитет начинает снижаться, как только они добиваются политических успехов, поскольку избиратели-«крабы» неизменно тянут «выскачок» вниз, недовольные избыточным, по их мнению, новаторством – и блокируя тем самым достижение новых высот.

Делается это порой довольно жестокими методами. Например, Обама и сотрудники его администрации описывались в социальных сетях как «короли дронов», которым не жалко бомбить с беспилотников беззащитных сирийских детей⁵. Первый темнокожий президент регулярно обвинялся в том, что он «недостаточно черный»: не пользуется AAVE (African American Vernacular English) – афроамериканским диалектом американского английского – и в придачу получил образование в университете Лиги плюща. Левые потратили огромные усилия, создавая Обаме имидж «одного из нас», но для значительной части американского общества он так и остался чужаком⁶. Даже сам левый лагерь был далек от единодушия в отношении Обамы: если одна его часть приветствовала решительные действия президента в области здравоохранения и внедрения здорового школьного питания, то другая ставила ему в вину сотрудничество с Джо Байденом, которому и в 2024-м не простили участия в допросе Аниты Хилл – бывшей сотрудницы Верховного суда, которая в 1991 году на сенатских слушаниях пыталась обвинить в домогательствах Кларенса Томаса, претендента на должность судьи Верховного суда США⁷.

Еще сильнее американское левое движение раскололось во время первого президентства Трампа – а точнее, еще в период предшествовавшей ему избирательной кампании. Выдвижение демократами Хиллари Клинтон было воспринято американским обществом крайне негативно по целому ряду причин: белая женщина из высшего общества, не очень похожая на «человека из народа»; замужем за бывшим президентом, о котором в современном медиапространстве вспоминают, как правило, не слишком позитивно⁸. Правда, после того как победителем выбо-

АННА НОВИКОВА
МЕЖДУ МАРКСИЗМОМ
И ПОПУЛИЗМОМ: КРИЗИС
ЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ В США

5 См.: MILLER G. *How Drones Became Obama's Deadly Weapon in a High-Altitude, Perpetual War* // The Washington Post. 2016. June 3 (www.washingtonpost.com/graphics/national/obama-legacy/drone-program-strikes.html).

6 См.: YOUNGE G. *Is Obama Black Enough?* // The Guardian. 2007. March 1 (www.theguardian.com/world/2007/mar/01/usa.uselections2008).

7 См.: SOLBERT S., HULSE C. *Joe Biden Expresses Regret to Anita Hill, but She Says "I'm Sorry" Is Not Enough* // The New York Times. 2019. April 25 (www.nytimes.com/2019/04/25/us/politics/joe-biden-anita-hill.html). [Об истории Аниты Хилл см. также: ЛОБАЧЕВ Т. *Харасменты в США: в Америке секс есть* // Коммерсант. 1997. 7 февраля (www.kommersant.ru/doc/172008). – Примеч. ред.]

8 MURRAY M. *12 Days That Stunned a Nation: How Hillary Clinton Lost* // NBC News. 2017. August 23 (www.nbcnews.com/politics/elections/12-days-stunned-nation-how-hillary-clinton-lost-n794131).

ров был объявлен Трамп, левая Америка осознала, что, возможно, критиковать Хиллари Клинтон следовало бы осторожнее и деликатнее. Инстинктивно левые либералы уже понимали, что теперь им придется столкнуться с новым типом идеологического и политического оппонента, но даже с учетом этого консолидироваться они так и не смогли.

Обновленная Республиканская партия, ее сторонники и, конечно, сам Трамп в глазах левых быстро превратились в собирательное пугало. Они воплощали все страхи левых: под предлогом сохранения «традиционных американских ценностей» поляризовали общественный дискурс, провозглашали человеческий эмбрион полноценной личностью, занимались экономически бессмысленным протекционизмом. Неспособность республиканских властей справиться с пандемией коронавируса и неиссякаемые потоки лжи, льющейся из Белого дома и с Капитолийского холма, по касательной затрагивали и Демократическую партию: общественное мнение требовало от демократов не быть похожими на республиканцев. После лета под знаменами *Black Lives Matter*, расширения движения *Me Too*, а также некоторых других событий у левого движения сформировался запрос на леволиберального политика, от которого – после того как в Белом доме поселился Трамп – требовалось быть идеальным во всем, начиная с политической программы и заканчивая личным прошлым.

Состоявшееся на этом фоне выдвижение Джо Байдена многих демократов не устроило. Байден, как и Хиллари Клинтон в предыдущей президентской кампании, совсем не соответствовал запросу, сформированному американской левой общественностью. Для молодежи левых взглядов более привлекательными были Берни Сандерс с его демократически-социалистической программой или Джилл Стайн, кандидат от Партии зеленых, – лишь бы не голосовать за выдвиженцев политического истеблишмента⁹. Байден в результате никогда не чувствовал себя уверенно; исключениями были краткие периоды, когда он достаточно решительно отреагировал на провалившийся штурм Капитолия 6 января 2021-го, а также когда он предпринял попытки облегчить кредитное бремя для студентов. Как следствие, в 2023–2024 годах президент-демократ подвергался атакам со стороны не только своих естественных идейно-политических недругов, но и тех, кто должен был бы, по идее, его поддерживать. Так, укреплявшееся в последние годы американское социалистическое движение прозвало его «геноцидным Джо» – из-за поддержки Израиля после террористической атаки на него

9 См.: PEW RESEARCH CENTER. *An Examination of the 2016 Electorate, Based on Validated Voters*. 2018. August 9 (www.pewresearch.org/politics/2018/08/09/an-examination-of-the-2016-electorate-based-on-validated-voters/).

7 октября 2023 года. Примечательно, кстати, что в некоторых левых англоязычных публикациях борьба за «справедливость для Палестины» безапелляционно вписывается в общий ряд протестных движений типа *Black Lives Matter* или за сохранение репродуктивных прав и изображается составной частью оппозиционных акций, направленных против трампизма¹⁰.

АННА НОВИКОВА
МЕЖДУ МАРКСИЗМОМ
И ПОПУЛИЗМОМ: КРИЗИС
ЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ В США

БАЙДЕН И ДРУГИЕ НЕУДАЧНИКИ

Президентство Байдена сыграло также злую шутку в плане понимания возможностей, которые открывались перед американскими левыми в 2021–2025 годах. В целом оно было достаточно эффективным в плане решения назревших вопросов вроде создания новых рабочих мест или взятия под контроль инфляции¹¹, но, если присмотреться к онлайн-дискурсу, сформированному левыми вокруг этой каденции, то подобные достижения рисуются как малозначительные. Более того, попытку Байдена переизбраться в 2024 году многие интернет-пользователи оценили чуть ли не как преступление против левого дела; среди прочего Байден изображался как «президент-антракт между двумя сроками Трампа», причем позже на него была возложена и личная ответственность за возвращение последнего в Белый дом. В других оценках, также циркулирующих в левом сегменте интернета, Байден клеймится как коррупционер, помиловавший собственную преступную родню, или в лучшем случае – как слабохарактерный человек¹². Несмотря на то, что Трамп и его администрация уже успели превратиться в кошмар для американского левого движения, свежее наследие Байдена и Харрис по-прежнему воспринимается левыми в весьма мрачном свете.

Интересно, что под послевыборную раздачу попал не только Байден-неудачник. Американская леволиберальная общественность полностью отторгает не только явное политическое приспособленчество, но и любую политическую гибкость, неизменно воспринимаемую как слабоволие, двуличие, предательство. Когда превозносимый многими левыми сенатор-радикал Сандерс выступил в поддержку Байдена, предложив рассматривать его как главного соперника, способного победить «лжеца

¹⁰ См., например: TENGELY-EVANS T. *How the Failure of the US Left Helped Trump and the Right Revive* // Socialist Worker. 2024. July 15 (<https://socialistworker.co.uk/comment/how-the-failures-of-the-us-left-helped-trump-revival/>).

¹¹ *What Have Biden and Harris Accomplished? Look at These 10 Metrics* // Bloomberg. 2024. September 10 (www.bloomberg.com/graphics/2024-opinion-biden-harris-accomplishment-data/).

¹² См., например: www.reddit.com/r/PoliticalDiscussion/comments/1glgwdl/how_will_history_remember_joe_biden/; www.reddit.com/r/centrist/comments/1hr4d46/biden_is_leaving_the_white_house_with_two_wildly/.

и демагога Трампа»¹³, самого Сандерса стали называть безвольным стариком, задержавшимся на политической арене, а озвученный им призыв абсорбировать в американское левое движение – вопреки разногласиям – центристов, как это было сделано во Франции, был воспринят как разворот в сторону истеблишмента и измена политике «подлинных левых». Фатальный удар по репутации Сандерса в глазах левой общественности нанесло принятое им решение солидаризироваться с Трампом ради повышения минимальной оплаты труда – одного из постоянных требований левых организаций¹⁴.

Попытку Байдена переизбраться в 2024 году многие интернет-пользователи оценили чуть ли не как преступление против левого дела; среди прочего Байден изображался как «президент-антракт между двумя сроками Трампа».

Нечто подобное произошло и с Ильхан Омар, входившей в так называемую «Команду» («The Squad») – прогрессивный блок молодых демократов в Палате представителей. После начала войны в Газе она была в ряду самых ярких обличителей Байдена из-за его израильских позиций, обвиняя того в том, что своими высказываниями и действиями он фактически выдал санкцию на массовое убийство палестинцев. В этом контексте прозвучавшие через несколько месяцев ее же заявления о том, что Демократическая партия обязана сделать что угодно, лишь бы Байден остался на второй срок, многим показались откровенным лицемерием.

Американские левые расколоты в том числе и потому, что ушедший президент не смог удовлетворить запросов, присущих их новому поколению. Помимо сервилизма перед лицом израильского лобби, ему ставят в вину и многое другое: например, то, что в его правление вопрос о репарациях афроамериканцам за период рабства ни разу не обсуждался в Конгрессе – важнейшая для левых тема! – а репродуктивные права женщин отстаивались слишком уж невнятно. Интересно, кстати, что левый дискурс зачастую работает как бы вне контекста: Трамп, поддерживающий Беньямина Нетаньяху куда более рьяно, нежели это делал Байден, явно худший вариант для

13 См.: SANDERS B. *Joe Biden for President* // The New York Times. 2024. July 13 (www.nytimes.com/2024/07/13/opinion/joe-biden-president.html).

14 “I Surely Hope” to Work with Trump to Raise the Minimum Wage, Sen. Bernie Sanders Says // NBC News. 2024. December 15 (www.nbcnews.com/meet-the-press/video/-i-surely-hope-to-work-with-trump-to-raise-the-minimum-wage-sen-bernie-sanders-says-227110469948).

палестинского народа¹⁵, но указанный факт словно ускользает от сторонников левого движения, продолжающих бичевать бывшего демократического лидера. На сами идеи Республиканской партии они вообще обращают мало внимания, а в активистах-республиканцах видят исключительно воплощенное зло, которому надо противостоять всеми силами – и не более того. Взгляды оппонентов представляются своего рода идеологическим дном, которого нельзя касаться ни в коем случае. Для того, чтобы действительно выйти на новый уровень, левому движению нужно обзавестись новыми лидерами¹⁶. Однако именно здесь крабы начинают тянуть обратно тех, кто вырвался вперед.

В этой связи интересна фигура Камалы Харрис, претендентки-неудачницы. Она оказалась идеальной призмой, раздробившей мировосприятие американских левых. Для тех, кто занимал непоколебимо пропалестинские позиции, Харрис навсегда осталась бывшим прокурорским работником, посвятившим карьеру разрушению чужих жизней и не умеющим сострадать¹⁷. Кроме того, из-за своего смешанного происхождения она, подобно Обаме, тоже была объявлена недостаточно черной, ведь у нее даже «не тот» тип волос. После провала скоротечной предвыборной кампании одна группа недоброжелателей из числа левых напала на Харрис лично: эти люди говорили, что та оказалась недостаточно харизматичной, что зачастую она изъяснялась языком корпоративной Америки, что ее дочь Элла превратилась в типичный символ вопиюще праздного существования «золотых детей» Америки¹⁸. Одновременно другая группа левых критиков предпочитала объяснять провал Харрис не ее собственными недостатками, а исключительно оппортунизмом истеблишмента Демократической партии, не умеющего откликаться на запросы трудящихся. Такая интерпретация выводит из-под огня критики само левое движение, превращая в злодея его главную политическую партию, уже давно, как предполагается, сделавшуюся клубом лоббистов и переставшую отражать интересы рабочего и среднего классов¹⁹.

Исходя как раз из такой логики ежемесячник «The Nation», например, утверждает, что провал Харрис вполне закономерно вытекает из отсутствия глубоких реформ, в которых по-насто-

АННА НОВИКОВА
МЕЖДУ МАРКСИЗМОМ
И ПОПУЛИЗМОМ: КРИЗИС
ЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ В США

15 www.reddit.com/r/WhitePeopleTwitter/comments/1cij6eh/i_dont_want_to_shame_propalestine_people_who_dont/.

16 www.reddit.com/r/WhitePeopleTwitter/comments/1azukee/for_any_arabamericans_planning_on_staying_home_or/.

17 www.reddit.com/r/Palestine/comments/1e9liqb/this_is_from_today_kamala_harris_isnt_a_meme_shes/.

18 SCHNEIER M. *The Catwalk Nepoti* // Vulture. 2022. December 19 (www.vulture.com/article/nepotism-baby-models-examples.html).

19 WEISMAN J. *How the Democrats Lost the Working Class* // The New York Times. 2025. January 4 (www.nytimes.com/2025/01/04/us/politics/democrats-working-class.html).

ящему заинтересованы американцы: миграционного законодательства, деятельности Кремниевой долины, климатической политики, здравоохранения, пенитенциарной системы и так далее. Отдельные сегменты левого движения пополняют этот список и обеспечением прав палестинцев²⁰. Любопытно, что заголовок статьи, на которую я ссылаюсь, подвергся корректировке со стороны редакции, выглядящей весьма символично: если сейчас на сайте он указан как «Не левые потопили Камалу Харрис; ее утопило кое-что другое», то в URL-ссылке сохранился его первоначальный вариант – «Корпоративные демократы, а не воук-активисты – вот кто обрек Камалу Харрис [на проигрыш]». Скрывающиеся за этими изменениями внутриредакционные дебаты весьма показательно намекают на смуту в левом лагере.

«ЕСЛИ ТЫ ПРОБУДИЛСЯ, ТО ТЫ В КУРСЕ»

Упоминание воук-активистов²¹ дает хороший повод поговорить и о них. Несмотря на то, что этих людей считают неотъемлемой частью левого движения, даже в самом левом сообществе их репутация небезупречна. Это едва ли удивительно, в особенности если учесть, что воук-политика сделалась настоящей страшилкой для правой Америки: в глазах последней она ответственна за образовательные программы, в рамках которых белых детей учат смотреть с подозрением на собственную расу и свою культуру, она заставляет голливудских продюсеров нанимать чернокожих актеров на роли белых или азиатов, она подрывает традиционную нуклеарную семью. Негодование по поводу воук-политики достигло апогея после первого избрания Трампа, когда даже шли разговоры о том, чтобы создать что-то вроде «анти-воук фракции» в Палате представителей²². Разумеется, все это никак не соответствует тому, как термин «воук» трактуется леволиберальным движением: в этой среде им маркируется осознание человеком социальных проблем и проявление им социальной эмпатии²³.

20 SHANID W. *The Left Didn't Sink Kamala Harris. Here's What Did* // The Nation. 2024. November 18 (www.thenation.com/article/politics/corporate-democrats-not-woke-activists-doomed-kamala-harris/).

21 Термин происходит от *woke* (англ.) – пробужденный. Изначально им обозначалось «пробуждение к реальности», стимулируемое впитыванием культуры афроамериканского сообщества белыми контркультурными течениями. Название статьи, в которой в начале 1960-х термин употреблялся впервые – «Если ты пробудился, то ты в курсе», – стало крылатой фразой. См.: KELLEY W.M. *If You're Woke, You Dig It* // The New York Times. 1962. May 20 (www.nytimes.com/1962/05/20/archives/if-youre-woke-you-dig-it-no-mickey-mouse-can-be-expected-to-follow.html).

22 См.: REMNICK D. *What Does "Woke" Mean, and How Did the Term Become So Powerful?* // The New Yorker. 2023. January 30 (www.newyorker.com/podcast/political-scene/what-does-woke-mean-and-how-did-the-term-become-so-powerful).

23 См., например, трактовку термина в словаре современного сленга: THORNE T. *Dictionary of Contemporary Slang*. London: Bloomsbury, 2018.

В последние годы, однако, воук-активизм раскололся на противоборствующие фракции, каждая из которых стремится обойти остальные и занять ведущие позиции. Подобной динамике способствует та особенность, которая свойственна и упоминавшимся выше крабам в ведре: воук-активисты фокусируются на микроскопических битвах культурных войн, которые совершенно не ценятся в мейнстриме левого движения, вызывая исключительно раздражение. Бесконечные споры на тему дредов Ким Кардашьян²⁴ и связанные с ними дискуссии относительно того, могут ли белые – или представители других рас – носить прически, традиционно используемые темнокожими, утомляют и не несут в себе реальных политических смыслов. И хотя воук-активисты борются за вещи, с необходимостью которых сложно спорить – среди них разнообразие, справедливость, инклюзивность, – избранные ими методы и риторика дискредитируют всю их деятельность. Выхолощенный английский, используемый воук-активистами, все больше начинает напоминать язык корпоративного мира, который вызывает неприятие у большинства населения страны.

Сьюзен Нейман – исследовательница феномена воук – в итоге высказалась против нового тренда в американском общественном дискурсе, в рамках которого понятие «левые» подменяется термином «воук». С ее точки зрения, воук-политика и воук-активисты в итоге приходят к общественно-политическому трайбализму, который для левого лагеря никак недопустим. Превознесение одних целей над другими она именует «олимпиадой угнетения», в ходе которой все команды, в конечном счете, выбивают друг друга далеко за пределы поля. Несмотря на то, что Нейман положительно оценила демонтаж памятников, чествующих генералов Конфедерации, она негативно высказывается относительно продвигаемых воук-политикой символов культурной апроприации, которая, по ее мнению, противоречит концепции культуры как таковой. Более того, исследовательница отмечает, что склонность воук-активистов к некорректным обобщениям оборачивается формированием ложных общественно-политических дихотомий. Например, если маркировать всех американских белых в качестве тех, кто извлекал выгоды из трансатлантической работорговли, а всех американских черных (включая и перебравшихся в США в XX веке по собственной воле) причислять к жертвам американской колониальной и рабовладельческой политики, то левому движению в США неминуемо будут гарантированы дополнительные

АННА НОВИКОВА
МЕЖДУ МАРКСИЗМОМ
И ПОПУЛИЗМОМ: КРИЗИС
ЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ В США

24 RISCHEL C. *Kim Kardashian Accused of Cultural Appropriation Again after Wearing Braids* // The Independent. 2020. March 3 (www.independent.co.uk/life-style/kim-kardashian-braids-cultural-appropriation-fulani-hairstyle-a9373421.html).

серьезные проблемы²⁵. В конечном счете, следуя Нейман, можно констатировать, что именно воук-активисты играют существенную роль в отсутствии у американского левого движения настоящего лидера.

Новое поколение американских левых все чаще обращается к риторике марксизма – но не того, которым пугает белых обитателей Северной Америки канадский психолог Джордан Питерсон²⁶, а реального марксизма или неомарксизма. В этом дискурсе все проблемы страны и общества рассматриваются в плоскости классовой борьбы, благодаря чему левая молодежь начинает усматривать во всем происходящем явные признаки деградации политических элит. Внешняя и внутренняя политика США предстает перед ней корпоративным инструментом империалистической эксплуатации, обеспечивающей превознесение одной социальной группы современного мира над всеми остальными. Отсюда делается вывод об интеллектуальном и моральном коллапсе большей части функционирующих в стране общественно-политических и культурных институций; в конце концов, заявляют новоявленные марксисты, в США практически не оказалось крупных организаций, которые разорвали бы связи с Израилем после начала войны в Газе²⁷.

При этом умело пользующаяся социальными сетями левая молодежь не обладает иммунитетом от пропагандистского воздействия. Уподобляясь ненавистным им бэби-бумерам, которые высмеиваются в левой среде за круглосуточное поглощение контента идеологически предвзятых телеканалов «Fox News» и «One America News Network», левая молодежь столь же открыта для потребления пропаганды, доносимой до нее в онлайн-формате. Каждая фракция американского левого движения концентрируется вокруг конкретных лидеров мнений, чьи голоса выплескивают наружу всю накопившуюся фрустрацию. Если, например, для некоторых представителей левых темнокожих подобным властителем дум уже не первое десятилетие остается радикальный имам Луис Фаррахан, то для феминисток четвертой волны в той же роли выступает директор проекта «Ежедневный сексизм» Лора Бэйтс. В какой-то момент намечалась консолидация левых вокруг филладельфийского политика

25 Подробнее см.: *Why Socialist Susan Neiman Says "Woke-ism" Is Not Leftist* // CBC Radio. 2023. April 12 (www.cbc.ca/radio/ideas/susan-neiman-left-is-not-woke-1.6799887).

26 См., например: *Капитализм vs марксизм. Дебаты. Джордан Питерсон vs Славой Жижек* (www.youtube.com/watch?v=VRcM9bnN4sY). – Примеч. ред.

27 См.: ДЖАК А. *US Universities Resist Calls to Divest from Israel-linked Companies* // The Financial Times. 2024. May 4 (www.ft.com/content/32f39057-6e64-43fb-8c96-ae18d2b2efa1). См. также список транснациональных конгломератов, которые после начала войны в Газе не отказались от взаимодействия с Израилем, представленный на сайте движения «Boycott, Divestment and Sanctions»: www.bdsmovement.net/Act-Now-Against-These-Companies-Profiting-From-Genocide. Среди прочих в этом перечне упоминаются «Hewlett Packard», «Chevron», «Intel», «CAT», «Google», «Amazon», «Airbnb», «Disney».

Джона Феттермана, однако единение завершилось в 2024 году после того, как последний объявил о намерении сотрудничать с администрацией Трампа²⁸. Во всех подобных ситуациях повторяется одна и та же история: если у какой-то фракции левого движения вдруг появляется лидер, пусть даже временный, то он немедленно воспринимается сторонниками как неприкосновенный и идеальный человек. Соответственно, любые критики новоявленного лидера маргинализируются, а скептики изгоняются – ради сохранения идеологической чистоты внезапно возникшего чуда.

АННА НОВИКОВА
МЕЖДУ МАРКСИЗМОМ
И ПОПУЛИЗМОМ: КРИЗИС
ЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ В США

Если у какой-то фракции левого движения вдруг появляется лидер, то он немедленно воспринимается сторонниками как неприкосновенный и идеальный человек. Соответственно, любые критики новоявленного лидера маргинализируются, а скептики изгоняются – ради сохранения идеологической чистоты внезапно возникшего чуда.

Показательны метаморфозы, пережитые упомянутым выше Джоном Феттерманом – сенатором от Пенсильвании, какое-то время пользовавшимся буквально «вирусной» поддержкой со стороны американских левых. В некоторых отношениях Феттерман кажется живым опровержением мифологем, распространяемых Республиканской партией: в своих интервью он не раз рассказывал, что родился у родителей-подростков, живших в так называемом «ржавом поясе» страны, и что в первые сознательные годы жизни старался придерживаться консервативных взглядов – поскольку так было удобнее. А потом хорошее образование, увлечение футболом и волонтерство помогли ему избавиться от консервативных воззрений как несостоятельных; будущий политик пришел к пониманию, что идеология левого движения подходит ему лучше, так как в ней больше здравого смысла. Внешне Феттерман нисколько не похож на типичного американского политика – он выглядит скорее как разнорабочий, – с чем гармонирует отсутствующее чувство стиля, благодаря чему он даже на самые торжественные мероприятия приходит в мятой рубашке-поло и шортах²⁹.

28 См.: KARNI A. *Fetterman Accepts Trump's Invitation to Meet* // The New York Times. 2025. January 9 (www.nytimes.com/2025/01/09/us/politics/fetterman-trump-meeting.html).

29 См.: DYE N. *Sen. John Fetterman Wears Shorts and Sneakers to Trump's Inauguration and Sits in the Front Row* // People. 2025. January 20 (<https://people.com/sen-john-fetterman-wears-shorts-and-sneakers-to-trump-inauguration-8777320>).

В его активе также и то, что он изъясняется на языке рабочего класса. Но вопреки тому, что Феттерман открыто выступал в поддержку Сандерса, оказавшись единственным кандидатом в сенаторы от демократов, решившимся на подобный шаг, как только он допустил возможность сотрудничества с администрацией вернувшегося Трампа, его позиции не просто пошатнулись – они рассыпались в прах. Сенатору припомнили, что у него был обширный инсульт и что он не работает по восемь часов в день, а некоторые радикалы из интернета даже прозвали его «ложным мессией» – ведь, в конце концов, он всего лишь белый американец средних лет, и не более того.

Нечто похожее случилось и с любимицей американского левого движения Александрией Окасио-Кортес. Эта образованная молодая женщина из Бронкса, регулярно произносящая пламенные речи в защиту демократического социализма и социальной демократии, происходит из скромной пуэрториканской семьи. Ее избрание в Палату представителей стало результатом ее собственного многолетнего и упорного труда, а также горячего содействия со стороны избирателей³⁰. Показательно и то, что она остается на своем посту с 2018 года, а в ее поддержку в разное время выступали Обама и Сандерс. Окасио-Кортес жила в дешевой съемной квартире до тех пор, пока не получила первую депутатскую зарплату. Желая наладить более тесный контакт с левым населением Америки, она регулярно вела стримы в социальных сетях; более того, ее не смущали и неизведанные американскими политиками территории – например, она присоединялась к благотворительным стримам, проводившимися американскими и британскими гей-мерами. На одной из таких акций Окасио-Кортес вполне доброжелательно пообщалась с Челси Мэннинг³¹.

Казалось, Окасио-Кортес по всем параметрам должна была бы возглавить новое левое движение, однако этого не произошло, поскольку ее референтную группу раздражают несколько обстоятельств. Во-первых, обогатившись политическим опытом на Капитолийском холме, она заметно снизила накал собственной риторики, сделав ее более умеренной и выказав готовность конструктивно взаимодействовать с руководителями Демократической партии в лице Чака Шумера и Нэнси Пелоси. Во-вторых, в ходе президентской кампании поддерживала Камалу Харрис и Тима Уолца, что в левых кругах считается не-

30 См.: KRIEG G. *A 28-year-old Democratic Socialist Just Ousted a Powerful, 10-term Congressman in New York* // CNN. 2018. June 27 (www.cnn.com/2018/06/26/politics/alexandria-ocasio-cortez-joe-crowley-new-york-14-primary/index.html).

31 Подробнее см.: GRIGORYAN N., SUETZL W. *Hybridized Political Participation* // ATKINSON J.D., KENIX L. (Eds.). *Alternative Media Meets Mainstream Politics: Activist Nation Rising*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2019. P. 181–198.

простительным. Наконец, в-третьих, она фактически свернула сотрудничество с такими радикальными сподвижниками в Конгрессе, как Рашида Талиб и Ильхан Омар. Все это не могло не разозлить ту часть электората, которая ожидала решительной схватки восходящей звезды со старой системой; в итоге Окасио-Кортес приписали поддержку действий Израиля в Газе и предательство левого дела, отказав в претензиях на роль лидера³².

АННА НОВИКОВА
МЕЖДУ МАРКСИЗМОМ
И ПОПУЛИЗМОМ: КРИЗИС
ЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ В США

МОРАЛЬНАЯ ПАНИКА И РУКИ В КРОВИ

Чем интенсивнее дробится американское левое движение, тем чаще в тех или иных его фракциях наблюдаются случаи того, что называют «моральной паникой». В ноябре 2023-го, спустя месяц после начала новой фазы палестино-израильского противостояния, в американском сегменте *TikTok* широкое хождение получило «Письмо к американскому народу» Осамы бин Ладена, написанное еще в 2002 году³³. Как ни прискорбно это признавать, популярность этому документу обеспечила про-низывавшая его риторика ненависти, вызвавшей живейший отклик среди молодых пользователей леволиберального толка, активно принявшихся распространять выдержки из данного произведения среди своих подписчиков. Неприкрытый антисемитизм этого текста отнюдь не смутил левую молодежь; тот же синдром наблюдался и в последующих выступлениях про-палестинского студенчества в либеральных университетах «синих», демократических штатов.

Показательна ситуация, складывающаяся в *YouTube*, – важнейшем для американских левых пространстве, где они оттачивают свой дискурс. Несколько лет назад здесь возникло сообщество «BreadTube» («Хлебный ютуб»), названное в честь сборника статей русского анархиста Петра Кропоткина «Хлеб и воля». На первых порах объединение составили сторонники левой идеологии, желавшие отвратить белых подростков от праворадикальной пропаганды³⁴. Приписывая левому это-су плюрализм политических позиций, этот *ad hoc* коллектив сперва казался реальной силой, способной противодействовать нарастающей популярности консервативных нарративов в онлайн-пространстве. Однако после чреды скандалов в 2021–2024 годах, затронувших главных действующих лиц сообщест-

32 См.: DAVIS S. *AOC: From the Great Hope of Democratic Socialism to Just Another Shill for the Democratic Party* // Left Voice. 2024. August 22 (www.leftvoice.org/aoc-from-the-great-hope-of-democratic-socialism-to-just-another-shill-for-the-democratic-party/).

33 См.: O'SULLIVAN D., THORBECKE C., GORDON A. *Some Young Americans on TikTok Say They Sympathize with Osama bin Laden* // CNN. 2023. November 16 (<https://edition.cnn.com/2023/11/16/tech/tiktok-osama-bin-laden-letter-to-america/index.html>).

34 SIGNIFIER F.D. *Break Bread* (www.youtube.com/watch?v=41B5YonixBs).

ва, как сам «Хлебный ютуб», так и его производная на стриминговой платформе *Twitch* развалились. Натали Винн, ведущая канала «ContraPoints», подверглась массовой критике со стороны левой общественности после комментария, в котором она некорректно, по мнению многих, отозвалась о применении местоимений «она» и «он» в публичных пространствах, где присутствуют трансгендеры³⁵. Эбигейл Торн, ведущая канала «Philosophy Tube», оказалась под огнем из-за своей актерской игры в сериалах «Аколит» и «Дом Дракона», свидетельствующей якобы о ее продажности; кроме того, в связи с расширением ее медийной известности всплыли старые обвинения в сексуальных домогательствах³⁶. Наконец, стримеры Иэн *Vaush* Кочински и Хасан Пайкер настолько скандальны, что получают новые обвинения и претензии, причем с самых разных сторон, буквально каждый день³⁷. Многообразие онлайн-звезд левого движения свидетельствует не только о пестроте представленных в нем позиций; еще более существенно то, что вокруг каждой из таких фигур складываются непримиримые и идейные фан-клубы, неспособные взаимодействовать друг с другом. В результате критика праворадикальных идеологий звучит здесь гораздо реже, чем размышления об уже состоявшейся или неминуемой в скором будущем кончине американского левого движения.

Наконец, стоит сказать и о том, что идейной скудости сопутствует тщета символическая. Наличие узнаваемого символа выступает важным фактором построения политической идентичности: например, красные кепки с надписью «MAGA» вкупе с их популярностью среди сторонников Трампа привели к тому, что подобные головные уборы – даже без всяких лозунгов – стали прочно ассоциироваться с определенной политической позицией. Современное левое движение в Америке не имеет неоспоримо собственных символов или даже логотипов: змей с Гадсденовского флага, превратившегося сегодня в один из маркеров свободомыслия и либертарианства, не идет ни в какое сравнение с ослом Демократической партии.

Между тем в ходе выступлений в университетских кампусах в 2023–2024 годах символом радикализации стали красные отпечатки ладоней, которые можно было обнаружить от Университета Ратгерс в штате Нью-Йорк до Беркли в Калифорнии. Представители студенческой молодежи заявляли, что красные

35 Подробнее см.: MAMONE T. *The ContraPoints Twitter Debacle Explained* // Splice Today. 2019. September 9 (www.splicetoday.com/politics-and-media/the-contrapoints-twitter-debacle-explained).

36 См.: <https://isptdangerous.wordpress.com>.

37 См., например: GRAYSON N. *Twitch Suspension of Hasan Piker Sparks Debate over What Qualifies as Racist Language* // The Washington Post. 2021. December 16 (www.washingtonpost.com/video-games/2021/12/16/twitch-cracker-ban-hasan-vaush/).

ладони символизируют то, что руки американских университетов, да и всей Америки, «обагрены кровью», упуская историю происхождения данного образа, хорошо известную как левым старшего поколения, так и еврейскому сообществу. Ладони, с которых капала кровь двух только что убитых израильтян-резервистов, продемонстрировал собравшейся толпе из окна полицейского участка в палестинской Рамалле один из участников второй интифады в 2000 году. Иначе говоря, из предпринятых молодыми американскими левыми попыток переосмыслить красные ладони ничего не получилось: они лишь убедили многих, в том числе и представителей самого левого лагеря, в политической незрелости радикального студенчества.

АННА НОВИКОВА
МЕЖДУ МАРКСИЗМОМ
И ПОПУЛИЗМОМ: КРИЗИС
ЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ В США

Многообразие онлайн-звезд левого движения свидетельствует не только о пестроте представленных в нем позиций; еще более существенно то, что вокруг каждой из таких фигур складываются непримиримые и идейные фан-клубы, неспособные взаимодействовать друг с другом.

Столь же нескладным оказалось использование современными левыми символа социалистического движения – кулака, сжимающего розу, в свое время разработанного французским дизайнером-графиком Марком Боннетом. В США этот образ используется, в частности, «Демократическими социалистами Америки». Несмотря на то, что эта организация в последние два года заметно нарастила свою численность, ее риторика не позволяет ей влиться в политический мейнстрим, а жесткая пропалестинская позиция отталкивает заметную часть левых. Точно так же не смогли получить массового признания и эмблемы американского антифашистского движения, особенно активного на северо-западе страны. Образ наложенных друг на друга черного и красного флагов, реющих в черном круговом обрамлении, отталкивает людей левых взглядов, поскольку вызывает ассоциации скорее с нацистскими организациями.

* * *

В настоящее время, в особенности после возвращения Трампа в президентское кресло, американское левое движение очень хотело бы обрести единство, которое позволило бы ему пре-

взойти по влиятельности Демократическую партию, расписавшуюся в бессилии перед республиканцами. Однако продолжающаяся фрагментация американских левых не позволяет сделать ничего из того, что необходимо для решения подобной задачи: ни наладить сотрудничество с потенциальными сторонниками, ни найти харизматичного лидера (или лидеров), ни укрепить политическую идентичность посредством общей символики. Если же добиться обозначенных целей в ближайшее время так и не удастся, то американское левое движение не сможет превратиться в реальную общественно-политическую силу – и обречет себя на глубоко периферийный статус.

Народная партия без народа: кризис немецкой социал-демократии и его последствия

АНДРЕЙ
БЕЛИНСКИЙ

В погоне за Гельмутом Колем

1 октября 1982 года вотум недоверия правительству Гельмута Шмидта, который был обеспечен голосами консервативного блока Христианско-демократического союза и Христианско-социального союза (ХДС/ХСС), жаждавшего взять реванш за политические поражения 1969-го и 1972 годов¹, а также либеральной Свободной демократической партии (СвДП), отчаянно стремившейся сохранить остатки своего влияния, поставил точку в тринадцатилетнем пребывании Социал-демократической партии Германии (СДПГ) у власти. Хотя на протяжении 1980-х кандидаты от СДПГ в лице Ханса-Йохена Фогеля (1983) и Йохима Рау (1987) пытались бросить вызов канцлеру Гельмуту Колю, он, несмотря на свою растущую непопулярность и многочисленные скандалы, отбивал все атаки.

На излете 1980-х, отмеченных появлением в Бундестаге партии «зеленых», всплеском антивоенного активизма и потеплением отношений между Североатлантическим альянсом и Организацией Варшавского договора, СДПГ, как тогда показало многим, обрела, наконец, сильного лидера в лице министр-президента «угольной» земли Саар Оскара Лафонтена, представлявшего традиционалистское крыло западногерманской социал-демократии. Проводимые тогда социологические опросы фиксировали превосходство лидера СДПГ над действующим канцлером по всем позициям – за исключением внешней политики. Коль в свою очередь даже в собственной партии все заметнее начинал ассоциироваться с застоєм и неудачами.

Однако ожидание политических перемен в Восточном Берлине, подталкиваемых советской перестройкой, спасло лидера ХДС, разрушив планы западногерманских социал-демократов.

1 На парламентских выборах 1969 года блок ХДС/ХСС, набравший 46% голосов, остался в оппозиции из-за того, что СвДП тогда предпочла союз с Вилли Брандтом и социал-демократами. В 1972 году консервативный блок предпринял попытку сместить правительство, однако для вынесения вотума недоверия в Бундестаге не хватило нескольких голосов.

Андрей Викторович Белинский (р. 1987) – старший научный сотрудник Отдела проблем европейской безопасности Института научной информации по общественным наукам РАН.

Острейший политический кризис, охвативший осенью 1989 года «первое государство рабочих и крестьян на германской земле» – как ГДР нередко именовалась в официальных документах, – оказался полной неожиданностью для всех политических партий ФРГ. Несмотря на нараставшие с середины 1980-х социально-экономические проблемы, ГДР воспринималась западногерманской элитой в качестве относительно стабильного государства, что отодвигало перспективы объединения страны на неопределенный срок. Отметим, что эти представления западногерманских политиков о восточном соседе базировались на официальной статистике ГДР, которая, как выяснилось впоследствии, в значительной мере фальсифицировалась. Это обстоятельство сыграло злую шутку с Колем уже после объединения страны, когда относительно безопасное, как считали власти, закрытие сотен предприятий в новых федеральных землях повлекло за собой массовую безработицу и рост протестных настроений.

В то время как Гельмут Коль после некоторых колебаний сумел в полной мере использовать представившийся ему и Германии шанс и войти в историю как канцлер немецкого единства, его социал-демократические конкуренты увязли в политических дискуссиях. Если проводники «восточной политики» в лице Вилли Брандта или Эгона Бара с энтузиазмом поддерживали предстоящее объединение, которое должно было увенчать их многолетние усилия по сближению Запада и Востока, то Оскар Лафонтен относился к этой теме без особого интереса. По мнению министр-президента Саара, поспешная унификация могла ухудшить отношения немцев с соседями, всерьез опасавшимися возрождения германской мощи. Историк СДПГ пишет:

«Представители обоих течений, одно из которых представлял Брандт, а другое Лафонтен, встретились на программном партийном съезде в Берлине в декабре 1989 года. [...] Лишь с большим трудом председателю партии Хансу-Йохену Фогелю удалось провести через президиум и партийный совет резолюцию, которая объявляла целью политики партии восстановление государственного единства»².

Промедление социал-демократов дорого обошлось им на первых всегерманских выборах 1990 года: в то время как обещавший жителям Восточной Германии «цветущие ландшафты» канцлер Коль собрал в новых федеральных землях обильную жатву, СДПГ была вынуждена довольствоваться только третью голосов.

2 FAULENBACH B. *Geschichte der SPD. Von den Anfängen bis zur Gegenwart*. München: C.H. Beck, 2012. S. 114.

Однако если позицию социал-демократов по вопросу объединения можно считать лишь тактическим просчетом, отыгрываемым на следующих парламентских выборах, то приемы партийного строительства, примененные наследниками Брандта и Шмидта в землях к востоку от Эльбы, обернулись настоящей стратегической ошибкой, которую пришлось преодолевать долгие годы. Герхард Шрёдер напишет спустя много лет в своих воспоминаниях:

«Меня до сих пор раздражает, что социал-демократы в 1990 году не сумели осознать и внятно заявить, что СДПГ открыта для всех, кто не запятнан перед законом – независимо от того, состоял ли он в правящей Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) или нет. Эта лишенная гибкости позиция между прочим привела к тому, что преобразившаяся [в Партию демократического социализма (ПДС) – А.Б.] партия СЕПГ существует и поныне, в то время как СДПГ в некоторых местах на востоке Германии не поднялась выше маргинального уровня»³.

Этот экс-канцлер ФРГ не раз публично выражал сожаление о возможностях, упущенных на рубеже 1980–1990-х, называя тогдашнюю линию партийного руководства ошибочной.

В конечном счете, борясь за чистоту рядов, западногерманские социал-демократы потеряли немало потенциальных избирателей и активистов, которые ушли к Партии демократического социализма. Не удивительно, что именно ПДС (вместе с унаследовавшей ей партией «Левые»), которая изначально претендовала в Восточной Германии на роль такого же регионального гегемона, каким с 1946 года является ХСС в Баварии, вплоть до середины 2010-х оставалась самым серьезным противником СДПГ в новых федеральных землях. (Впоследствии партию «Левые» в Восточной Германии заметно потеснит «Альтернатива для Германии», образовавшаяся в 2013 году.) Обещавший стать «электоральным Клондайком» восток объединившейся, но так и не ставшей единой Германии превратился для социал-демократов в политический Верден, где каждый шаг вперед давался им с неимоверным трудом. Сказанное, конечно, не означает, что СДПГ никогда не добивалась успехов в новых федеральных землях, однако эти победы не меняли общей картины. В целом для партии восток страны на протяжении 35 лет оставался довольно проблемным регионом, о чем красноречиво свидетельствуют результаты голосования на выборах в Бундестаг в новых федеральных землях и Восточном Берлине.

АНДРЕЙ БЕЛИНСКИЙ

НАРОДНАЯ ПАРТИЯ БЕЗ
НАРОДА: КРИЗИС НЕМЕЦКОЙ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ...

3 ШРЁДЕР Г. *Решения. Моя жизнь в политике*. М.: Европа, 2007. С. 103.

АНДРЕЙ БЕЛИНСКИЙ

НАРОДНАЯ ПАРТИЯ БЕЗ
НАРОДА: КРИЗИС НЕМЕЦКОЙ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ...

Результаты ПДС
(с 2007 года – «Левые»)
и СДПГ на выборах в Бундестаг в новых федеральных землях и Восточном Берлине⁴.

	ПДС / «Левые»	СДПГ
Декабрь 1990 года	11,1%	124,3%
Октябрь 1994 года	19,8%	31,5%
Сентябрь 1998 года	21,6%	35,1%
Сентябрь 2002 года	16,9%	39,7%
Сентябрь 2005 года	25,3%	30,4%
Сентябрь 2009 года	28,5%	17,9%
Сентябрь 2013 года	22,7%	17,9%
Сентябрь 2017 года	17,8%	13,9%
Сентябрь 2021 года	10,4%	24,1%
Февраль 2025 года	12,8%	10,9%

Непростая для СДПГ электоральная ситуация в восточных федеральных землях усугублялась явным идеологическим кризисом и острой нехваткой новых идей. В условиях глобализации, приведшей к переносу производства в развивающиеся страны и сокращению немецкого рабочего класса, а также невозможности сохранить ту модель социального государства, которая сложилась в ФРГ после окончания Второй мировой войны, привычные установки социал-демократов казались многим – причем как внутри партии, так и за ее пределами – чем-то вроде экспоната из музея Карла Маркса в Трире, нежели основой реальной политической программы. На это накладывалась не прекращавшаяся с начала 1980-х внутрипартийная борьба за власть.

Учитывая все сказанное, не приходится удивляться тому, что СДПГ, в 1990-е возглавляемая «тройкой»⁵ в составе Рудольфа Шарпинга, Оскара Лафонтена и Герхарда Шрёдера, несмотря на некоторый прирост голосов, так и не смогла низвергнуть с политического Олимпа стареющего, но все еще сохранявшего политическую хватку канцлера Гельмута Коля. Немецкий политолог Франц Вальтер отмечал в этой связи:

«В 1990-х в обществе было велико недовольство правительством, но оно не породило волну симпатий к оппозиции. Правительство выполняло свою работу не слишком хорошо, однако граждане, очевидно, не считали, что оппозиция справится со стоящими перед страной проблемами лучше»⁶.

Полученные социал-демократами на выборах 1994 года 38,3% свидетельствовали лишь об одном: партия нуждается в новой концепции, которую должен принести массам новый лидер.

⁴ См.: *Wahlen in Deutschland. Deutschland seit 1945. Bundestagswahlen Neue Bundesländer und Berlin-Ost (Zweitstimmen)* (www.wahlen-in-deutschland.de/buBundOst.htm).

⁵ Это стало компромиссным решением, которое было обусловлено конфликтами внутри партийной верхушки.

⁶ WALTER F. *Die SPD nach der deutschen Vereinigung – Partei in der Krise oder bereit zur Regierungsübernahme?* // *Zeitschrift für Parlamentsfragen*. 1995. Bd. 26. № 1. S. 85.

НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ «ТРЕТЬЕГО ПУТИ»

АНДРЕЙ БЕЛИНСКИЙ

НАРОДНАЯ ПАРТИЯ БЕЗ
НАРОДА: КРИЗИС НЕМЕЦКОЙ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ...

В середине 1990-х многие социал-демократы и сторонники партии связывали надежды на возрождение СДПГ с фигурой министр-президента Нижней Саксонии Герхарда Шрёдера. Волевой, целеустремленный, харизматичный политик, трижды приводивший свою партию к победе на выборах в земельный парламент, – именно такой человек, по мнению многих, мог бросить вызов всерьез намеревавшемуся встретить миллениум на посту канцлера Гельмуту Колю. Причем в активе у Шрёдера были не только богатый политический опыт и ораторская виртуозность, но и новые идеи. Начав свою карьеру на левом фланге СДПГ, этот политик со временем скорректировал свои политические взгляды. Вдохновившись электоральными победами, одержанными Демократической партией в США в 1996 году и Лейбористской партией в Великобритании в 1997-м, Шрёдер выдвинул концепцию «новой середины» (*Neue Mitte*), которая, как он надеялся, позволит вернуть СДПГ былые позиции.

Эта концепция отсылала к популярной в 1990-х среди социал-демократов и левоцентристов по обе стороны Атлантики идее «третьего пути» – фарватера, следуя которому они рассчитывали провести собственные партии между Сциллой ничем не сдерживаемого капитализма и Харибдой государственного регулирования. На практике ее принятие должно было повлечь за собой отказ от сложившейся в послевоенную эпоху модели всеобщего благоденствия, где государство активно опекало собственных граждан «от колыбели до могилы», в пользу субсидиарной политики, в рамках которой власти брались лишь за те задачи, которых общество не могло решить самостоятельно. Как предполагалось, социальную базу СДПГ в новых условиях составит сформировавшийся в ходе трансформации экономики новый средний класс (например, ИТ-специалисты и работники сервисных отраслей), что, впрочем, не исключало сохранения связи с традиционным электоратом партии в лице промышленных рабочих.

К концу 1990-х высокая безработица, усталость даже консервативных немцев от шестнадцатилетнего правления Коля, а также умело созданный имидж главного кандидата от оппозиции (как писал тогда журнал «Der Spiegel»: «кандидат на пост канцлера Шрёдер в первую очередь делает ставку на то, чтобы на фоне безработицы представить лично себя как персонифицированное экономическое чудо»⁷), в конечном счете, склонили чашу весов в пользу СДПГ. Историческая победа социал-демократов, набравших на федеральных выборах 1998 года 40,9%

7 “Die einzige Chance” // Der Spiegel. 1998. № 8 (www.spiegel.de/politik/die-einzige-chance-a-2d2e9f31-0002-0001-0000-000007828510).

голосов, вернула партию, как показалась многим, в «золотую» для нее эпоху 1970-х, одновременно подтвердив правильность стратегического курса ее лидера. Однако за политическим успехом СДПГ скрывались глубокие проблемы, которые очень скоро дали о себе знать.

Еще в разгар избирательной кампании с открытой критикой стратегии, предложенной Шрёдером, выступили левые социал-демократы, группировавшиеся вокруг вице-председателя партии Вольфганга Тирзе. «Персонализированная избирательная кампания и подстраивание под настроения различных социальных групп не способны обеспечить партии прочного фундамента», – говорилось в их заявлении⁸. Действительно, успех СДПГ на парламентских выборах 1998 года был обусловлен не столько выдвижением концепции «новой середины», положения которой оказались достаточно расплывчатыми, сколько весьма сложным политическим шпагатом. Пока апеллировавший к среднему классу и бизнесу амбициозный министр-президент Нижней Саксонии вел «охоту на избирателя» в политических угодьях ХДС/ХСС, СвДП и «зеленых», олицетворявший традиционную социал-демократию Лафонтен обеспечивал смычку между СДПГ и рабочим классом. Ситуационно тандем оказался успешным, однако в условиях, определявшихся несовпадением интересов различных социальных групп, поддерживавших социал-демократов, непростой социально-экономической обстановкой, подталкивавшей правительство к непопулярным решениям, а также постепенно разгоравшейся борьбой за власть между новым канцлером и председателем партии, работа первой в истории ФРГ «красно-зеленой» коалиции, которая объединила СДПГ и «Союз 90/Зеленые», была обречена на большие сложности.

В первом же конфликте внутри нового правительства канцлер Шрёдер и министр финансов Лафонтен столкнулись друг с другом. За внешним противостоянием двух честолюбивых лидеров⁹ скрывалась борьба двух крупных внутрипартийных фракций: «модернизаторов», стремившихся поставить СДПГ на рельсы «третьего пути», и «традиционалистов», желавших сохранить за ней прежнее реноме «партии рабочего класса». Намерение министра финансов ограничить функционирование финансовых рынков натолкнулось на решительное противодействие канцлера, уже решившего реформировать экономическую модель ФРГ. В конечном счете, борьба завершилась победой главы правительства: в марте 1999 года Лафонтен напав на Шрёдера заявление об отставке.

⁸ Цит. по: Ibid.

⁹ «Оскар был решительно настроен на то, чтобы стать своего рода казначеем, лордом-хранителем королевских сокровищ», – позже напишет Шрёдер в своих воспоминаниях (ШРЁДЕР Г. *Указ. соч.* С. 109).

Распри внутри кабинета, его неспособность справиться с безработицей, отсутствие серьезных социально-экономических реформ и широкая критика в СМИ довольно скоро привели к обвалу рейтинга СДПГ. От неизбежного поражения на выборах 2002 года, предрекаемого социологическими опросами, «красно-зеленую» коалицию спасли лишь отказ канцлера поддержать американское вторжение в Ирак и внезапное наводнение в Чехии и Германии, в ходе которого правительство сумело оперативно поддержать жителей пострадавших восточно-германских регионов. Получив краткосрочный кредит доверия и опередив блок ХДС/ХСС всего лишь на шесть тысяч голосов, социал-демократы и «зеленые» сумели сформировать вторую «красно-зеленую» коалицию.

АНДРЕЙ БЕЛИНСКИЙ

НАРОДНАЯ ПАРТИЯ БЕЗ
НАРОДА: КРИЗИС НЕМЕЦКОЙ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ...

«ДОМ, РАЗДЕЛИВШИЙСЯ САМ В СЕБЕ»: «AGENDA 2010» И РАСКОЛ СДПГ

Неудачи первой социал-демократической легислатуры, работавшей с 1998-го по 2002 год, а также огромные усилия, которые пришлось приложить ради победы на парламентских выборах, заставили канцлера и его партию ускорить реализацию давно назревших в стране реформ. Главной проблемой, от которой страдал «больной человек Европы» – именно так на рубеже 1990-х и 2000-х в Европейском союзе не без издевки называли ФРГ, – была безработица, достигшая к концу 1990-х 12,3%¹⁰. Ни правительству Коля, ни первой «красно-зеленой» коалиции не удалось справиться с этим социальным злом. Следовательно, основной целью «красно-зеленого» кабинета должно было стать реформирование рынка труда, от исхода которого зависело сохранение за ФРГ статуса экономического «мотора» Европы. Еженедельник «Der Spiegel» писал в то время:

«После фальстарта Шрёдер пытается начать все сначала, и самым частым словом в устах главы правительства становится слово “реформа”. Невозможно найти такого интервью или выступления в Бундестаге, в ходе которого канцлер не произнес бы его несколько раз»¹¹.

Программа «Agenda 2010», предусматривавшая либерализацию рынка и разработанная бывшим топ-менеджером концер-

10 См.: *Arbeitslosenquote der Bundesrepublik Deutschland in den Jahren 1955 bis 2024* // Statista. 2025. 9 Januar (<https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1127090/umfrage/arbeitslosenquote-der-bundesrepublik-deutschland/>).

11 HAMMERSTEIN K. VON, FLEISCHHAUER J., SAUGA M., SCHÄFER U. *Das Jahr der Risiken* // Der Spiegel. 2003. № 1 (www.spiegel.de/politik/das-jahr-der-risiken-a-b122f761-0002-0001-0000-000026024488).

на «Volkswagen» Петером Хартцем, включала в себя следующие меры: 1) сокращение государственного вмешательства в экономику в целом и в социальную политику в частности; 2) упрощение процедуры увольнения работников предприятий; 3) введение нового пособия по безработице *Hartz IV*, размер которого напрямую зависел от готовности «принимать любое предложение, если речь идет о приемлемой работе, которая не противоречит закону или моральным нормам»¹²; 4) внедрение программ профессионального переобучения, позволяющих безработным вернуться на рынок труда. Таким образом, основу «Agenda 2010» должна была составить прекаризация рынка труда посредством кратковременных контрактов, стажировок и тому подобного при одновременном стимулировании безработных в ходе их трудоустройства.

В среднесрочной перспективе инициированная правительством Шрёдера реформа действительно принесла свои плоды, обуздав безработицу, но одновременно она же ослабила защищенность немецких граждан перед лицом рыночной стихии. В конечном счете, реализация программы привела к появлению на рынке труда большого сектора, где зарплаты были низкими. Поэтому не удивительно, что она вызвала яростное возмущение не только в обществе, но и в самой партии. «Свою кампанию протеста против “Agenda 2010” организовали члены фракции СДПГ в Бундестаге, – вспоминает Шрёдер. – Они разместили в интернете воззвание под лозунгом “Партия – это мы” и объявили, что будут три месяца собирать подписи в свою поддержку»¹³. Одновременно с этим немецкие профсоюзы провели серию протестов против планов правительства, которое, однако, оставалось непреклонным. Нападкам подвергался и лично канцлер, которого еще с середины 1990-х левые партийцы прозвали «товарищем боссов» (*Genosse der Bossen*). Результатом всех этих процессов стал массовый выход сторонников СДПГ из партии и обрушение рейтинга социал-демократов.

После сокрушительного поражения в мае 2005 года на земельных выборах в земле Северный Рейн – Вестфалия, которая на протяжении многих десятилетий считалась вотчиной СДПГ, канцлер пошел на крайний шаг. Вынесенный им на голосование в Бундестаге вопрос о доверии правительству, по свидетельству самого Шрёдера, стал отчаянной попыткой предотвратить дальнейшее падение популярности партии. Федеральная избирательная кампания 2005 года грозила обернуться для СДПГ настоящей катастрофой: уровень общественной поддержки партии весной и летом не превышал 25%. Однако фатальные ошибки блока ХДС/ХСС, который в тот же период

12 ШРЁДЕР Г. Указ. соч. С. 390.

13 Там же. С. 395.

выступил с еще более неолиберальной социально-экономической программой, а также умело проведенная канцлером кампания, сочетавшая его личное обаяние с изощренной социальной риторикой, помогли спасти СДПГ от неминуемого разгрома. Отстав от растерявших все свое преимущество христианских демократов всего на один процент, СДПГ после долгих переговоров сумела остаться в правительстве Ангелы Меркель, пусть и на правах младшего партнера по коалиции.

Однако, выиграв тактически, СДПГ проиграла стратегически. В долгосрочной перспективе «Agenda 2010» станет для социал-демократов тем «смертным грехом», который оттолкнет от нее профсоюзы, социальные низы и жителей новых федеральных земель. Фактически, период пребывания «красно-зеленой» коалиции у власти, пришедшийся на 1998–2005 годы, положил конец той классической модели социал-демократии, которая сложилась в Германии на рубеже XIX и XX веков и пережила расцвет после Второй мировой войны в 1960–1970-х. После этого СДПГ начала превращаться в партию картельного типа, вынужденную постоянно заниматься поисками баланса между своей традиционной повесткой и новыми реалиями.

АНДРЕЙ БЕЛИНСКИЙ

НАРОДНАЯ ПАРТИЯ БЕЗ
НАРОДА: КРИЗИС НЕМЕЦКОЙ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ...

«ВАВИЛОНСКОЕ ПЛЕНЕНИЕ», ПРОРЫВ 2021 ГОДА И НОВЫЙ КРИЗИС

Пребывание в «большой коалиции» с ХДС/ХСС (2005–2009, 2013–2017, 2017–2021) превратилось для СДПГ в настоящее «вавилонское пленение». Несмотря на столь продолжительное нахождение у рычагов власти и контроль над такими важными ведомствами, как министерства иностранных дел и финансов, социал-демократы так и не сумели воспользоваться этими обстоятельствами для восстановления утраченных позиций. Более того, на всех последующих выборах в Бундестаг, вплоть до 2021 года, СДПГ демонстрировала крайне слабые результаты, которые мало вязались с образом по-настоящему народной партии: 23% (2009), 25,7% (2013), 20,5% (2017).

Такая парадоксальная, на первый взгляд, ситуация объяснялась несколькими обстоятельствами. Во-первых, популярность канцлера Ангелы Меркель, сумевшей устранить или потеснить конкурентов как внутри своей партии, так и за ее пределами, снижала шансы социал-демократов на политический реванш. К тому же сам формат «большой коалиции», в которой СДПГ выступала младшим партнером консерваторов, оставлял ей крайне мало пространства для политического маневра. (Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что обновлению курса партии не способствовало и пребывание в оппозиции, прод-

лившееся с 2009-го по 2013 год.) Во-вторых, после трудных выборов 2005 года идейная платформа СДПГ не претерпела радикальных изменений, оставшись в парадигме «третьего пути»¹⁴. Принятые при поддержке социал-демократов законы о повышении НДС и повышении пенсионного возраста до 67 лет, которые затронули в первую очередь социально уязвимые слои населения, еще больше оттолкнули ее традиционный электорат. Этим фактом в полной мере воспользовалась возникшая в 2007 году партия «Левые», вобравшая в себя упомянутую выше ПДС и выступившая центром притяжения для тех, кто был недоволен курсом социал-демократического руководства. И, наконец, в-третьих, после ухода из большой политики Шрёдера, который, несмотря на всю противоречивость своей персоны и деятельности, несомненно, оставался харизматичной фигурой, в СДПГ наступил кризис лидерства. Ни один из ее кандидатов на пост канцлера, включая Франка-Вальтера Штайнмайера, Пеера Штайнбрюка, Мартина Шульца, не обладал лидерскими качествами, бесспорно, имевшимися у седьмого канцлера ФРГ.

Период пребывания «красно-зеленой» коалиции у власти, пришедшийся на 1998–2005 годы, положил конец той классической модели социал-демократии, которая сложилась в Германии на рубеже XIX и XX веков и пережила расцвет после Второй мировой войны в 1960–1970-х.

Таким образом, уход части традиционного для СДПГ электората под знамена «Левых», стирание различий между обеими «народными» партиями, а также отсутствие сильного лидера обусловили то, что СДПГ от выборов к выборам неуклонно слабела, все явственнее превращаясь в технического партнера ХДС/ХСС, нужного в первую очередь для того, чтобы продлевать канцлерские полномочия Меркель. Так продолжалось до 2021 года, когда уже подзабывшим вкус больших побед социал-демократам представился новый шанс. В преддверии очередных выборов уставшая от бремени власти Ангела Меркель выдвинула на пост канцлера своего фаворита, министр-президента федеральной земли Северный Рейн – Вестфалия Армина Лашета, но это решение оказалось неудачным: вместо повторе-

¹⁴ См. Гамбургскую программу, принятую на федеральной партийной конференции СДПГ в 2007 году: *Hamburg Programme. Principal Guidelines of the Social Democratic Party of Germany* (www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Grundsatzprogramme/hamburger_programm_englisch.pdf).

ния предыдущих успехов консерваторы, допустившие ряд серьезных просчетов¹⁵, вынуждены были уступить социал-демократам. Ставленник СДПГ и министр финансов Олаф Шольц провел свою кампанию без особого блеска, но по сравнению со своим конкурентом из ХДС не совершил слишком больших промахов. Вместе с тем успех социал-демократов был обусловлен не столько предъявлением обществу какой-то новой стратегии или программы, сколько всего лишь удачным стечением обстоятельств, что заведомо делало его шатким. Не желая воссоздавать «большую коалицию», пусть теперь и под руководством СДПГ, Шольц пошел на переговоры с СвДП и «Союзом 90/Зеленые», которые завершились созданием первой в истории ФРГ «светофорной» коалиции.

Хотя сами трехпартийные переговоры, касающиеся коалиционного правительства, прошли относительно быстро, его работа почти сразу же превратилась для канцлера и СДПГ в серьезнейшее испытание. Начавшаяся в феврале 2022 года конфронтация между Россией и Западом, по остроте своей не имевшая аналогов со времен «холодной войны», потребовала пересмотра всей внешнеполитической доктрины ФРГ. Однако «смена эпох» (*Zeitenwende*), провозглашенная Шольцем в Бундестаге в феврале 2022-го, на практике оказалась половинчатой. Позиция Берлина в отношении поддержки Киева и перевооружения бундесвера, которая поначалу выглядела чуть более сдержанной на фоне жестких деклараций Лондона, Варшавы или Парижа, подверглась острой критике со стороны как союзников по НАТО, так и оппозиции. Не меньше забот канцлеру и правящей партии доставляли внутренние проблемы – начиная с энергетического кризиса и инфляции и заканчивая нарастающими протестными настроениями.

По мере того, как внешние и внутренние проблемы множились, в коалиционном кабинете усиливались межпартийные разногласия. Однако если на протяжении 2023 года внутренние распри еще сдерживались опасением развала «светофорной» коалиции, то к концу 2024-го противоречия все-таки пересилили «государственный интерес». Как и в далеком 1982-м, инициатором распада коалиционного правительства выступила либеральная СвДП, чей председатель Кристиан Линднер, занимавший пост министра финансов, разошелся с канцлером во взглядах относительно отмены так называемого долгосрочного «долгового тормоза» (*Schuldenbremse*) – закрепленного в Основном законе ФРГ механизма, ограничивающего размер государственных заимствований.

15 Подробнее об этом см. мою статью: Белинский А. Большие гонки до первого «светофора». Выборы в Бундестаг 2021 и новые вызовы немецкой политике // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2021. № 63(79). С. 16–23.

АНДРЕЙ БЕЛИНСКИЙ

НАРОДНАЯ ПАРТИЯ БЕЗ
НАРОДА: КРИЗИС НЕМЕЦКОЙ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ...

Впрочем, к тому времени политические акции партий правящей коалиции на политической бирже упали до минимума. Так, согласно опросу, проведенному социологической службой «Infratest dimap» в начале 2025 года, только 26% немцев положительно оценивали работу канцлера Шольца, что оказалось самым низким показателем за всю историю ФРГ¹⁶. Вотум недоверия, вынесенный федеральному правительству 15 января 2025 года, послужил сигналом для досрочных выборов в Бундестаг, исход которых был заранее ясен и для СДПГ, и для оппозиции. Причем социал-демократы даже поспособствовали своему разгромному поражению 23 февраля, отказавшись выдвинуть на должность канцлера весьма популярного в обществе министра обороны Бориса Писториуса, заменив им дискредитированного Олафа Шольца. Полученные в ходе голосования 16% обозначили самое тяжелое поражение старейшей немецкой партии за всю ее долгую историю. Впрочем, даже это обстоятельство скорее всего не помешает СДПГ остаться в новом правительстве – оно, как ожидается, будет сформировано не позже 20 апреля, – пусть и вновь на правах младшего партнера ХДС/ХСС.

* * *

Начиная с 1980-х СДПГ переживает снижение общественной поддержки, связанное в первую очередь с начавшейся тогда деиндустриализацией и сокращением численности рабочего класса. Кроме того, появление на западногерманской политической сцене «зеленых» лишило социал-демократов части молодого электората, в глазах которого партия была избыточно умеренной и слишком забюрократизированной. Именно этим обстоятельством объясняются четыре неудачные попытки социал-демократов (1983, 1987, 1990, 1994) сместить Гельмута Коля с поста канцлера. В середине 1990-х министр-президент Нижней Саксонии Герхард Шрёдер, с которым многие связывали надежды на возрождение партии, предложил идею «третьего пути». Однако на практике неолиберальные реформы «красно-зеленой» коалиции лишь оттолкнули традиционный электорат партии, который ушел к другим политическим игрокам.

В годы долгого канцлерства Ангелы Меркель стагнация СДПГ продолжилась. Во многом это объяснялось тем, что рабочий класс и социальные низы переориентировались сначала на партию «Левые», а потом на «Альтернативу для Германии» и отчасти на «Союз Сары Вагенкнехт – за разум и справедлив-

16 См.: *Wer wählte die SPD – und warum?* // Tagesschau. 2025. 24 Februar (www.tagesschau.de/wahl/archiv/2025-02-23-BT-DE/umfrage-spd.shtml).

вость», отколовшийся от партии «Левые» в 2023 году. Средний класс и крупный бизнес долгое время были вполне удовлетворены деятельностью канцлера Меркель и ХДС/ХСС, в то время как население крупных городов отдавало предпочтение «Союзу 90/Зеленые». В таких условиях СДПГ, фактически, превращалась в «пятое колесо» политической системы ФРГ: отныне она могла рассчитывать на безусловную поддержку только тех групп, которые всегда голосовали исключительно за социал-демократов. Выборы 2021 года предоставили СДПГ еще один шанс, однако «светофорная» коалиция не справилась со все более серьезными внешними и внутренними вызовами. Сегодня в СДПГ, буквально разгромленной избирателями в феврале нынешнего года, идут дискуссии, посвященные выработке обновленной, спасительной стратегии. Многие партийные руководители говорят о необходимости вернуться к корням – то есть вновь взяться за приоритетное продвижение социальной повестки. По-видимому, вскоре станет понятно, удастся ли партии нащупать правильный путь. Время, однако, играет против СДПГ: реформироваться надо предельно быстро.

АНДРЕЙ БЕЛИНСКИЙ

НАРОДНАЯ ПАРТИЯ БЕЗ
НАРОДА: КРИЗИС НЕМЕЦКОЙ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ...

Конец теории?

Фредрик Джеймисон, левый универсализм и культурная логика современного капитализма

Игорь Игоревич Кобылин (р. 1973) – философ, историк культуры, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета, преподаватель программы «Политическая философия» Московской высшей школы социальных и экономических наук, доцент Приволжского государственного медицинского университета.

Игорь Кобылин: Уважаемые коллеги, благодарю вас за то, что вы согласились принять участие в разговоре, посвященном наследию Фредрика Джеймисона – одного из крупнейших представителей критической теории второй половины XX и первой четверти XXI века. Здесь действительно есть, что обсудить: Джеймисон на протяжении шестидесяти с лишним лет был важной фигурой американской – и шире, западной – интеллектуальной сцены; оставил внушительное количество текстов, написанных на самые разные темы: от научной фантастики, литературного и кинематографического нуара до Сартра, Адорно и русских формалистов; создал влиятельную концепцию постмодерна – вряд ли хоть кто-то, анализирующий сегодня этот феномен, обойдется без упоминания его *opus magnum*¹. Но мне хотелось бы поговорить не только о конкретных книгах Джеймисона и концептах, им разработанных, но и о нынешних перспективах универсалистского левого проекта в целом.

В своей последней опубликованной книге «Годы теории» (2024), которая посвящена французской мысли 1960–1980-х и представляет собой сборник лекций, прочитанных в зуме американским студентам во времена ковида, Джеймисон объясняет, почему речь идет именно о теории, а не о философии. Философия/метафизика всегда претендовала на создание централизованной системы, отражающей абсолют. Но сегодня мы знаем, что абсолютов не существует, и в этой ситуации Джеймисон пишет:

«Нам придется занять что-то вроде сократической позиции снайпера. Мы должны совершать не связанные друг с другом набег на то или иное поле, как поступал Сократ применительно к различным объектам своей критики... Я думаю, что теория делает нечто подобное, в том смысле, что ее абсолюты становятся темами»².

1 Джеймисон Ф. *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. М.: Издательство Института Гайдара, 2019.

2 Он же. *Постмодернистский театр философии* // Неприкосновенный запас. 2024. № 6(158). С. 5. Книга целиком: JAMESON F. *The Years of Theory: Postwar French Thought to the Present*. London; New York: Verso, 2024.

Однако сегодня и теория окончательно развалилась на более-менее автономные *studies*, если и скрепленные, то уже не общностью структуралистского бэкграунда, с одной стороны, и освободительной перспективой – с другой, а скорее моральным ригоризмом и этизацией любого теоретического вопроса. Это теоретическое отступление совпадает и с политическим отступлением левых по всему миру. В этом смысле недавняя смерть Джеймисона, хранившего верность марксистскому проекту всю жизнь, символически воспринимается как трагический знак обоих отступлений.

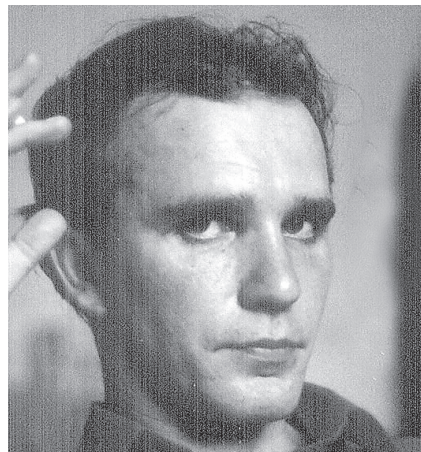
КОНЕЦ ТЕОРИИ?..

Сегодня теория окончательно развалилась на более-менее автономные *studies*, если и скрепленные, то не общностью структуралистского бэкграунда и освободительной перспективой, а моральным ригоризмом и этизацией любого теоретического вопроса.

Но прежде, чем начать дискутировать о таких глобальных вещах, первый вопрос я хочу задать о главном герое нашего разговора. В книге «Политическое бессознательное» (1981) Джеймисон сформулировал ключевой императив критического анализа культуры: «Всегда историзируй». Если попробовать обернуть этот императив на фигуру его создателя и историзировать его собственное интеллектуальное наследие, то что, на ваш взгляд, теперь скорее принадлежит уже ушедшему историческому контексту, а что сопротивляется контекстуализации и может послужить нам сегодня в качестве полезного теоретического и политического инструмента?

Артемий Магун: Фредрик Джеймисон сыграл огромную роль в американской интеллектуальной жизни, фактически создал научную школу, легитимировал по-английски – наряду с Мартином Джемом и Джиллиан Роуз – франкфуртскую критическую теорию. Помимо прочего, это был прекрасный, общительный и всесторонне эрудированный человек.

Исторически же это была явно фигура компромисса. Да, он одним из первых прочитал Франкфуртскую школу внимательно. Прочитал Сартра – это был его первый герой. Потом читал много советской философской литературы и интересовался нашей страной. Он развивался за счет такого международного любопытства и стал порождать собственные высказывания, но мне до конца не понятно, о чем они, он делает их с большой опаской. У него такая структура предложения, – очень длинного, всегда с извиняющимися оговорками – что в конце не по-

Артемий Владимирович Магун (р. 1974) – философ, политический теоретик, главный редактор журнала «Стасис».

нимаешь, в чем аргумент, хотя как раз в американской академии принято писать короткими фразами. Но вот выдающиеся философы этому не следуют, и в данном случае длина фразы связана с тем, что человек осторожничает. С одной стороны, марксизм – это здорово, с другой стороны, коммунизм – это плохо, Советский Союз – это плохо, тоталитаризм – это плохо, и даже классическая европейская философия – тоже плохо. Нет абсолютной истины, История закончилась, и в то же время марксизм – это все-таки здорово, но в качестве некоторой сверхновой подрывной концепции.

Если какой-то тезис у Джеймисона все же можно найти, то он про негативность, про то, что нет и не может быть целого даже там, где идет какой-то синтез. Джеймисон дает это диалектически, так что негативность является некой скрепой, – он берет это у Адорно, во многом заимствуя его пессимизм, для которого тоже характерен подобный компромисс. Но если у Адорно стиль литературно-поэтический, блестящий, то у Джеймисона он совершенно другой – разговорно-рассудительный. Почему? Вероятно, из-за цензуры и самоцензуры: они не дают порождать подобные поэтические высказывания. В Америке философией занимались более скучные люди, которые отвергали современную европейскую мысль. А Джеймисон – литературовед, и в литературоведении, наоборот, к ней был огромный интерес, но это же накладывало определенные дисциплинарные ограничения. Джеймисон не мог говорить с кафедры, что, мол, целое – это не истинное, что нет истинной жизни в фальшивом обществе и так далее, – для него такие высказывания невозможны. Поэтому мы видим скорее наблюдательную позицию, явное влияние англо-американского прагматизма на сам ход мышления, но при этом, действительно, хорошее понимание того, что хотели сказать Адорно или Лукач. Кстати, как литературовед Джеймисон всегда особенно интересовался Лукачем, и я допускаю, что поздняя позиция последнего – защита здравого смысла и марксизма как абсолютной истины – могла повлиять на него в смысле прозаизма мышления. Хотя, конечно, Джеймисон не мог разделять эпистемологического оптимизма Лукача и как бы гибридизировал этих двух великих антагонистов.

Историко-философские труды Джеймисона я всегда читаю с большой пользой и удовольствием, более того – с ними можно согласиться в отношении каких-то аспектов позднего капитализма и так называемого постмодернизма: что все хаотично, ничто не сцепляется и так далее. Но далее Джеймисон подпадает под критику антифилософии, которую проводили Жижек и особенно Бадью, и, в общем-то, эта критика в его отношении верна. Особенно меня не устраивает тезис о том, что филосо-

фия больше невозможна, а можно делать только теорию. Откуда взялся такой эсхатологизм «последнего человека»? И главное все это провозглашается от лица некоего «мы»: «Вот сейчас мы все уже понимаем, что философия закончилась». Кто эти «мы», что это такое? Какое Джеймисон имеет право включать меня, причем симпатизирующего читателя, в такой нигилизм? Почему не квалифицируется позиция высказывания – он мог бы написать: «Мы сейчас перед лицом борьбы с тоталитаризмом, под впечатлением от фашистской катастрофы и в силу неопровержимой позитивистской критики Поппера, должны сказать, что...»? Но Джеймисон утверждает невозможность единой истины как общепринятую данность, его мнение имеет большое влияние, но это крайне вредная и деструктивная позиция. Есть две с половиной тысячи лет интеллектуального развития – и кто от чьего лица сказал, что мы живем в конце истории, что все это надо отвергнуть?

КОНЕЦ ТЕОРИИ?..

Игорь Кобылин: Спасибо. То есть, как бы ни хотел Джеймисон отстраниться от постмодернизма и представить его исключительно в качестве объекта, который он анализирует, на деле здесь можно заметить короткое замыкание между объектом и методом его изучения: постмодернизм критикуется Джеймисоном постмодернистским же образом.

Антон, я думаю у вас несколько иная точка зрения, поскольку я помню ваш краткий некролог в телеграм-канале. Как бы вы ответили на критику со стороны Артемия? Есть ли у Джеймисона целостный проект или он действительно рассыпается на фрагменты? Или, вернее, так: метод по-гегельянски неотделимый от содержания рассыпается вместе с содержаниями, которые более не абстрактные моменты тотальности, а сама тотальность более не обнаружима, ее можно попытаться представить исключительно негативно. Или это не совсем так?

Антон Сюткин: Тут двоякая вещь, как часто бывает. Артемий об этом уже сказал: нужно отдать должное Джеймисону, который хранил верность критической теории, негативной диалектике на протяжении многих лет, – это его позиция. Наверное, диалектику Джеймисона можно назвать скорее эпистемологической, чем онтологической. Вряд ли он производит какие-то онтологические суждения, но как метод диалектику он разрабатывает, как и диалектическую герменевтику – способ читать тексты, что, мне кажется, довольно важно.

Я не сказал бы, что Джеймисон – критик истины или абсолюта, потому что у него есть очень серьезный пафос – даже в упомянутом высказывании «Всегда историзируй». У этого тезиса есть и вторая часть – «Всегда тотализуй». Джеймисон

Антон Сюткин (р. 1988) – старший преподаватель Европейского университета в Санкт-Петербурге, научный сотрудник Лаборатории критической теории культуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, научный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге.

всегда стремится к определенной тотальности, которая, более того, отождествляется им с утопическим импульсом, с утопией – не как с программой или проектом, но как со стремлением к гармоническому единству, к тому целому, которого в наличии никогда нет. Всегда есть реальная классовая борьба, история, которая создает раскол, заставляющий его интерпретации вступать в антагонистические отношения между собой.

Главный же пафос Джеймисона, упускаемый иногда из виду, состоит в том, что он предпринимает попытку все эти нарративы и идеологии подвергнуть тому, что сам называет «метакомментарием», в котором, с одной стороны, мы должны выявить утопическое содержание всех тех нарративов, с которыми мы имеем дело, а с другой, предполагающим саморефлексию позиции субъекта, который находится здесь и сейчас. Иными словами, это не совсем негативная диалектика, в которой остаются только критика, подозрение и некоторая меланхолия или агрессия. Джеймисон здесь больше наследует не Адорно, а Блоху, и отсюда его немного юмористические, завязанные исторический контекст тексты про утопическое содержание американской армии, супермаркета «Walmart» и так далее. В работе про научную фантастику и утопию есть прямой пассаж, действительно, Джеймисону не всегда свойственный: он говорит, что классический марксизм закончился, у нас нет революционного субъекта и в этом смысле мы возвращаемся к эпохе утопического мышления. Утопия – это единственная вещь, на которую мы можем сегодня опереться. Благодаря этому ходу, утопическое у Джеймисона генерализируется: мы можем искать утопическое во всем, что нас окружает. В этом есть оптимистический настрой, может быть, даже чересчур оптимистический.

Что касается того, что все рассыпается, и почему Джеймисон оказывается теоретиком постмодерна, то если присмотреться к тому, как Джеймисон интерпретирует классические тексты традиции и какие вещи он выводит на первый план в своих работах, то мы можем назвать его проект некоторым вариантом постмарксистской романтической диалектики. Аллегория – важнейший его термин. Он критикует *Aufhebung*, «снятие», он подчеркивает необходимость поиска утопии, движения к ней во всем – процесс, который в принципе никогда не может достигнуть конца, но всегда предполагает бесконечное стремление. Пусть это и не проговаривается у Джеймисона прямо, но, пожалуй, скрывается за большинством его работ, поэтому, если мы рассматриваем постмодерн как ситуацию меланхолического кризиса модернизма, то это предполагает возвращение вытесненного романтизма, ставящего под вопрос гегелевско-марксистское определение современности.

Ключевой положительный элемент проекта Джеймисона состоит в том, что он понимает романтизм не исключительно негативно, как меланхолию вокруг утраченного объекта и рассыпающуюся реальность, но и как бесконечное многообразие, в котором отражается утопическая полнота бытия, нам недоступная напрямую, но которую мы можем извлекать посредством определенных герменевтических операций. Не случайно большинство учеников Джеймисона реабилитируют философию, пусть и косвенно. Эндрю Коул, говоря о рождении теории, связывает неоплатонизм, немецкий идеализм и собственно марксистско-психоаналитическую теорию. Разрыв между теорией и философией, который для самого Джеймисона важен был по многим причинам – и из-за его верности критической теории, и из-за его попыток присвоить альтюссеровский структуралистский проект Теории, – сегодня, наверное, не так принципиален для многих его учеников. По крайней мере, мне так кажется.

Джеймисон понимает романтизм не исключительно негативно, как меланхолию вокруг утраченного объекта и рассыпающуюся реальность, но и как бесконечное многообразие, в котором отражается утопическая полнота бытия, нам недоступная напрямую, но которую мы можем извлекать посредством определенных герменевтических операций.

Игорь Кобылин: Спасибо! Артемий уже упомянул о важности институционального аспекта – формально Джеймисон занимался литературоведением, а не философией. Хотя, конечно, разнообразие тем, по которым он успел высказаться, поражает.

Антон Сюткин: Пугающая на самом деле вещь. Делёз, по моему, говорил, что его немного пугают энциклопедисты. Джеймисон, когда читаешь его тексты, производит ошеломляющий эффект, потому что он более-менее компетентно пишет и о Михаиле Лившице, и об Урсуле Ле Гуин, и о Кшиштофе Кисильёвском. Конечно, это поражает, с одной стороны, но не понимаешь, как с этим иметь дело, с другой.

Игорь Кобылин: Да, это точно! Но, возвращаясь к литературоведению, – Илья, вы как раз литературовед: как с вашей дисциплинарной позиции можно оценить проект Джеймисона в целом?

Илья Клигер (р. 1973) – филолог, ассоциированный профессор департамента русских и славянских исследований Нью-Йоркского университета.

Илья Клигер: Спасибо за вопрос. Мне кажется, тут проявляется некоторая американская специфика, потому что, как и многие американские студенты, интересующиеся континентальной философией, я оказался в аспирантуре на кафедре компаративистики, где надеялся заниматься теорией. Это было в конце 1990-х – начале 2000-х, на кафедре, где как раз учился Джеймисон, а потом около десяти лет преподавал, но на тот момент от его присутствия не осталось и следа. Была эпоха деконструкции, были еще коллеги и ученики Поля де Мана, был психоанализ, как раз в ракурсе *trauma theory*, остатки структурализма, интерес к Бахтину. В контексте такой фрагментации возникал вопрос: почему это так, а не иначе, почему тот или иной подход предпочтительней? Задавать такие вопросы при этом было не очень принято. И только когда на кафедре американистики я открыл для себя Джеймисона, у меня возникло ощущение, что вот, наконец, теория – из-за широты горизонта, из-за отказа заранее ограничивать сферу и метод исследования. Казалось, что, вооружившись материалистической диалектикой – тем, что Джеймисон называл «метакритикой», – можно вообще ничего не бояться.

Недавно я наткнулся на фразу в его работе про постмодернизм, которая кажется мне характерной: «We have much in common with neo-liberals, in fact virtually everything, save for the essentials»³. Это пример того самого «диалектического предложения», о котором Джеймисон писал в книге про Адорно, описывая также и свою стилистику. В этом смысле, да, как сказал Артемий, структура предложения у Джеймисона построена на отказе заострения, на своего рода «всемирной отзывчивости», но при этом все-таки и на бескомпромиссной приверженности марксистскому проекту, проекту перехода человечества из царства необходимости в царство свободы. Отсюда и установка на рассмотрение объектов и понятий как форм проявления (*Erscheinungsformen*) целостного социального процесса, то есть, в конечном счете, на историко-материалистическую философию социальных форм. В этом ведь и заключался главный проект его жизни – в написании шеститомной «Поэтики социальных форм» («Poetics of Social Forms»), несколько томов которой известны под другими названиями: «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма», «Археологии будущего», «Антиномии реализма»⁴. На фоне общей фрагментарности это был не очень модный проект построения системы, склонный к монументализму.

³ Ср. «Я буду отстаивать позицию, согласно которой у нас много общего с неолибералами, по сути почти все – за исключением самого главного!» (Джеймисон Ф. *Постмодернизм и рынок* // Он же. *Постмодернизм...* С. 528.).

⁴ См.: JAMESON F. *Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*. London; New York: Verso, 2005; IDEM. *The Antinomies of Realism*. London; New York: Verso, 2013.

Вспоминается эссе, которое Перри Андерсон опубликовал уже после смерти Джеймисона в «New Left Review», где говорит об отсутствии в текстах последнего политического начала, пафоса антагонизма. Но мы помним приведенную выше цитату о неолибералах. Терри Иглтон тоже критикует Джеймисона в аналогичном духе, но уже в связи с его неприязнью к проблематике морали. Тут речь как раз о том, о чем предлагалось говорить на нашем «круглом столе» – о морализации современного интеллектуального пространства. У Джеймисона – из-за его теоретического бесстрашия и всеядности – этого совсем нет, что иногда может выглядеть как такой «буддизм в науке»: упрек, который Герцен предъявлял друзьям – правым гегельянцам, когда все антагонизмы растворяются в диалектическом движении и наблюдаются с высоты теории или системы.

КОНЕЦ ТЕОРИИ?..

Структура предложения у Джеймисона построена на отказе заострения, на своего рода «всемирной отзывчивости», но при этом все-таки и на бескомпромиссной приверженности марксистскому проекту, проекту перехода человечества из царства необходимости в царство свободы.

Еще один характерный момент состоит в том, что при всей широте охвата и при всем интересе к традиции марксистской мысли Джеймисон практически не вступает в диалог с Антонио Грамши, не очень заметны в его текстах и такие современники, как Стюарт Холл или Реймонд Уильямс, вся Бирмингемская школа. Альтюссер, конечно, фигурирует, но в целом он Джеймисону важен в качестве теоретика, переосмысляющего отношения базиса и надстройки, а не в качестве политического философа. Иначе говоря, у Джеймисона практически отсутствует та ветвь марксистской критики идеологии и культуры, которая разрабатывает понятия конъюнктуры, сверхдетерминации, артикуляции (сочленения), делающие возможным осмысление политического действия. Можно взять, например, текст Джеймисона об овеществлении и утопии в массовой культуре. Тут все дебаты, все морально и политически перегруженные споры о том, что лучше – модернизм или массовая культура, снимаются одним ходом: Джеймисон показывает, как оба эти явления связаны в диалектическом противостоянии, отражающем определенную стадию развития товарной формы. То есть перед нами все-таки теория отражения, или, по типологии Альтюссера, методология «экспрессивной каузальности», отсылающая к таким неизбежным для Джеймисона фигурам, как Гегель и Лукач.

Но в марксистской традиции существует и другая модель, связанная как раз с Грамши, Бирмингемской школой, Альтюссером, – модель сверхдетерминации и конъюнктуры. Кроме того, в рамках новейшей теории социального воспроизводства, представленной, например, в недавно вышедшей книге Нэнси Фрейзер «Cannibal Capitalism», вводится понятие «функционального наложения» (*functional imbrication*)⁵. Всего этого у Джеймисона нет, и, хотя это отсутствие напрямую не проговаривается, мне кажется, такой выбор связан с тем, что, по Джеймисону, в условиях позднего капитализма экономика и культура в очень большой степени взаимопроникают. Экономика становится культурной (постиндустриальной, неолиберальной, товарно-экзистенциальной), а культура – экономической (индустрией культуры). Тем самым такие аналитические категории, как «артикуляция/сочленение» или «относительная автономия» социальных сфер, утрачивают актуальность, поскольку соответствуют более ранней стадии развития капитализма эпохи модерна и отражение или экспрессия оказываются как раз адекватной моделью.

Игорь Кобылин: Спасибо. Это очень интересный момент, особенно если вспомнить, с чего начинается анализ макиавеллиевского «Государя» у Альтюссера: все плохо, нет субъекта и нет никакого великого исторического диалектического закона, согласно которому он с необходимостью должен появиться. А есть только сложная конъюнктура, неустойчивая конфигурация контингентных сил, в которую нужно вмешаться, которую нужно доопределить, и благодаря такому вмешательству – политическому прежде всего – появляется субъект, и этот субъект – ты сам. Увлеченность Джеймисона диалектикой как раз и закрывала от него это измерение политического вмешательства и политической субъективации.

Я надеюсь, что к этому сюжету мы еще вернемся, а пока вопрос к Анне: вы тоже занимаетесь изучением литературы, но еще и теорией феминизма. Как видится концепция Джеймисона с этой позиции? Я не припомню, чтобы он специально как-то высказывался о феминизме, но я читал далеко не все, им написанное⁶.

⁵ См.: FRASER N. *Cannibal Capitalism. How Our System is Devouring Democracy, Care, and the Planet and What We Can Do about It*. London: Verso Books, 2022.

⁶ Джеймисон высказывался по проблеме феминизма. См., например: «Мы можем взять широко обсуждаемое отношение марксизма к феминизму. [...] Понятие перекрывающих друг друга способов производства и в самом деле позволяет обойти ложную проблему приоритета экономического перед тем, что относится к полу, или угнетения по признаку пола перед угнетением одного общественного класса другим. В нашей настоящей перспективе становится ясным, что сексизм и патриархальность следует понимать как остаток и опасный пережиток форм отчуждения, характерных для старейшего в человеческой истории способа производства с его разделением труда между мужчинами и женщинами, между младшими и старшими» (Джеймисон Ф. *Об интерпретации* // Он же. *Марксизм и интерпретация культуры*. М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. С. 63.). – Примеч. ред.

Анна Нижник: Если честно, я не ожидала этого вопроса – думала, что хотя бы здесь мы обойдемся без феминистской теории. У меня нет ответа и мне тоже не попадались развернутые высказывания Джеймисона по поводу феминизма. И, наверное, вот почему. Дело не только в личных особенностях и профессиональной траектории Джеймисона, а еще и в том, что для него в принципе, как мне кажется, не существует политического субъекта, на которого можно было бы делать ставку. В феминистской теории такой субъект – ситуированный как женский, другой, особенный и так далее – есть. А для Джеймисона этот субъект настолько множествен и разнообразен, что он, по всей видимости, предпочитал не концентрироваться на этой проблеме. Но здесь я боюсь быть неточной; возможно, где-то он развернуто высказывался, но мне такие тексты не попадались.

Но вернемся к теме разговора. Я согласна с доводами о некоторой половинчатости Джеймисона, о том, что в его текстах нет конкретной политической позиции, но от него, мне кажется, ее и не стоит ждать. Те, кто в России занимается литературной теорией, оказались с Джеймисоном в специфической ситуации. С одной стороны, у нас есть очень мощная философская, марксистская традиция с постоянно повторявшейся мантрой про диалектическое единство формы и содержания, и довольно логично, что те люди, которые хотели преодолеть старый понятийный аппарат, дискредитированный советскими институциями, довольно часто полностью отказывались от диалектики. С другой стороны, теории – в частности, теория постмодерна – которые в 1990-е были употребимы для России, являлись скорее позитивистскими, концентрировавшимися главным образом на художественных особенностях. Я говорю о том, как литературоведение обычно преподается «по методичке» – мы открываем постмодернистскую книгу и задаем вопрос: «А где здесь постмодернистская ирония и интертекстуальность?», – сидим и копаемся в этих бесконечных вопросах интертекстуальности. Поэтому, когда выросло новое поколение людей, у которых появились вопросы к интертекстуальности как основному принципу анализа – равно как и к самой концентрации на форме и к представлению о тотальности постмодерна, – то Джеймисон и его теория оказались хорошим и достаточно авторитетным педагогическим или методологическим выходом.

Джеймисон предложил вариант, где марксистское литературоведение вновь стало в целом возможным, хотя тут и есть проблема «большого имени», поскольку мы находимся в институциональной ситуации, которая описывается третьим – порочным – значением слова «диалектика», *the dialectics*. У Джеймисона есть статья, где к двум вариантам диалектики Гегеля он добавляет особую – третью – диалектику: когда говоришь

Анна Валерьевна Нижник (р. 1987) – доцент Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, академическая руководительница магистерской программы «Политическая философия» Московской высшей школы социальных и экономических наук.

«диалектика» и все проблемы, во всяком случае, противоречия, разрешаются. Так вот наши институциональные формы противоречат подлинной диалектике, которая включает сомнение и выход к новому, но поддерживают логику больших имен, поскольку, чтобы использовать какой-то метод, нам обязательно надо прикрыться большим «слоном». И если рассматривать Джеймисона как такого большого марксистского «слона», то, мне кажется, это очень полезная и хорошая фигура, которая предлагает альтернативу именно в России и особенно все более доминирующей теории «чистой эстетики», которую Джеймисон очень не любил и говорил о том, что везде, где появляется стремление к абсолюту, там же начинаются подозрительные, не слишком приятные современные вещи. Поэтому джеймисоновское отрицание отрицания – это следующий виток советско-гегельянского тезиса о единстве формы и содержания, который можно использовать в каких-то более современных контекстах. Если взять его книгу «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма», то там видно, что он может одновременно анализировать Джорджа Лукаса, панк-рок, Томаса Пинчона, выглядя как марксист и литературовед «с человеческим лицом». Потому что литературоведы – это обычно люди, которые делают вид, будто слушают только Шёнберга.

Наши институциональные формы противоречат подлинной диалектике, которая включает сомнение и выход к новому, но поддерживают логику больших имен, поскольку, чтобы использовать какой-то метод, нам обязательно надо прикрыться большим «слоном».

Но в чем Джеймисон, на мой взгляд, фигура не совсем полезная, так это в том, что его метод чрезвычайно разнородный. Артемий начал с того, что Джеймисон как-то очень туманно пишет, – думаю, что у этого тоже есть литературоведческие причины. Джеймисон – ученик Ауэрбаха, который изначально ставил вопрос о том, как эстетические формы обусловлены исторически. Но у Ауэрбаха была трудная ситуация, он не мог заниматься настоящими историко-литературными исследованиями из-за изгнания, поэтому он попытался создать теорию мимесиса – общую теорию формы и содержания эстетических форм. Я думаю, что разнородность Джеймисона – результат влияния Ауэрбаха; ему совершенно все равно, какой материал брать: все служит демонстрации культурной логики позднего капитализма. Но при этом не вполне ясна позиция Джеймисона относительно того, где он сам в этой логике нахо-

дится. Одно дело, когда появляются литературные или критические проекты – «e-flux» или Иэн Богост, – которые приходят, говорят: «Всем панк рок!», и пишут так, как полагается писать в рамках постмодерна: враздрай, небрежно организованной речью, в стиле уличной диалектики. Тогда понятно, где они находятся, потому что они дети постмодерна и производят бриколаж, который вписывается в его рамки. А у Джеймисона есть перебивка: с одной стороны, он осознает условия своего исторического существования, ту точку, в которой он находится, а с другой, он все еще укоренен в прежней литературоведческой традиции.

Его вторая сомнительную особенность – старый добрый структурализм. Несмотря на то, что Джеймисон в своих поздних работах не жалуется на структуралистские теории и говорит, что мы должны обратиться к логике, которая уже не занимается бинарными оппозициями, у него в то же время заметно мощное влияние Луи Альтюссера, Клода Леви-Стросса, Жюльена Альгидраса Греймаса. Например, Джеймисон модифицирует семиотический квадрат Греймаса, чтобы объяснить концепцию утопии, но в этом принципиально постмодернистского, если эта работа опирается на прежние, пусть и преобразованные, модернистские формы?

Мне кажется, на фигуру Джеймисона надо смотреть именно в этом контексте. Мы и сами не свободны от тех ситуаций, в которых находимся. С одной стороны, действительно, есть вопрос, какой проект мы могли бы предложить, а с другой – мы все так или иначе институционализированы, имеем своих учителей, свой бэкграунд, и Джеймисон от этого тоже не свободен. Подводя итог, я бы сказала, что методически Джеймисон хорош, потому что представляет собой альтернативу, особенно учитывая легкий колониальный оттенок современной, в том числе эстетической, теории в России, когда нам необходимо упоминать кого-то большого и западного для того, чтобы обосновать собственные исследования. С другой стороны, его величина, западность и глубокая вовлеченность в классическую методологию, не только гегельянскую, но и в структуралистское литературоведение, кажутся мне не совсем консистентными тем тезисам, к которым приходит поздний Джеймисон.

Игорь Кобылин: Спасибо, Анна. У меня вопрос ко всем. Илья и Артемий уже затронули эту тему, но хотелось бы обсудить ее более детально: это проблема политических импликаций подобного рода утопических текстов.

В последнее время я принимал участие в нескольких обсуждениях, где ставился вопрос о понятии контингентного, не необходимого, возможного и так далее. Теоретические ставки на

контингентность, которые делает современный радикальный историзм, все еще связывающий себя с освободительной политикой, вполне понятны и справедливы: действительно, алеторный материализм встречи в духе Луи Альтюссера кажется сегодня намного более перспективным политически, чем бесконечное ожидания у врат девелопментальных законов истории. Поэтому мы должны быть внимательны к возможному, которое всегда остается возможным, как бы ни сильна была гегемония не нравящейся нам действительности. И вроде бы у Джеймисона эта ставка тоже присутствует; Антон в начале нашего разговора не зря связал Джеймисона с Эрнстом Блохом, для которого понятие потенциального – одно из ключевых. Но у меня есть ощущение, что увлеченность возможным заставляет нас забыть о важности обязывающего. А все-таки пространство политического – это как раз пространство предписывающего и обязывающего. Даже у Делёза – то есть у философа, постоянно упрекаемого в том, что у него нет четкой политической программы, у философа бесконечных потоков Желания без нехватки – есть акцент на обязывающем моменте. В «Логике смысла» он, комментируя слова Жо Боске о том, что нужно стать «хозяином своих несчастий», пишет – позвольте, я процитирую:

«Лучше не скажешь: стать достойным того, что происходит с нами, а значит, желать и освобождать событие, стать результатом собственных событий и, следовательно, переродиться, обрести вторую жизнь – стать результатом собственных событий, а не действий, ибо действие само есть результат события»⁷.

Сегодня же этот обязывающий момент упускается. Кажется, что девелопментальный классический марксизм, с его «железными законами истории», был более политически изобретательным, чем актуальные – тонкие и теоретически изощренные – построения левых философов. Вера в то, что законы истории на нашей стороне, капитализм обречен и нужно лишь подтолкнуть его уже прогнившие опоры, рождала оптимистический импульс и политическую волю. А сегодня критическая теория лишь убеждает нас в неохватности и непобедимости капитализма, превратившегося из исторически определенной формации в чуть ли не онтологический режим. И нам остается лишь меланхолически созерцать руины и уповать на утопическое возможное – тут можно вспомнить статью Джеймисона «Вальтер Беньямин, или Ностальгия», которая является описанием и собственной ситуации автора⁸. После войны – если

7 Делёз Ж. *Логика смысла*. М.: Академия, 1995. С. 181.

8 Джеймисон Ф. *Вальтер Беньямин, или Ностальгия* // Он же. *Марксизм и интерпретация культуры*. С. 116–136.

исключить краткую революционную эйфорию 1968-го – левые оказываются в глубоком кризисе, и все, в конечном счете, заканчивается победой ставшего по-настоящему глобальным капитализма и неолиберализма.

КОНЕЦ ТЕОРИИ?..

В связи с этим вопрос: каковы сегодня перспективы универсалистской левой теории и политической практики? И можем ли мы опереться здесь на наследие Джеймисона?

Артеми́й Магун: Да, Джеймисон представляет тот долгий послевоенный период, когда левые были на спаде и ими, в общем, двигали идеи сохранения «сокровищницы» (но у Джеймисона она охватывает сравнительно короткий период – Франкфуртскую школу и французский структурализм) и критического отношения к капитализму. И тут проблема не только в том, что в Америке философия аналитическая, но и в том, что здесь нет левых в политическом смысле, и Джеймисон – человек без партии. Хорошо Андерсону и Иглтону: у них в Британии по крайней мере было рабочее движение – а тут ничего, Джеймисон – одинокий боец без армии, и в чем-то тут есть и трагический момент. То есть мы должны это историзировать и понимать эту фигуру.

При этом Джеймисон – глубоко американский мыслитель, в том смысле что при всем своем кругозоре он очень интегрирован в американскую культуру и, читая немецкую и французскую философию, иллюстрирует некоторые сугубо американские проблемы, как и всю эту историю про постмодернизм, примерами про отели Лос-Анжелеса и магазины «Walmart». Когда он пишет про американскую армию, его ключевая идея в том, что это единственный здоровый институт в Америке: там есть расовое равенство, серьезные социальные гарантии и так далее. В связи с недавними увольнениями [инициированными администрацией Трампа] я, например, узнал, что огромная доля федеральных чиновников – это ветераны армии, и то, что с ними расправляются, – это удар и по армейскому сектору.

Джеймисон хорошо понимал американское общество, искал в нем зоны с освободительным потенциалом, видя, естественно, и все его глубочайшие проблемы, – при неизбежной для американского профессора, «классовой ситуации», когда *de facto* ты находишься в *upper middle class* и при этом являешься левым философом в стране, где нет рабочего движения. Это очень парадоксальная ситуация, когда такое движение пытаются создать как бы «сверху», руками аристократии, – и, хотя Джеймисон особо не пытался это сделать, он симпатизировал всем реальным попыткам. Так что, говоря о всемирном капитализме, мы не должны забывать о национальной культурной специфике – сейчас это очень видно и очень важно: есть большой

американский проект, есть европейский проект, и есть вообще третий – азиатский капитализм, капитализм южной Европы. И Джеймисон работает исходя из этой оптики.

В чем еще специфическая черта американской культуры? В том, что либерализм и левые движения здесь очень тесно связаны, переплетены: трудно сказать, где начинается одно и заканчивается другое, в отличие даже от Британии. Это видно и у Джеймисона: местами он всеяден, падок на неолиберализм, на что угодно, он пытается всерьез воспринимать постмодернизм в согласии с французскими либералами вроде Лиотара. Я согласен с тем, что сказал Илья: у Джеймисона нет внимания к идеологии как к функции, и поэтому она воспринимается им с большой толерантностью – вот такая есть интересная идеология, она, наверное, параллельна процессам в базисе, а может, и не параллельна, а может, это просто наглая пропаганда. Такая ошибка встречается у многих гуманитарных ученых – принимать культурные явления за чистую монету. Но, повторю, безусловно, эта была крайне ценная деятельность человека, который пронес факел негативной диалектики и передал его условному Жижке, который работал уже с другой ситуацией, получил гораздо больше очков и хотя бы минимально взаимодействовал с какими-то [левыми] движениями. Или Майклу Хардту, который всю жизнь работал рядом с Джеймисоном, похож на него по бэкграунду и взглядам, но которому в силу возраста удалось включиться в деятельность реальных движений.

Что касается судьбы левых в целом, то в каком-то смысле марксизм сегодня полностью оправдался – и это большая победа, – а постмодернизм закончился, правда, от этого никому не легче. А говоря серьезно, сейчас есть потенциал для движения, которое связано с индустриальным трудом и которое опирается не столько на мифический пролетариат, сколько на реформаторские проекты социалистических партий и те силы, которые хотят индустриализации, реформ инфраструктуры и нормального функционирования государства в целом. Их я и называю «левыми», хотя они могут именовать себя как угодно, но это единственный шанс для тех ценностей, которые отстаивал Джеймисон.

Мы видим, что провал индустриальной политики, минимальное позиционирование через труд и рабочий класс абсолютно убило леволиберальные партии. Это же не столько Трамп победил, сколько демократы в США и социал-демократы в Германии проиграли, поскольку вместо того, чтобы заниматься базисом, они уделяли внимание надстройкам. Но я оптимистичен в отношении левого движения, потому что капитализм в последнее время наконец приоткрыл свое истинное лицо, – портрет Дориана Грея, показанный нам в облике Трампа. Сейчас будет

серьезная оппозиция и уже есть огромные социалистические достижения – то, что Джеймисон осторожно упоминал, но в целом совершенно недооценивал. Поэтому я и говорю, что вся эта апокалиптика не на своем месте. Мы видим по действиям Трампа, что там было, что разрушать.

КОНЕЦ ТЕОРИИ?..

Сейчас есть потенциал для движения, которое связано с индустриальным трудом и которое опирается на реформаторские проекты социалистических партий и те силы, которые хотят индустриализации, реформ инфраструктуры и нормального функционирования государства в целом.

Антон Сюткин: Я попробую сейчас оттолкнуться от Джеймисона и его отношений с политикой, потому что здесь действительно есть проблема. Жижек называл Джеймисона – который был одним из его вдохновителей – «революционным филателестом», упрекая того в отсутствии связи с реальной политикой, с каким-либо действием. И мы обсуждали, что Джеймисон – уклончивый автор, но есть один текст, где он вполне четко прописывает свою позицию: «Бадью и французская традиция»⁹. Мне кажется, он видел в Бадью – с его ставкой на философию, на определенный децизионизм, политику акта, решения, События – своего рода кузена, потому что у обоих сартрианские истоки, они активные читатели Сартра. И при этом Джеймисон остро критикует позицию Бадью за его вариант марксистского анархизма, за волюнтаризм, за политику акта – что как раз говорит о том, что все это ему максимально чуждо. Иными словами, уклончивость Джеймисона носит сознательный характер и выражается в том, что он вообще не видит политику как некую автономную практику. Политика для него является источником материалов, которые могут быть помещены в его герменевтическую машину, бесконечно производящую новые тексты. Я с очень большой симпатией отношусь к этой машине самой по себе. Как все сегодня уже говорили, нельзя принижать достижения Джеймисона в качестве эпистемолога, теоретика диалектики как метода, но выхода к осмыслению каких-либо конкретных политических явлений у него нет. Из-за чего? Из-за того, что его герменевтическая машина была, как ни странно, тотальной: она все превращает в аллегории, но за ее пределы, за пределы интерпретации выхода нет. Это проблема джеймисоновской политики.

⁹ JAMESON F. *Badiou and The French Tradition* (<https://newleftreview.org/issues/ii102/articles/fredric-jameson-badiou-and-the-french-tradition>).

Но, чтобы подчеркнуть, зачем Джеймисона все же стоит читать (помимо эпистемологии), обращаю внимание на то, что из-за своей ставки на тотальность он был максимально внимателен к универсалистскому измерению политики. Он апеллирует к мир-системному анализу, довольно много пишет про «третий мир», у него есть – хоть и в контексте кино – геополитическое измерение. Все это присутствует у Джеймисона в рамках его герменевтической позиции, и, откликаясь на реплики Артемия, я хочу согласиться с ними, но с оговоркой. Сегодня мы видим не просто кризис левых, о котором говорит Игорь и который мы все в той или иной степени диагностируем, а кризис левых постмарксистского периода, связанный с отказом от радикального преобразования мира, от внимания к проблеме пролетариата и индустриального труда. Если мы говорим про американских демократов, то в конечном счете у них все сводится к политике идентичности, к борьбе за символическую гегемонию и так далее. Есть разочарование в постмарксистской политике, которая связана отчасти с анархизмом, но анархизмом, скорее диссидентским и потому сложно отличимым от либерализма. Это позиция, когда быть левым – значит быть против государства и его репрессивного аппарата. Глобальный капитализм находится здесь где-то за рамками внимания. Ок, мы можем критиковать капитализм, но критиковать очень моралистически; мы можем проявлять этическое несогласие с происходящим, но никакой программы, как этот капитализм может быть преобразован, тут за редкими исключениями нет.

Однако уже довольно давно существуют обратные тенденции, связанные как раз с реабилитацией индустриального труда, – они появляются в русско- и англоязычном контексте, но в основном в неакадемическом или параакадемическом пространстве. Довольно серьезное влияние имеет сегодня Доменико Лосурдо, буквально оправдывающий сталинизм и говорящий, что китайская коммунистическая партия и вообще современный Китай – это продолжение социализма. Все это – реальные явления, возникшие в противовес постмарксистскому отказу от осмысления государства, плановой экономики и так далее.

Таким образом, мы имеем дело с двумя полярностями. С одной стороны, с глобальным постмарксистским анархизмом, критикующим любое национальное государство, этически несогласным с капитализмом, но протестующим против него «изнутри». А с другой стороны, с позицией, реабилитирующей национальное государство, коммунистическую плановую экономику, и с деколониальной риторикой. Мне кажется очень важным уйти от этих обеих одинаково тупиковых крайностей.

И следующий шаг тут подсказывает не Джеймисон, а другой литературовед – не американский, а японский – Кодзин Каратани с его реапроприацией мир-системного анализа и требованием переосмыслить интернационализм – не просто как этическую перспективу, хотя она очень важна в сегодняшней ситуации, связанной с военными конфликтами, а в экономическом, институциональном изменении. То есть при всем внимании к индустриальному труду важнейшим остается универсальное измерение, которое у апологетов индустриального труда часто сегодня теряется.

КОНЕЦ ТЕОРИИ?..

Уклончивость Джеймисона носит сознательный характер и выражается в том, что он вообще не видит политику как некую автономную практику. Политика для него является источником материалов, которые могут быть помещены в его герменевтическую машину, бесконечно производящую новые тексты.

Артемий Магун: Я бы подхватил и дополнил. Я упоминал, что Джеймисон был сугубо американской фигурой, но в качестве таковой он сыграл огромную роль в пропаганде универсализма. Например, он был одним из очень немногих, кто всерьез рассматривал советскую, российскую культуру. Понятно, что были слависты, но на них за пределами дисциплины никто не обращал внимания. И мы в качестве носителей постсоветской культуры ему, конечно, обязаны, хотя сделано было недостаточно, а социалистический советский опыт был проигнорирован практически полностью, что, в частности, привело к тому, где мы сейчас находимся. Но Джеймисон, безусловно, двигался в этом направлении. То же самое с континентальной европейской традицией: ее он более успешно продвигал в Америке, там появились последователи, хотя и сохранялось огромное сопротивление.

Говоря оптимистически, любая политическая утопия, любая политическая интеграция слева предполагает более-менее универсалистскую культуру и Джеймисону ошибочно казалось, что она есть («глобализация»), хотя на деле мы ее не имеем, поскольку культуры очень националистически разорваны. Той интеграции всего на базе Микки Мауса, о которой думали и Адорно, и Джеймисон, не произошло, поскольку одного Микки Мауса недостаточно, – все остальное национализировано, разобрано по хантингтоновским цивилизациям, по социально-политическим моделям. Тут необходимо создавать большую международную политическую силу, а это невозможно без

хорошего знания универсальной культуры, культуры разных стран, и в этом смысле Джеймисон был ренессансным человеком, в этом была его политическая миссия.

Анна Нижник: Я тоже хотела бы высказаться про левых. Сегодня у нас выстраивается своего рода история прогресса: сначала был «эссенциалистский» субъект – идеальные *Рабочий* или *Женщина*, которые боролись за свои права; затем постструктуралистская критика этот субъект развенчала, и мы оказались в неолиберальном мире множественных идентичностей. И если на Западе данный нарратив поддерживается как часть культуры, в духе «как здорово, что мы живем именно в таком мире», то в России это воспринимается с обратным знаком: «до чего дошли проклятые англосаксы». Потом оказалось, что «англосаксы» тоже недовольны и своей множественностью, и своей повесткой, но нарратив движения от эссенциализма к множественности, разнообразию, фрагментарности остается основным, а левые по отношению к нему расколоты. Часть теоретиков продолжает настаивать, что множественность – это очень хорошо, что левые должны оставаться «единорогами» и «снежинками» и не должны возвращаться к тотализирующим ужасам единого рабочего класса. Но слышна и противоположная позиция: раньше у нас было единство, а теперь мы пришли к каким-то непонятным идентичностям, которые никому не нужны, нас это раскалывает, так что давайте возвращаться обратно.

Мне кажется, что здесь возможен синтез, и поэтому задача возвращения к политике и стоит так остро. Люди с разными особенностями – небелые, женщины и так далее – никогда не прекращали быть рабочими, а капитализм никогда не заканчивался. Именно поэтому, когда Джеймисон говорит, что есть одна тотальность, тотальность капитализма – это интеллектуальный ход, который позволяет вернуться к политике, не теряя тех завоеваний, которые были не так уж плохи в эпоху множественности, и потому, на мой взгляд, не все из этой множественности надо отбрасывать и, к примеру, возвращать женщин обратно на кухню. Получается, что, кроме двух нарративов – вперед к большей фрагментарности или назад к единому субъекту, – есть еще и третий: осмысление того, что у нас, как у субъектов со своими особенностями, есть эта общая тотальность. Туда, мне кажется, и надо двигаться – и совершенно не обязательно при этом впадать в радикальный традиционализм.

Выскажу еще одно наблюдение по поводу локальности и разных диалектик. Я нахожусь в России и довольно часто слышу слово «тоталитаризм». Недавно было обсуждение воссозданного Союза писателей Российской Федерации, который воз-

главил Владимир Мединский, и часть прогрессивно мыслящей общественности сказала: «Какой кошмар, мы возвращаемся обратно в советский тоталитарный мир!». Но время покажет, что поверх национальных диалектик есть и одна общая: например, у нас есть мир капитала, существует рынок, и потому совершенно невозможно вернуться обратно к советскому Союзу писателей. Можно бесконечно прославлять Мединского и его идеологические нарративы, но есть рынок, на котором более популярны дамские романы и фэнтэзи...

КОНЕЦ ТЕОРИИ?..

Артеми́й Магун: ...Мединский – рыночно успешный автор.

Анна Нижник: Ну, как сказать. Если смотреть по тиражам, то нет. Существует Анна Джейн, у которой тиражи в десятки раз больше, чем у Мединского.

Игорь Кобылин: Это разные сегменты, каждый со своими аудиториями: есть рынок дамских романов, а есть рынок политической публицистики, и там Мединский действительно успешен.

Анна Нижник: Да, но все равно физически невозможно этой государственной тотальностью, фантазиями идеологического аппарата перебороть то, что соответствует рыночным тенденциям. Да, предположим, Мединского читают, но в этом Союзе писателей есть огромное количество авторов, которых никто читать не будет и которым этот рынок популярной литературы составляет успешную конкуренцию. Государственная тотальность вполне может быть побеждена тотальностью рыночной или во всяком случае государственной тотальности надо с рынком как-то договариваться.

Когда Джеймисон говорит, что есть одна тотальность, тотальность капитализма – это интеллектуальный ход, который позволяет вернуться к политике, не теряя тех завоеваний, которые были не так уж плохи в эпоху множественности, и потому не все из этой множественности надо отбрасывать.

Мне кажется, что, помимо либеральных или зеркальных им консервативных нарративов об исторической судьбе и идентичности, помимо благопожеланий относительно того, куда нам надо двигаться в области больших идеологических нарративов, существует тотальность рынка, которая говорит: «Мой

единственный нарратив – это капиталистический нарратив», – и рынок идет туда, где есть деньги, а не туда, где государство фантазирует о своей исторической судьбе. Как мы видим по последним событиям, капитал довольно легко меняет расстановку друзей и врагов. И никакой исторический нарратив, сколь могущественен он ни был, не может тягаться с нарративом о том, что все должны ловить деньги, как в недавнем ролике о судьбе сектора Газа, нарисованным искусственным интеллектом по заказу Дональда Трампа, где дети хватают доллары, падающие с неба. Это и есть настоящая тотальность.

Игорь Кобылин: Анна, спасибо. Мне кажется, что российское государство совершенно не против рынка, оно, наоборот, требует от нас еще большей эффективности, успешности, всячески стимулирует повышать наши KPI. И этой рыночной логике, в общем-то, никак не мешает то, как оно выстраивает идеологию исторического наследия, включая в него и Советский Союз.

Теперь я хотел бы задать вопрос Илье. В свое время Жак Рансьер ввел понятие «политика литературы» – не в смысле, что литература, будучи независимым институтом, ангажируется и начинает служить чуждым ей политическим целям, теряя при этом свою эстетическую автономию, а напротив, что во всей своей автономии и независимости литература обладает собственными силой и политикой, способностью менять социальные траектории человеческих жизней. Вопрос о такой политике литературы тем более важен в свете того, о чем говорил Артемий: у нас до сих пор нет подлинно интернациональной культуры, мы мечемся между стандартизированной поп-культурой и стремительно национализирующимися локальными культурами, где теряется всякое универсальное измерение. Если оттолкнуться от Джеймисона, то как можно было бы представить себе сегодня освободительную политику литературы?

Илья Клигер: Для меня это сложный вопрос. В связи с ним вспоминается вызвавшая много обсуждений статья Джеймисона «Литература “третьего мира” в эпоху межнационального капитала»¹⁰, где он пишет, что существуют такие социальные формации, до которых постмодерн, поздний капитализм еще не дошли и куда они дойдут, может быть, в какой-то другой форме. Внутри этих формаций существуют отношения – например, между интеллектуалом и обществом, между литературным текстом и политическим пространством, – которые устроены иначе и обладают возможностями, недоступными в эпоху позднего капитализма. В связи с проблематикой универсализма и

10 ИДЕМ. *Third-World Literature in the Era of Multinational Capitalism* // *Social Text*. 1986. № 15. P. 65–88.

партикуляризма на Джеймисона обрушился поток критики со стороны постколониальных мыслителей и писателей – например, Айджаса Ахмада и других. Затем последовал ответ Джеймисона, а также иных защитников концепции национальной аллегории и ее продуктивности.

КОНЕЦ ТЕОРИИ?..

Мне кажется, что в момент такого кризиса универсализма возникает возможность переосмыслить само понятие универсальности. На мой взгляд, статья Джеймисона работает с понятием конкретной, а не абстрактной универсальности по аналогии с Марксовым определением человека как совокупности, точки пересечения социальных отношений. Такое понимание можно отнести и к конкретным геополитическим формациям, национальным культурам и так далее. Иначе говоря, нет необходимости конструировать прямолинейное движение в одном направлении, где кто-то оказывается отсталым; наоборот: необходимо мыслить универсальное конъюнктурами или совокупностями. Так можно избежать деполитизации, видя в политическом действии вмешательство в ситуацию, в совокупность антагонизмов, подобно тому, как вы, Игорь, описали альтюссеровское прочтение Макиавелли с его пониманием фортуны и доблести (*virtu*). Оставаясь в рамках экспрессивной каузальности, подчиняясь социальному воображаемому, где культура сливается с экономикой, базис – с надстройкой, мы попадаем в ситуацию магического мышления, где, например, в рамках политики идентичности оказывается, что политическая корректность языкового употребления (которая, конечно, относительно важна) магически избавляет нас от общественных практик доминирования и эксплуатации, или перестройка канонов (которые, конечно, надо перестраивать) выступает как восстановление социальной справедливости. И все это в контексте самых что ни на есть элитных учебных заведений, куда никто не может попасть, и обучения, которое никто не может позволить себе финансово.

Проблема, таким образом, оказывается не столько в том, что делается, а в том, кто это делает и для кого. Получается такое самодовольное наклеивание пластырей на глубокие и обширные раны на теле общества, которые культура не в силах вылечить или хотя бы прикрыть. Подобные практики напоминают критику Марксом и Энгельсом младогегельянцев, занимающихся борьбой новых «фраз против [старых] фраз» вместо того, чтобы анализировать связь между «немецкой философией и немецкой действительностью». Но если младогегельянцы ставили перед собой задачу просвещения и секуляризации общества, понимали, что они работают над демистификацией фраз, то сегодня оказывается, что граница между фразами и действительностью становится непроницаемой (в действительности) и

одновременно смывается (во фразах). То есть те теоретические ходы, которых избегает Джеймисон (морализация, непосредственная политизация теории), оказываются как раз симптомами эпохи, которую он помогает нам понять (поздний капитализм, постмодерн). В такой ситуации, мне кажется, левая повестка литературы связана с отходом от проблематики идентичности, личной травмы и с возвращением на новом витке к реализмам «когнитивной картографии» (*cognitive mapping*), поскольку литература и культура в целом – и тут я, наверное, слишком солидарен с Джеймисоном – нужнее для рефлексии над миром, чем для его изменения. Измерять будут социальные движения, политика.

Игорь Кобылин: Антон, у меня к вам тот же вопрос, но уже не про литературу. Я благодарный читатель вашего телеграм-канала, где вы много пишете про поп-музыку. На ваш взгляд, есть ли сегодня удачный пример «политики музыки» – в рансьеровском смысле? Есть ли что-то в нынешнем музыкальном мире, что преодолевало бы ту дихотомию, тот антагонизм, который обозначил Артемий?

Антон Сюткин: Очень сложный вопрос. Когда я слушал Илью и Анну, то прокручивал в голове какие-то примеры из современной российской культуры. Мне кажется, что реакция на происходящий мировой кризис в нашем локальном пространстве выражается несколькими способами. Первый – это реакция морального осуждения, диссидентская, скажем так, музыкальная позиция, вернее, этическая позиция, которая выражается в музыке и которая, по понятным причинам, сегодня стала в основном эмигрантской. Второй способ – это идея дереализации, идея искусства как попытки обрести максимальную отрешенность, которая может быть выраженной в чем угодно, во всех жанрах – от пост-панка до хип-хопа. Там изобретают очень сложные звуковые решения, позволяющие слиться если не с абсолютном, то с неким потоком бытия, не имеющим никакой дифференциации, где, что характерно, последние события, военные конфликты, практически не находят никакого отражения. Это история про вытеснение. То, что происходит в последнее время, – это попытка принятия происходящего, изменившегося исторического времени со всей его сложностью. Это не поддержка государственной политики, но и не отрицание ее, а попытка найти себя в изменившихся координатах, уход от чистого морализаторства или от мистической отрешенности к политике.

Но у меня есть большое опасение, что попытка заново начать мыслить, рефлексировать в искусстве политическую ре-

альность будет резонировать с тем, что происходило в России в 1990-е. Происходит эстетический «камбек» 1990-х с нацбольской чувственностью, где, с одной стороны, вызывающие отвращение капитализм и государство, как холодное чудовище, а с другой, в качестве альтернативы им, – поиск органической целостности, видимо, национальной. Отчасти проявляются и классовые мотивы – но каковы они в русском рэпе? Если человек пошел на войну зарабатывать деньги, но все равно остался «своим», с которым ты рос, то ты не можешь осуждать его этически, потому что не знаешь, что его на это толкает. Получается крайне противоречивая ситуация. С одной стороны, мне кажется, что возвращение этого измерения политического искусства в России конца 2024-го – 2025 года – это правильный феномен. Но, с другой стороны, как в искусстве можно выразить чувство, обозначаемое некоторыми моими анархистскими коллегами словом *affinity*, – что-то вроде родства, укорененного именно в почве национального? Как это *affinity* сделать интернациональным? У меня нет ответа, и поэтому я просто делюсь своими наблюдениями и скажу, что эта задача остается сегодня не реализованной.

КОНЕЦ ТЕОРИИ?..

То, что происходит в последнее время, – это попытка принятия происходящего, изменившегося исторического времени со всей его сложностью. Это не поддержка государственной политики, но и не отрицание ее, а попытка найти себя в изменившихся координатах, уход от чистого морализаторства или от мистической отрешенности к политике.

Игорь Кобылин: Анна, возвращаясь к литературе, – тот же вопрос, что и Илье, но с некоторым уточнением. Вы наблюдатель актуальной литературной и художественной ситуации в России: что можно сказать о политике литературы в этой связи? И если немного утопически порассуждать на перспективу – то какие стратегии политики литературы можно было бы развивать, учитывая социально-политическую ситуацию в целом?

Анна Нижник: Илья упомянул статью Джеймисона про колониальную литературу – в этой связи интересно отметить, что Россию сейчас с некоторым опозданием захлестнула волна автофикциональных повествований. Тут можно было бы сказать, что это травмоговорение чрезвычайно утомительно, потому что эффект таких текстов построен примерно по одной и той

же модели поиска своей субъектности, руссоистской биографии, когда героиня или герой «приходят к себе». Это можно бесконечно критиковать, говорить, что такие тексты сделаны по одному лекалу, что они вписаны в рыночную логику, что это становится коммерческим жанром в противовес первоначальному антироманному запалу, который был у автофикшена 1970–1980-х.

Но также здесь можно увидеть и много интересного. Многие такие проекты реализуются коллективными усилиями, и мне кажется, что это чрезвычайно важно. С одной стороны, рынок издает коммерческие монологические романы такого типа, а с другой – есть группы людей, которые самоорганизуются и выпускают сборники, зины, веб-зины. Это шаг от рыночной тотальности в сторону понимания искусства как коллективной деятельности. Вокруг такой литературы, нравится она нам или нет, образуются целые сообщества. Например, есть область фанфикшена – «приличные» литературоведы этим не занимаются, но мы, как «неприличные», иногда сюда заглядываем, – которая интересна не столько художественными особенностями, сколько тем, что это коллективная деятельность. Люди пишут тексты друг для друга, там есть постоянный читательский отклик, регулярные обсуждения, комментарии. Это совершенно другой тип творчества, отличающийся от литературы в классическом понимании, где есть идеальный творец, напрямую подключенный к абсолюту, и смиренные читатели, внимающие его замечательным мыслям.

Антон упомянул хип-хоп сцену: тут тоже важны не только тексты или музыкальные особенности, а именно коллективность. Важно, что это фанатская деятельность, это сообщества, это целые группы, которые поддерживают друг друга или ругаются. Нельзя сказать, что в этих сообществах писателей-фанфиков, в автофикшен-сборниках или в хип-хоп объединениях наконец реализовалась чаемая левая коллективность, но нужно смотреть на искусство как на совместную деятельность. Это очень важно, потому что литература и искусство – это в том числе форма политического и идеологического высказывания, а не просто покупка и потребление. Есть группы молодых людей, которые ни с того ни с сего абсолютно бесплатно организуют друг для друга в современной Москве поэтические чтения, собирают вокруг этого сообщества и обсуждают – подумать только! – современную верлибрическую поэзию. Зачем это людям? Им важно быть вместе. Мне кажется, это оптимистический момент. Если отстать от искусства с нормативными указаниями, то получится практика, которая будет соответствовать, в том числе левой, ну или хотя бы эмансипаторной в широком смысле эстетической политике.

Антон Сюткин: Я абсолютно согласен по поводу современной коллективной поэтической работы – это очень вдохновляюще, но здесь возникает проблема, с которой я не очень понимаю, что делать. И музыкальная деятельность, и поэзия современных групп, в том числе петербургских, московских, эмигрантских, – все это попадает в дихотомию элитарного и массового искусства. Поэзия, будучи левой по форме и стилю, парадоксальным образом оказывается отделена от массовой культуры, и мы оказываемся в той же ловушке, которую сами диагностировали у «нормальных» литературоведов, разделяющих жанры. Поэтому одна из главных задач для нас – пишущих и говорящих про искусство, литературу и культуру – это пытаться вслед за Джеймисоном и Марком Фишером разбить стену между массовой и элитарной культурой, сделать так, чтобы, например, стихи Галины Рымбу и тексты Славы КПСС не фигурировали в разных пространствах.

Если отстать от искусства с нормативными указаниями, то получится практика, которая будет соответствовать, в том числе левой, ну или хотя бы эмансипаторной в широком смысле эстетической политике.

Илья Клигер: Я хотел бы добавить, что в упомянутой статье Джеймисона помимо элитарного, модернистского искусства, с одной стороны, и массового – с другой, есть еще третья категория, которой он посвящает буквально один абзац: аутентичное политическое искусство. Но именно это политическое искусство он связывает с тем, о чем говорили Анна и Антон: что оно должно возникать из коллективности, как бы жить в ней, – и это позволяет ему избегать товарной массовости. Мне кажется, что Джеймисон постоянно находился в поисках такой коллективности, имманентного сообщества, которое видимо, ощутимо, а не рыночно опосредовано. Об этом отчасти и статья о литературе «третьего мира».

Игорь Кобылин: Спасибо! Последняя тема, которую мне хотелось бы затронуть, связана с тем, что, как ни крути, имя Джеймисона все равно ассоциируется с его *opus magnum* – книгой о постмодернизме. Насколько точен был диагноз Джеймисона и если был точен, то насколько постмодернизм остается и нашим культурным горизонтом?

Илья Клигер: Мне кажется, что постмодерн, как его понимает Джеймисон, еще не закончился, но, может быть, заканчивается

и выделенные им аспекты все еще помогают нам понять, что, собственно, происходит. Почему не закончился? Артемий говорил, что Джеймисон в каком-то смысле игнорировал достижения американских леволибералов. Но ведь он писал свои главные труды как раз в момент распада (и так слаборазвитой) социальной демократии, в момент триумфа и гегемонии неолиберализма, с которым постмодерн и постмодернизм неразрывно связаны. А сейчас, возможно, начинается кризис этой повестки, и в зависимости от того, изменится что-то или нет, закончится и постмодерн в том виде, как Джеймисон его описал. Например, в последние несколько лет трудно стало говорить о вечном настоящем.

Игорь Кобылин: Да, Джеймисон писал о постмодернистском затухании историчности, и сегодня это кажется уютным ностальгическим прошлым. Спасибо, Илья!

Я хочу немного уточнить: постмодернизм, если совсем грубо обобщать, долгое время воспринимался в качестве аморального гимна Желанию – либидинальные пульсации, потоки и так далее. А сегодня все это оборачивается суровым моральным ригоризмом, бесконечной «этизацией» любого теоретического вопроса, причем главными моралистами оказываются именно левые или леволибералы, хотя традиционно мораль считалась оружием правых, а левые ставили на науку, рациональность, теорию.

Анна, Антон, как бы вы описали это странное диалектическое переворачивание?

Антон Сюткин: Артемий называет новую этику «новым сентиментализмом», связывая ее с апроприацией или переосмыслением французских эмансипаторных теорий в американском пуританском ключе. Это некая американизированная версия постмодернизма, которую часто именуют новым духом капитализма. Мы имеем дело с этим феноменом с 1980-х и, возможно, по последние годы, и скорее это либеральное присвоение левой повестки, в том числе и политика идентичности, и политика множественности. Сегодня этот феномен в кризисе, и если уж рассуждать в духе Бадью о том, что означает имя «Трамп», то оно представляет собой попытку отказаться от этого нового духа капитализма, вернуться в «старый добрый» мир капитализма 1950-х, до сексуальной и политической революции 1960-х, – стереть, зачеркнуть этот период. Я вижу в этом не только отрицательный момент, поскольку у нас появляется шанс переосмыслить левое наследие, сокровищницу которого создает Джеймисон. Такой сокровищницей сегодня стали, на мой взгляд, Делёз, Лиотар и прочие авторы. После

конца либеральной апроприации мы можем спокойней всем этим пользоваться, и я солидарен с Анной в том, что мы не должны отбрасывать идеи множественности и идентичности, но сейчас они должны получить другое переосмысление, быть помещены в иной контекст.

КОНЕЦ ТЕОРИИ?..

Что касается того, где мы сейчас находимся – в постмодерне или нет, – то с философской точки зрения ключевой для меня момент – это постдерридианская философия, связанная с конечностью, с меланхолией, с запретом на мышление об абсолюте, истине и других тоталитарных вещах. Однако критика этого произошла еще в 2000-е – движение спекулятивного реализма во многом было попыткой преодоления указанной догмы конечного, но на пути этого преодоления сам абсолют, который мыслят спекулятивные реалисты и который оказывается оторванным от социальных практик. Мейясу представляет левый эмансипаторный взгляд на мир, но и он, будучи человеком, выросшим в атмосфере постмодерна, боится, что попытки реализации политики абсолюта на практике будут заканчиваться тоталитаризмом и ужасом. Поэтому он предлагает свою версию коммунизма, который наступит в «четвертом мире» справедливости, связывает его с возникновением из ничего, *ex nihilo*, с вторжением контингентности, с тем, что, как пел Летов, маятник качнется в правильную сторону и все само собой исправится.

У нас появляется шанс переосмыслить левое наследие, сокровищницу которого создает Джеймисон. Мы не должны отбрасывать идеи множественности и идентичности, но сейчас они должны получить другое переосмысление, быть помещены в иной контекст.

Игорь Кобылин: Спектральный коммунизм, видимо!

Антон Сюткин: Вот, да. Близкое мне мышление Мейясу не является в прямом смысле преодолением догмы конечности, а представляет своего рода изнанку этой догмы. Поэтому попытка соединить упущенный в спекулятивном реализме пафос возвращения философии к абсолютному содержанию с вниманием к конкретной реальности кажется мне наиболее интересной и существенной сегодня задачей в философском плане. Я сам, наверное, пытаюсь делать что-то подобное в меру своих сил. Но и в целом есть тенденция преодоления постмодерна, догмы конечности и одновременно преодоления излишне мечтательной страсти к абсолюту, которая характеризовала последние деся-

тилетия. Попытка снова связать эти два измерения кажется мне принципиальной для сегодняшнего способа мысли.

Игорь Кобылин: Спасибо! У Иэна Богоста было что-то приближенное к этому.

Антон Сюткин: Это появляется у объектно-ориентированных онтологов, у новых материалистов, но тут для меня возникает другая проблема. Мне кажется, что у новых материалистов в подобного рода практиках происходит своего рода мистификация. К чему в новой материалистической перспективе мы сводим, допустим, экологию? К тому, что все живое, что человеческий субъект не является каким-то особенным в пространстве страдающих живых существ, и поэтому мы ничего не можем сделать – только сопереживать им. То есть практика вроде как появляется, но это практика, в которой превалирует сентиментальность, мистическая настроенность. У Богоста немного другой подход: у него появляется укорененность в повседневности, но опять же без программы преобразования мира или чего-то подобного. Это другая крайность по отношению к Мей-ясу, у которого должен появиться какой-то несуществующий бог, но все равно, с моей точки зрения, не решает антиномию.

Игорь Кобылин: Могу только согласиться.

Анна Нижник: Мне кажется, проблема в том, что мы часто находимся в разных контекстах и не оцениваем их до конца, не историзируем, как завещал Джеймисон. С одной стороны, есть разговоры о том, что личная травма становится превалирующей эмоцией; с другой стороны, когда мы говорим о вполне конкретных громких кейсах, в российском в том числе, образовании, приписывая их осуждение некой «новой этике», то забываем, что это старинная модернистская этика с иерархией добра и зла. Я думаю, что приписываемая молодому поколению обидчивость – это отчасти ответ на циническую позицию постмодерна, один из признаков того, что мы двигаемся не в сторону либертинажного постмодерна, а в сторону «традиционных ценностей» Просвещения: вот и «левые» начинают говорить о том, что не надо бить детей, помогать женщинам и обижать слабых.

Что касается того, находимся ли мы в постмодерне, то я стараюсь не задаваться этим вопросом, поскольку тут слишком силен телеологический формационный нарратив, а формационная теория по-разному работает в разных контекстах. Я предпочитаю размышлять с позиции «мелкобуржуазного анархизма»: мы находимся там, где находимся. Существуют об-

стоятельства, в которых мы оказались, и от того, назовем мы их «модернизмом» или «постмодернизмом», в нашей жизни мало что поменяется. Главный вопрос здесь: что мы в этих обстоятельствах делаем? Точка зрения, что мы застряли в постмодерне, – это как раз позиция, которая нас обездвиживает, потому что мы как будто говорим: ага, постмодерн, значит, у нас история кончилась; значит, у нас сплошная интерпассивность; значит, мы только зрители. Поэтому термин «постмодерн», с одной стороны, продуктивный – как вариант объяснительной схемы, но, с другой стороны, вредный – для политической или культурной практики. Через какое-то время ему, наверное, придумают замену. Я, например, предпочитаю думать, что мы находимся на стадии развитого постиндустриального капитализма. Позднего капитализма? Не факт.

Игорь Кобылин: Спасибо. У меня только одно замечание про новую этику. Мне кажется, молодые люди даже не представляют, что они реально сделали: они даровали вторую молодость циничному поколению, выросшему в 1980–2000-е, – условно моему. Новая этика рождает у поколения «отцов» трансгрессивное ликование: молодежь воспринимается как одновременно инфантильные «снежинки» и морализирующие старички, этакie «люди в футлярах». На этом фоне «отцы» чувствуют себя более молодыми и свободными – раскованными циниками, способными на трансгрессию.

Анна Нижник: Ну, «снежинки» оказались тем поколением, которое пошло в армию, и им, в общем, теперь не до того, чтобы обсуждать этические вопросы такого мелкого масштаба.

Игорь Кобылин: Да, даже здесь мы видим диалектику.

Антон Сюткин: Отреагирую на слова Анны и совершу каминг-аут фаната Джеймисона. Я считаю, что все-таки периодизация очень важна. Мне не нравится термин «постмодернизм», но я не готов останавливаться только на некоторых конъюнктурах, ситуациях и так далее. Когнитивная карта, один из любимых терминов Джеймисона, очень важна. Необходима ориентация, но эта ориентация возможна только в том случае, если мы понимаем, как оказались в точке, где сейчас находимся. Мы видим некоторую последовательность действий и событий, у нас есть разные исторические срезы в каждый момент, и тот же постмодерн – российский, американский, европейский – очень разный. Но мы должны учитывать все дифференциации и иметь пространство для шага вперед, для утопического горизонта. Нам нужно рисовать вот эту гегелевскую картинку – пусть,

может быть, без той уверенности в себе, какая была у Гегеля, у марксистов Второго Интернационала или даже у марксистов-ленинистов. Эта линия – пусть сбивчивая, уклончивая, постоянно осмысляющая падения истории и провалы, – но она должна быть. Для себя я рассматриваю постмодерн как провал модернистского и марксистского периода эмансипации, но в этом смысле он имеет также освобождающий характер, поскольку мы иначе можем осмыслить переход от немецкого идеализма к марксизму – так, чтобы он больше не был репрессивным, чтобы он был, в гегелевских терминах, не рассудочным, а разумным. Но это другая история и ее надо обсуждать отдельно.

Игорь Кобылин: Огромное спасибо за продуктивное обсуждение! Надеюсь, мы еще не раз вернемся к этому разговору.

Февраль 2025 года

Подготовка к публикации Светланы Липатовой

Конституция пост-Европы

Можно утверждать, что Европа все еще существует как политическое объединение в форме Европейского союза, но сегодня она на фундаментальном уровне *фрагментирована*. Это видно по различиям между странами-членами Европейского союза, а также по различиям между странами, уже вошедшими в ЕС, и теми, кто еще не интегрирован в него или планирует выйти. Восточноевропейские страны отличают себя от западноевропейских и порой рассматривают себя как субъектов постколониализма: в глазах неевропейцев страны Восточной Европы – часть колониальной силы, в то время как сами эти страны воспринимают себя в качестве жертв западноевропейской колонизации. Поэтому любое заявление о европейской философии должно прежде всего признавать множественность и несводимость друг к другу различных способов мышления, существующих внутри нее. Существовала древнегреческая, немецкая, французская, британская философии, однако все они – манифестация европейского духа. Именно поэтому Валери, Гуссерль

1 Публикуемая статья представляет собой параграфы 4 и 5 первой главы книги Юка Хуэя «Пост-Европа», русский перевод которой готовится к выходу в издательстве «Ad Marginem». Редакция «НЗ» благодарит «Ad Marginem» и лично Александра Иванова и Дмитрия Харькова за предоставленную возможность опубликовать фрагменты книги. Перевод выполнен по изданию: HUI Y. *Post-Europe*. New York: Sequence Press; Urbanomic, 2024.

**КУЛЬТУРА
ПОЛИТИКИ**

Юк Хуэй (р. 1985) – компьютерный инженер, философ, профессор философии Роттердамского университета Эразма, специалист в области философии техники, кибернетики и медиа-теории; автор книг «О способе существования цифровых объектов» (2016), «Вопрос о технике в Китае» (2017), «Машина и суверенность» (2024).

и Паточка могли говорить о кризисе европейского духа и о Европе как Идее. По словам Стиглера, французская философия – случайность в духовной жизни Европы, поскольку она представляет собой присвоение чего-то нефранцузского, а именно немецкой философии – Канта, Гегеля, Ницше, Хайдеггера и так далее. Однако, что делает французскую философию необходимой (при всей ее случайности) для истории философии, так это ее способность (особенно школы Деррида) прояснить роль технологии в европейском духе.

Если сущность французской философии не сводится к тому, что она является националистической, то причина заключается в том, что по сравнению со своей немецкой предшественницей ей удалось продвинуть европейский дух дальше, чем ее современницам. Она представляет собой сингулярность развития европейской философии, и эта сингулярность возникает в процессе индивидуации. Однако французская философия вполне может превратиться в националистическую, если не сумеет индивидуироваться в будущем. Иначе говоря, она может превратиться в защитницу французскости, существующей лишь в качестве простой национальной идентичности.

Таким образом, для того, чтобы у европейской философии было будущее – если Европе, согласно диагнозу Стиглера, суждено остаться философской, – ей придется воспользоваться техно-логической случайностью своей глобализации. [...] Стиглер продолжает:

«Европа призвана к глобальному становлению (существованию в глобальном масштабе) со своей философией, которое возможно лишь путем “деевропеизации” себя – в противном случае она погибнет. Ей не найдется места в этом грядущем мире; она, другими словами, лишится будущего, если не сумеет превратить свою философию в нечто глобальное и тем самым придать мысли внутренне случайный характер – и, более того, внутренне неевропейский характер Европы и ее будущего»².

Но разве европейская философия уже не стала глобальной? Что имеет в виду Стиглер, говоря о превращении философии в нечто глобальное? И где философу, живущему в глобализованном мире, искать свою *Heimat*? Если в размышлениях Стиглера можно усмотреть скрытый антиевропоцентризм, то, возможно, стоит защитить его следующим образом: Стиглер не претендует на возвращение философии домой, потому что *Heimat* не более чем случайность. Однако существует процесс, который сделал это случайное событие необходимым, имя ему – история западной философии. Теперь, признав случайность

2 STIEGLER B. *The Magic Skin, or The Franco-European Accident of Philosophy after Jacques Derrida* // Qui Parle: Critical Humanities and Social Sciences. 2009. Vol. 18. № 1. P. 99.

своего истока, Европа должна будет отстраниться от иллюзии *Heimat* и поставить вопрос о деевропеизации. Но что именно это будет означать? Будет ли это означать становление *heimatlos*? Другими словами, будет ли это означать становление другим, подобным азиату или африканцу?

ЮК ХУЭЙ
ФИЛОСОФИЯ
И ПОСТ-ЕВРОПА

Приведенная выше цитата заканчивается ссылкой на книгу Марка Крепона «*Altérités de l'Europe*»³ (2006) без дальнейших комментариев. Подобно тому, как Деррида в «*L'autre Cар*»⁴ (1991) называет любую однородную генеалогию (Европы) мистификацией, в «*Altérités de l'Europe*» Крепон предлагает взглянуть на Европу в перспективе инаковости, то есть перестать видеть в Европе историю, плавно переходящую от Греции к Римской империи, а затем к христианству⁵. Такая позиция – одновременно критика Валери и полемика с ним, поскольку на вопрос, кто такие европейцы, он ответил: «Я бы считал европейцами все те народы, которые в ходе истории подверглись трем влияниям», а именно: римскому, греческому и христианскому. Напротив, по мысли Крепона, внутри самой Европы содержится некая инаковость, которую она всячески пытается отрицать; инаковость, неотделимая от Греции, Трои, Анатолии и так далее. Эти неевропейские элементы Европы должны быть признаны – или осознаны – в качестве условия деевропеизации. Это становление-сознающим, или осознание (*prise de conscience*), должно рассматриваться не только как признание, но и как то, что ниже мы назовем *условием индивидуации мышления*.

Любое заявление о европейской философии должно прежде всего признавать множественность и несводимость друг к другу различных способов мышления, существующих внутри нее. Существовала древнегреческая, немецкая, французская, британская философии, однако все они – манифестация европейского духа.

В главе, озаглавленной «*Altérités de l'Europe*» (так же, как и книга), Крепон обращается к размышлениям Яна Паточки о Европе и подчеркивает угрозу национализма и тоталитаризма, в которых можно усмотреть нечто внутренне присущее

³ «Европейские инаковости» (фр.). – Примеч. перев.

⁴ «Другой курс» (фр.). – Примеч. перев.

⁵ CRÉPON M. *Altérités de l'Europe*. Paris: Galilée, 2006. P. 21. Введение к этой книге посвящено Бернару Стиглеру.

Европе, а также угрозу европоцентризма, который настаивает на универсальном характере европейской рациональности и экспортирует ее в неевропейские страны. Эта универсальная рациональность, как утверждает Крепон, есть одномерная и линейная универсальность, которая и стала источником кризиса европейского духа⁶.

Хотя в интерпретациях Стиглером и Паточкой кризиса европейского духа есть нечто схожее, они кардинально расходятся в понимании роли, которую в духовной жизни Европы играет технология. В какой-то момент Паточка задается вопросом, ведет ли техноквилизация к упадку. Затем на протяжении целой главы своих «Еретических эссе» (1975) он пытается доказать, что это действительно так, хотя в итоге его выводы можно охарактеризовать как неоднозначные и нерешительные. Действительно, как мы увидим далее, понимание техники у Паточки колеблется между гуссерлевской критикой европейской науки и хайдеггеровской критикой *Gestell*. В «Еретических эссе» Паточка, хоть и признает, что техноквилизация «делает возможным то, чего не смогла дать никакая цивилизация до нее: жизнь без насилия и с далеко идущим равенством возможностей»⁷, и допускает, что сам вопрос о том, не является ли техноквилизация упадочной, возможно, поставлен не вполне корректно, – в появлении современной науки и техники Паточка усматривает переломный момент в истории заката европейского разума:

«Величайшим переломом в западноевропейской жизни, как представляется, был XVI век. С этого времени в противовес теме заботы о душе выступает вперед новая тема, которая подчиняет себе политику, экономику, веру и науку и преобразует их в соответствии с новым стилем. Отнюдь не забота о душе, не забота о том, чтобы быть, а забота о том, чтобы иметь, забота о внешнем мире и овладении им становится доминантной»⁸.

Паточка возвращается к древнегреческой «заботе о душе» как фундаментальному вопросу европейской философии. Он

6 Небезынтересно отметить, что в статье Юргена Хабермаса, опубликованной в немецкой газете «FAZ» (2003) – в соавторстве с Жаком Деррида, – написанной в ответ на войну США в Ираке и призыв европейскими политическими лидерами к единству Европы с США, Хабермас призывает к автономии Европы в противовес односторонней внешней политике США. В конце текста Хабермас предложил европейским державам «рефлексивно дистанцироваться от самих себя», и эта дистанция позволила бы им признать необходимость «дать себе отчет о насилии принудительного и разукоряющего процесса модернизации». Хабермас указывал на то, что Европа должна развивать «стратегическую автономию», о чем двадцать лет спустя заявил Эммануэль Макрон после своего визита в Китай в 2023 году. Однако возникают большие сомнения: достаточно ли сегодня такой автономии внешней политики для решения планетарных проблем или же она лишь повторяет старый добрый европейский номос земли в смысле Карла Шмитта. См.: HABERMAS J., DERRIDA J. *February 15, or What Binds Europeans Together: A Plea for a Common Foreign Policy, Beginning in the Core of Europe* // *The Derrida–Habermas Reader*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. P. 270–277.

7 Паточка Я. *Еретические эссе о философии истории*. Минск: И.П. Логвинов, 2008. С. 145.

8 Там же. С. 106.

утверждает, что существуют два разных образа (*Gestalten*) заботы о душе: один (Демокрит) ищет тотальность знания, другой (Сократ и Платон) стремится к высшему развитию души. Первый образ – атомизм – порождает универсальную науку, чья цель заключается в преодолении заблуждения души путем поиска истины вещей; второй образ создает учение о внутренней жизни, или философию⁹. Философия занимается вопросом о том, как жить, а знание о том, как жить, равносильно знанию о том, как «заботиться о душе»¹⁰. Пост-Европа, согласно Паточке, требует возвращения к этому основанию философии, которое было затемнено и утрачено в ходе технонаучной модернизации.

Для Паточки пост-Европа прежде всего означает утрату статуса мировой державы после Второй мировой войны; эта *Verlust*¹¹ требует поразмыслить как о будущем Европы, так и о преодолении упадка ее техноцивилизации. Однако это утверждение весьма неоднозначно, поскольку его можно рассматривать как европоцентристское в той же мере, что и антиевропоцентристское. Антиевропоцентристским оно может быть потому, что подразумевает потерю Европой статуса центра мира, а европоцентристским – потому что, согласно Паточке, «нет другой истории, кроме европейской»¹². Вместе с тем, будучи учеником и знатоком Гуссерля, Паточка также впитывает гуссерлевскую критику научной рациональности: пост-Европа – состояние, в котором жизненный мир все больше сводится к объективности и расчетливости¹³. Забота о душе выступает в качестве кандидата на основной мотив постевропейской философии, как резюмирует Крепон:

«Забота о душе не подразумевает никакой системы ценностей, отсылающей к властям или институциям, какими бы те ни были. Напротив, если Паточка в своих размышлениях о европейском наследии действительно ищет “объединяющую формообразующую деятельность”, несводимую к доминированию Европы в прошлом, то забота о душе отвечает всем критериям, необходимым для нее»¹⁴.

⁹ Он же. *Европа и пост-Европа. Постевропейская эпоха и ее духовные проблемы*. Минск: И.П. Логвинов, 2011.

¹⁰ «Нашей самой важной заботе, *τὸς βίωσεν* [как жить], можно придавать смысл лишь в том случае, если с ней связано то, что в нас сущностно – наше бытие; а этим сущностным ядром внутри нас является *ψυχή* [душа]. Именно поэтому философия, чьей задачей является постановка, прояснение и рассмотрение вопроса о том, как нам следует жить, может быть определена как *ἐπιμέλεια τῆς ψυχῆς* – забота о душе, как сказано в “Апологии»» (Патоčka J. *On the Soul in Plato // The Selected Writings of Jan Patočka: Care for the Soul*. London: Bloomsbury, 2022. P. 76).

¹¹ Потеря (нем.). – *Примеч. перев.*

¹² «Такая концепция истории (и соответствующая ей философия истории) представляется довольно наивной и, более того, угрожающе европоцентричной» (Novotný K. *Europe, Post-Europe, and Eurocentrism // Thinking After Europe: Jan Patočka and Politics*. London: Rowman and Littlefield International, 2016. P. 301).

¹³ Патоčka J. *Réflexion sur l'Europe // Liberté et Sacrifice. Écrits politiques*. Grenoble: Jérôme Million, 1993. P. 181–213.

¹⁴ Crépon M. *Fear, Courage, Anger: The Socratic Lesson // Jan Patočka and the Heritage of Phenomenology*. Dordrecht: Springer, 2011. P. 183.

Поздний Стиглер, возможно, согласился бы с важностью заботы, поскольку для него вопрос о *panzer* (то, что Дэн Росс переводит как «забота») имеет первостепенное значение, но забота для него немыслима без технологии. Паточка понимает, что современная глобализированная техника представляет собой исключительную редукцию к тому, что Кант называет рассудком (*Verstand*)¹⁵ – в отличие от саморефлективного разума (*sich verstehende Vernunft*). Эта критика техники переключается со стиглеровской критикой современных цифровых технологий, поскольку последние обладают аналитическими способностями, но их нельзя путать с разумом в кантовском смысле.

Другими словами, как у Паточки, так и у Стиглера постевропейская философия должна принять технику всерьез и понять ее основательным образом¹⁶. Однако между их позициями есть фундаментальные различия, которые можно возвести к двум пронизательным интерпретациям Хайдеггера. Два ключевых текста Паточки о технике представлены лекцией, прочитанной в сентябре 1973 года и озаглавленной «Опасности технизации в науке по Э. Гуссерлю и сущность техники как опасности по М. Хайдеггеру» (также известной как Варнская лекция)¹⁷, и последовавшим за ней семинаром в Праге в октябре¹⁸. В лекции Паточка сравнивает размышления Гуссерля и Хайдеггера о технике и отдает предпочтение «более радикальному» подходу последнего. Паточка понимает хайдеггеровский диагноз *Gestell* как способ постижения бытия, исключая другие, но видит в искусстве возможность доступа к истине, отличного от *Gestell*: другую конфигурацию сущего и возможность несокрытости бытия. Это размышление об искусстве, к которому сам Хайдеггер прямо обращался в «Истоке художественного творения» (1935/36) и «Вопросе о технике» (1949/1953), Паточка рассматривает как *das Rettende* – «спасительное», – о котором говорил Гёльдерлин. Однако ни искусство, ни философская рефлексия неспособны осуществить достаточно глубокую трансформацию¹⁹. Первостепенным для Паточки является возвращение к душе и к классике, где душа выступает условием возможности самой философии, истины. Философия, в отличие от искусства, не предполагает полной вовлеченности, как в танце, а скорее требует «дистанцирова-

15 Novotný K. *Op. cit.* P. 303.

16 Марсия Са Кавальканте Шубак предполагает, что вопрос о технике является центральным в философии Паточки, см.: SÁ CAVALCANTE SCHUBACK M. *Sacrifice and Salvation: Patočka's Reading of Heidegger on the Question of Technology // Jan Patočka and the Heritage of Phenomenology*. Dordrecht: Springer, 2011. P. 23–37.

17 См.: ПАТОЧКА J. *The Dangers of Technicization in Science according to E. Husserl, and the Essence of Technology as Danger according to M. Heidegger // The Selected Writings of Jan Patočka...* P. 281–294.

18 См.: *Liberté et sacrifice...* P. 277–324.

19 ПАТОЧКА J. *The Dangers of Technicization in Science...* P. 285.

ния, указывающего на то, что все есть тайна; именно из этой тайны и возникает вопрос “Что это?”, смысл которого станет предметом философской рефлексии»²⁰. Негативность современной техники требует дистанции, которую Паточка называет «жертвой». Спасительное заключается в сопротивлении соблазну технологической тотализации ради прояснения основания для явления.

«Можем ли мы, однако, понять этот великий переворот, который исторически проявляется в готовности столь многих жертвовать собой ради другого, лучшего, мира, просто как волю к обустройству в рамках управляемого, в рамках нашей власти и расчета? [...] Жертва означает именно отстранение от реальности того, что поддается управлению и упорядочиванию, и проясняющее отношение к тому, что, не будучи ничем деятельным, служит основанием для явления всего деятельного и в этом смысле правит всем»²¹.

Это может напомнить то, что сегодня называют «антиростом», несмотря на то, что теория антироста не затрагивает вопроса о бытии. Тем не менее мы можем сказать, что через жертву явится новое отношение между человеком и техникой.

«Спасительное», по Стиглеру, как ни странно, также можно обнаружить в самой технике. Жест Стиглера является «трагистским» в том смысле, что он направлен на *преодоление Gestell через технику* – подобно тому, как Ницше хотел преодолеть нигилизм через нигилизм, – а искусство есть апроприация техники путем превращения ее в нечто необычное. Таким образом, Стиглер в некоторой степени соглашается с Паточкой в своей оценке искусства и в том, что в произведении искусства можно найти необычное; но он не согласен с тем, что возвращение к душе или к одному только искусству станет решением проблемы. По Стиглеру, основной вопрос философии не душа, а техника, поскольку сама душа есть *технозис*, ведь в той мере, в какой *ноэзис* возможен, он зависит от памяти как условия мысли. Если *das Rettende* действительно существует, то, как ни парадоксально, искать его следует в технике.

Таким образом, техника – центральный вопрос постевропейской философии, и она не будет устойчивой, если не признает вопроса о технике в качестве своего истока и своего будущего. Хайдеггер ясно выразился по этому поводу, ведь техника занимает центральное место в его философии, и еще более явно эта линия прослеживается в мышлении Стиглера²², тогда как для Паточки забота о душе есть нечто, что «по са-

20 «Une distanciation qui se rend compte que tout est un mystère. C'est du mystère que surgit la question – “qu'est ce que c'est” – dont le sens fera l'objet de la réflexion philosophique» (Ibid. P. 290–291).

21 ИДЕМ. *The Dangers of Technicization in Science...* P. 290.

22 NOVOTNÝ K. *Op. cit.* P. 305.

мой своей сути не технологично, [...] не просто инструментально»²³. И это остается слепым пятном в размышлениях Паточки о пост-Европе, а также в его оценке техники²⁴. Как уже говорилось выше, различие между Стиглером и Паточкой заключается в предложенных ими концепциях будущего Европы и ее отношения к технике. Это фундаментальное различие можно проанализировать, обратившись к элементарному вопросу о геометрии. В книге «Платон и Европа» Паточка указал на то, что геометрические элементы, такие как прямая или окружность, определяемые как нечто, не имеющее ширины, не существуют в мире. Паточка нашел ответ в особом месте математики в анатомии души:

«В математике есть числа, прямые, плоскости, многогранные тела. Всего четыре геометрических пространственных представления. Но эти четыре пространственных представления, взятые вертикально, в то же время образуют иерархическую модель бытия: внизу – материальный мир, затем – математический, выступающий посредником между материальным миром и тем, что выше, и, наконец, архетипы связи неизвестного и единицы – *идеи*. Математическое неразрывно связано с идеями, и это *математическое* есть в то же время душа»²⁵.

Математическое, или число, является посредником между миром вещей и миром идей. Однако, по Стиглеру, феноменология так и не смогла решить вопроса об идеальной природе точки, прямой или окружности: феноменология по большей части остается на уровне *идеации*, но не дотягивает до идеализации. Отталкиваясь от изложенного в платоновском «Меноне» примера с юным рабом, способным чертить на песке, тем самым решая геометрическую задачу, Стиглер утверждает, что *идеализация* всегда требует технического дополнения – средства анамнесиса. Точка, по определению, лишена измерения. Однако мы никогда не сталкивались с этим на практике, равно как не видели и прямой, у которой было бы лишь одно измерение. Точка и прямая могут быть помыслены только через нечто иное, чем их определения: например, когда юный раб чертит прямую на песке, это уже двумерная плоскость. Паточка также

23 Пато́чка J. *The Obligation to Resist Injustice // Philosophy and Selected Writings*. Chicago: Chicago University Press, 1989; также цит. в: CRÉPON M. *Fear, Courage, Anger...* P. 183.

24 Предложенная Паточкой феноменологическая критика Европы нашла свое продолжение в более поздних трудах, например, в книге Корин Пеллюшон (PELLUCHON C. *Les Lumières à l'âge du vivant*. Paris: Seuil, 2022), где вслед за критикой техники и трансгуманизма через Гюнтера Андерса, Бернара Стиглера и Жильбера Симондона (глава 5) Пеллюшон возвращается к воображаемой Паточкой пост-Европе (глава 6), которая отказывается от «внешнего пути завоевания и универсальной гегемонии» в пользу «внутреннего пути открытия планеты как открытия мира». Предложенная Пеллюшон идея «нового Просвещения» является смелой и обнадеживающей. Однако возврат к Паточке с его мотивом «заботы о душе» без деконструкции отношения этой души к технологии – ахиллесова пята подобного проекта «нового Просвещения».

25 Пато́чка J. *Plato and Europe*. Stanford: Stanford University Press, 2002. P. 102.

подметил, что, «начертив на песке геометрическую фигуру»²⁶, Демокрит сумел перейти от видимого к невидимому, однако, несмотря на это, Паточка проигнорировал вопрос о технике и сразу перешел к заботе о душе. Мы могли бы сказать, что Паточка остается гуссерлианцем *par excellence* как в своем диагнозе проблемы Европы, так и в своем ответе на него, тогда как Стиглер рассматривает феноменологию и Европу через призму дерридианской деконструкции гуссерлевского «Начала геометрии». Однако наша задача не деконструировать Паточку, а скорее понять, что поставлено на карту в концепте пост-Европы.

Стиглер считает, что *техно-логос* является европейским *par excellence*, и предлагает Европе открыть для себя новую возможность в процессе глобализации. Однако, когда речь заходит о европейском духе, его превосходстве и доминировании, возникает риск сознательно или бессознательно скатиться в европоцентризм. Остается вопрос: какую роль в становлении европейского духа играют неевропейские культуры? «Европейское» по сути своей техно-логично (*techno-logos*) и философично в том смысле, что оно возникает из необходимого недостатка, восполняемого (компенсируемого) технологией, и способности мыслить технологию одновременно как возможность и необходимость развития разума. Если считать, что неевропейцы пребывают за пределами разума, как говорил Гегель о Сибири в своих «Лекциях по философии истории»²⁷, то неевропейцы, даже обладая некоей «домодерной» технологией, не могут быть частью европейского духа, поскольку не играют никакой роли в истории Духа. Пост-Европа в понимании Паточки рискует оказаться сценарием, в котором Другой – лишь свой Другой, а не абсолютный Другой; как в гегелевской диалектике, этот Другой будет затем признан своим Другим и, в конце концов, снят. Эту двусмысленность можно обнаружить и в мышлении Стиглера.

В таких прочтениях есть риск принять мировую проблему за европейскую, и в этом случае пост-Европа будет просто означать потерю Европой контроля над этим миром. Слепое пятно тут состоит в том, что, покуда технологическая глобализация продолжается, она также расширяет европейский дух, поскольку сам *техно-логос* является европейским. То же слепое пятно мы видим в статье Генри Киссинджера 2018 года «Как завершается эпоха Просвещения», где он утверждает, что Просвеще-

²⁶ Ibid. P. 115.

²⁷ «[С]ледует выделить северный склон – Сибирь. Этот склон, начинающийся от Алтайских гор с его прекрасными реками, впадающими в Северный океан, вообще нисколько не интересует нас здесь, так как северный пояс, как уже было упомянуто, лежит за пределами истории» (ГЕГЕЛЬ Г.В.Ф. *Лекции по философии истории*. СПб.: Наука, 1993. С. 143).

ние распространяло свою философию при помощи технологии и что теперь, с началом глобальной конкуренции в области искусственного интеллекта, Просвещение подошло к концу и необходима новая философия. Киссинджер не понимает, что в идею современной техники встроены эпистемологические и онтологические допущения, неотделимые от европейского духа; однако он отчетливо осознает, что в эпоху, наследующую проекту Просвещения, Запад нуждается в новой философии техники²⁸.

«Европейское» по сути своей техно-логично и философично в том смысле, что оно возникает из необходимого недостатка, восполняемого технологией, и способности мыслить технологию одновременно как возможность и необходимость развития разума.

Возможно, попытка Хайдеггера определить смысл конца философии в статье 1964 года «Конец философии и задача мышления» была наиболее четкой. В этой работе он предполагает, что конец философии, во-первых, означает ее реализацию или завершение в кибернетике, то есть в наиболее полно актуализированном принципе *Gestell*, согласно которому все понимается как петли обратной связи. Во-вторых, конец философии носит не только онтологический, но и геополитический характер: он означает, по словам самого Хайдеггера, «начало основывающейся в западноевропейском мышлении мировой цивилизации»²⁹. Этот смысл конца философии часто упускается из виду интерпретаторами Хайдеггера. Вездесущность и всемогущество европейской техники – факт, который непрос-то отвергнуть; вопрос, который еще только предстоит решить, состоит в том, куда направится эта мировая цивилизация и куда она сможет прийти. С точки зрения Паточки, пост-Европу можно увидеть в доминирующем положении Соединенных Штатов и американской культуры, то есть в образе Европы, потерянной в собственном планетаризме, – в то время как я, соглашаясь с Хайдеггером, предлагаю рассматривать планетаризацию не как конец Европы, а как начало ее проекта планетаризации.

В документальном фильме «Истер» Стиглер смело утверждает, что даже японская техника – греческая по своему происхож-

28 Киссинджер Г. *Как завершается эпоха Просвещения* // Россия в глобальной политике. 2018. № 4 (<https://globalaffairs.ru/articles/kak-zavershaetsya-epoha-prosveshheniya/>).

29 Хайдеггер М. *Конец философии и задача мышления* // VOX. 2008. № 5 (<https://vox-journal.org/content/vox5haidegger.pdf>).

дению: «Все прошлое – греческое. Даже для японца, потому что техника – греческая». Это замечание является любопытным, если не откровенным выражением европоцентризма. Учитывая исторические и археологические данные, Стиглер не мог не быть осведомленным о том, что греческая технология пришла в основном с Ближнего Востока³⁰, а Япония по большей части была неизвестна европейцам до XVI века. Почему же тогда он говорит, что все прошлое – греческое даже для японца? Разве у Японии нет прошлого, разве у нее не было техники? В отсутствие Стиглера над этой загадкой можно лишь поразмышлять, но не разрешить ее. Возможно, он считал, что в угоду европейской технике Япония отказалась от собственной или пошатнула ее основы. В таком случае Япония – нечто европейское или японское? Стала ли Япония европейской благодаря тому, что апроприировала европейскую технику? Или дезориентировалась в этом процессе и теперь не принадлежит ни Востоку ни Западу? А ведь Япония действительно хотела стать частью Европы³¹. Однако в ходе колонизации и глобализации Европа уже вышла за рамки простого географического понятия и распространилась повсюду. Сегодня не только Япония, но и практически все страны Азии и Латинской Америки становятся Европой. Но вопрос о том, насколько для неевропейских стран желанно такое европейское будущее, широко обсуждался в XX веке и продолжает быть предметом обсуждения в XXI столетии.

С Японией Стиглер был в некоторой степени связан благодаря Исида Хидэтаке³² и, подобно большинству французских философов, был очарован японской эстетикой. В Китае он впервые побывал в 2008-м, но более глубокое знакомство со страной началось лишь с 2015 года. Поскольку Китай для Стиглера ассоциировался прежде всего с марксизмом, изначально он не проявлял особого интереса к китайской мысли. В то же время, приезжая в Китай, он много работал. В ходе месячного пребывания в стране он возил с собой два больших чемодана с книгами и все время работал в своей квартире или в гостиничных номерах. Лишь значительно позже Стиглер стал более открытым к китайской мысли, и именно в эти поздние годы его жизни наши беседы стали более продуктивными. Весной 2019-го он рассказал мне, что читает «Дао дэ цзин», и попросил порекомендовать синологов, занимающихся этим текстом.

30 ELLUL J. *The Technological Society*. New York: Vintage, 1964. P. 27–28.

31 Дацу-а рон (букв. «теория ухода из Азии») – дискурс, возникший в Японии в конце XIX века, в рамках которого предлагалось отказаться от ориентации на империю Цин (Китай) и Чосон (Корею) и выстраивать отношения с Западом. Эту концепцию часто связывают с просветителем и мыслителем Фукудзава Юкити (1835–1901).

32 Исида Хидэтака – японский философ, работы которого совместно с Адзума Хироки сосредоточены на анализе влияния современных технологий на познание, коммуникацию и поведение в условиях «технической эпохи»; переводчик трудов Мишеля Фуко на японский язык. – *Примеч. ред.*

Правда, все это случилось слишком поздно и сопровождалось спешкой, поэтому он не успел возвести свою случайную встречу с Китаем и пять лет преподавания в степень чего-либо необходимого. Два последних года его жизни мы провели в долгих беседах о технической тенденции и техническом факте – понятиях, предложенных палеонтологом и антропологом Андре Леруа-Гураном³³. Однако нам так и не удалось подискутировать в должной мере.

Индивидуация и задача мышления

Если сегодня нам нужно говорить о пост-Европе или постевропейской философии и если мы можем вовлечь в этот разговор Стиглера, то нам, вероятно, потребуется соединить вопрос о Духе с вопросом о технике. Вопрос о том, как переформулировать отношения между пост-Европой, философией и техникой, для нас остается открытым. Европейская культура и техника вездесущи: для неевропейцев невозможна деевропеизация в смысле отказа от технологического мира; а для Европы в той же степени становится невозможным европоцентристский дискурс, поскольку техника перестает быть исключительно европейской, а значит, внутренняя связь между европейской философией и техникой вновь становится контингентной.

В первом томе «Constituer l'Europe»³⁴ (2005) – довольно схематичной работы, в которой изложены размышления о Европе, – Стиглер пишет о пугающей распространенности депрессии в Китае: по его данным, от нее страдают 20% китайского населения, а сто миллионов из них находятся уже на стадии глубокой депрессии. По его словам, Китай становится капиталистическим – следовательно, как и на Западе, будь то в Америке или Европе, «желание сопровождается великими страданиями»³⁵. Под этим Стиглер подразумевает, что либидинальная экономика превращается в экономику потребления, основанную на эксплуатации влечения. В определенном смысле ему было очевидно, что Китай и Запад находятся в одной и той же тонущей лодке промышленного капитализма, так как оба подчинили свою судьбу расчетливости. Такой взгляд на либидинальную экономику лежит в основе стиглеровской критики капитализма, а также в основе критики геополитики. В книге «За новую критику политической экономии» Стиглер продемонстрировал, как американский консюмеризм стал гло-

33 О Леруа-Гуране см.: *Андре Леруа-Гуран: из «японских писем» к Жану Бюо* // Неприкосновенный запас. 2023. № 5(151). С. 173–186. – *Примеч. ред.*

34 «Создавая Европу» (фр.). – *Примеч. перев.*

35 STIEGLER B. *Constituer l'Europe 1. Dans un monde sans vergogne*. Paris: Galilée, 2005. P. 27.

бальной парадигмой и с какой эффективностью он разрушает либидинальную экономику: замыкает желание и приводит к экономике, основанной на влечении. Различие между желанием и влечением Стиглер заимствует у Фрейда: желание означает инвестицию – например, в любовь, в дружбу или в приобретение навыка; тогда как влечение ближе к инстинкту – например, когда вы проголодались, вам хочется есть. Это различие между желанием и влечением позволяет Стиглеру пересобрать политическую экономию через новое прочтение марксистского подхода к пролетаризации. Пролетаризация началась тогда, когда сапожник XIX века был вынужден покинуть свою мастерскую и работать на фабрике, где производилась похожая, но стандартизированная обувь. Сапожник больше не руководствовался собственными знаниями, а выполнял одни и те же инструкции – иначе говоря, он терял навыки. В обществе потребления пролетаризация приобретает еще более радикальный характер: она прерывает нозетический процесс обучения, а вместе с ним и либидинальный процесс инвестирования, порождая при этом множество форм зависимости – например, от шопинга, видеоигр, социальных сетей и так далее. Экономика, основанная на эксплуатации влечения, становится экономикой дезиндивидуации: индивид утрачивает способность к индивидуации как в отношении себя, так и в отношении других. Иначе говоря, индивид разучивается любить себя и, следовательно, теряет способность любить других. В той же книге говорится о задаче, которую Стиглер поставил перед Европой: разработать новую модель индивидуации, выходящую за рамки консюмеризма в гипериндустриальном обществе:

«[И]ндустриальная модель, породившая этот индустриальный популизм, должна быть полностью раскритикована, переосмыслена и переработана: только тогда можно будет построить Европу – Европу, которая существует как единство, и Европу, которая существует в сознании европейцев как собственное будущее и будущее для их собратьев на других континентах»³⁶.

Если постевропейская философия возможна, то она должна будет противостоять американскому консюмеризму, который в то же время является индивидуализмом *par excellence*, и предложить другую либидинальную, культурную и политическую экономию. Возможно, именно в этом и заключается главная слабость Европы после Второй мировой войны: она не смогла противостоять рыночной экономике и консюмеризму – тому самому американизму, который описывал Хайдеггер. Поэтому

36 Ibid. P. 32.

новая модель индивидуации, к которой призывает Стиглер, должна преодолеть не только индивидуализм, но и построенную на нем либеральную демократию. Сегодня мы видим, как права личности, основа гражданственности, становятся жертвой консюмеризма и популизма. Рыночное развитие технологий расширяет возможности индивида, предоставляя ему инструменты для выстраивания вроде бы постоянно расширяющейся, но на самом деле замкнутой вселенной. Современное общество характеризуется атомизацией, которая лишь усиливается и укрепляется цифровой инфраструктурой социальных сетей и персонализацией. Если вернуться к теоретическому базису и модели современных социальных сетей, то нетрудно заметить, что они строятся на концепции атомизированного общества: каждый индивид рассматривается как социальный атом, а общество – как совокупность таких атомов, опосредованная социальными связями. Индустриальная модель социальных сетей укрепляет эту индивидуалистическую модель современного общества, а также присущий ей индивидуализм.

Экономика, основанная на эксплуатации влечения, становится экономикой дезиндивидуации: индивид утрачивает способность к индивидуации как в отношении себя, так и в отношении других. Иначе говоря, индивид разучивается любить себя и, следовательно, теряет способность любить других.

Это одна из главных проблем цифрового общества: как уже отмечал Стиглер в первом томе «Техники и времени», в технологической системе доминирует консюмеризм – единая стандартизированная экономическая система³⁷. Другими словами, консюмеризм определяет не только развитие и взаимозависимость внутри технической системы, но и саму организацию социальной системы. Таким образом, проблема заключается не только в правах (например в праве выбора), но прежде всего в моделях индивидуации. Это не значит, что право не имеет значения, напротив, оно фундаментально, однако, как показывает Гегель в начале «Философии права», права могут стать и просто произвольными абстракциями, не внося никакого вклада в индивидуацию. Более десяти лет назад изобретатель «всемирной паутины», сэр Тим Бернерс-Ли, предложил ввести всеобщее право на доступ к интернету – это заслуживает восхищения. Однако это право, если следовать Гегелю, остается

37 ИДЕМ. *Technics and Time 1. The Fault of Epimetheus*. Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 31.

абстрактным и, соответственно, склонно к вырождению в произвол – вместо того, чтобы стать реальным шагом к царству свободы. Постмодернистский субъект – это узел в сети, поддающийся расчету, как в теории графов. Понятие массы больше не ограничивается стадом тех, кто слепо верит рекламе и пропаганде. Напротив, с цифровизацией, особенно благодаря вынужденному использованию различных социальных сетей и приложений, масса теперь обозначает и целевую аудиторию. Мы живем в условиях перехода к полной цифровизации и индивидуализму. Это означает качественное изменение самого понятия массы, а вместе с ним – и понятия класса.

Если ранее мы утверждали, что стиглеровский анализ либидинальной экономики также представляет собой критику геополитики, то причина в том, что в его интерпретации США понимаются не как империалистическая держава в традиционном смысле, а скорее как движущая сила глобального распространения модели дезиндивидуации, которая по своей сути патологична. Может ли Европа предложить иной путь индивидуации в условиях гипериндустриальной эпохи – такой, который выходил бы за рамки консюмеризма и европоцентризма? Если Хабермас и Деррида видели решение в восстановлении европейского суверенитета, автономного от американского империализма³⁸, то Стиглер рассматривает вопрос о суверенитете более конкретно – через призму техники, а точнее, через модель индивидуации, в реализации которой техника играет центральную роль. Другими словами, речь идет не о том, чтобы у Европы были свои «Google» или «Facebook»³⁹, а о том, чтобы разработать принципиально новые поисковые системы и социальные сети, способствующие индивидуации. Возникает вопрос: послужит ли эта новая модель индивидуации ко благу всех душ на земле? Или же она станет лишь новым способом продемонстрировать превосходство европейского духа, что на деле окажется возвращением к европоцентризму – потому что в основе этого проекта вновь окажется тоска по *Heimat*?⁴⁰

Эта задача является фундаментальной для постевропейской философии, поскольку философы с самого начала были врачами цивилизации. Дезиндивидуация подразумевает глубокий

38 См. сн. 6.

39 Компания «Meta Platforms Inc.», владеющая социальными сетями «Facebook» и «Instagram», по решению суда от 21 марта 2022 года признана экстремистской организацией, ее деятельность на территории России запрещена.

40 Это еще один момент, который Карел Новотны считает опасным в постевропейском мышлении Паточки; как пишет Новотны в «Европе, пост-Европе и европоцентризме»: «с точки зрения [Паточки], “открытая душа” европейцев должна породить духовную установку нового мира. Однако, если установка “открытой души” интерпретируется как поиск трансцендентального основания постевропейского человечества, остается внутренний риск европоцентризма, поскольку будет закреплена установка на духовное превосходство Европы, против которой неевропейские общества впоследствии создадут защиту и тем самым изменят положение вещей» (Novotný K. *Op. cit.* P. 307).

нигилизм, при котором все ценности, превосходящие влечения, теряют свою значимость. Диагноз дезиндивидуации требует рецепта, а именно – новой модели индивидуации. Однако этот рецепт не может ограничиваться только литературой, поэзией или музыкой (хотя все это имеет принципиальное значение). Он должен включать новую политическую экономию. И как раз в этом смысле вопрос о технике, по словам Стиглера, является центральным:

«Если бы в мире не стало философии, это означало бы его смерть; мир был бы гнусным, обезмирненным [*immonde*]. Но эта философия может быть лишь политической философией, то есть политической экономией, а значит, и технологией: совершенно новым отношением к технологии и обществу, в той мере, в какой последнее, по сути, живет именно благодаря технологическим вопросам»⁴¹.

Постевропейская философия – это ответ на призыв Хайдеггера, а точнее, на поставленную им задачу мышления с *Gestell* и за его пределами. «С» – потому что попытка избежать опасности ведет лишь к катастрофе; «за пределами» – потому что необходимо выйти за рамки фокуса на эффективность и скорость, чтобы создать новую политику технологии, способствующую индивидуации и противостоящую порожденной обществом потребности дезиндивидуации. Однако возникает вопрос: должно ли такое мышление исходить исключительно из Европы? Хайдеггер, возвращаясь к досократикам, утверждал именно такой сценарий, равно как и Паточка, который предлагал вернуться к «заботе о душе» для обретения «открытой души». Возможно (и это вполне объяснимо), Хайдеггер и Паточка просто не имели достаточного контакта с неевропейским мышлением, чтобы позволить себе мыслить иначе. Если мы стремимся следовать Паточке, то открытая душа должна быть не только той, что постоянно отрицает свой европоцентризм, но и той, что активно индивидуируется через Другого. Другой может прийти случайно, – а согласно аристотелевской «Метафизике», случайность близка к ничто, – но именно эта случайность есть также условие индивидуации мышления, преобразующая сила души, позволяющая сделать контингентное необходимым. (Стиглер ничего не говорил об индивидуации мышления; мы приблизились к этой теме лишь раз – во время конференции в Тайбэе в 2019 году, где меня удивила его лекция об Эдуаре Глиссане и его идее креолизации.)

Неотложной задачей является не только изобретение новых моделей индивидуации, противостоящих консюмеризму, который сегодня доминирует в технологических инновациях, – не-

41 STIEGLER B. *The Magic Skin...* P. 109.

обходима также индивидуация мышления. В этом процессе индивидуации философия должна пройти через деевропеизацию, причем это следует интерпретировать двояко.

ЮК ХУЭЙ
ФИЛОСОФИЯ
И ПОСТ-ЕВРОПА

Открытая душа должна быть не только той, что постоянно отрицает свой европоцентризм, но и той, что активно индивидуируется через Другого. Другой может прийти случайно, но именно эта случайность есть также условие индивидуации мышления, преобразующая сила души, позволяющая сделать контингентное необходимым.

Во-первых, если верно то, что говорит Хайдеггер в «Конце философии и задаче мышления» – что кибернетика знаменует собой конец и завершение европейской философии – и если верно, что европейская философия подошла к своему концу, то ее выживание возможно только в постевропейской форме. Постевропейская философия должна ориентироваться на глубинную преобразующую силу, связанную с техникой. Она должна быть нацелена на создание новой теории индивидуации, способной преодолеть дезиндивидуацию, которую мы наблюдаем в современных индустриальных технологиях. Для этого потребуется переоценка таких понятий, как прогресс, рост, свобода и так далее, чтобы освободить место для развития новых моделей индивидуации через технологии.

Во-вторых, деевропеизация должна пониматься как индивидуация мышления, подобно тому, как французская философия в свое время стала таковой в отношении немецкой. Может, следует даже сказать, что не существует мышления как такового – есть лишь индивидуация мышления. Она неизбежно порождает скачок – разрешение несовместимостей и напряжений. Она всегда разворачивается между собой и Другим, где этим Другим может стать Азия, Африка, Латинская Америка или даже меньшинства внутри самой Европы. Но в любом случае это требует выхода за рамки сравнительной философии, которая остается лишь дисциплиной внутри истории философии. Вместо этого необходимо реактивировать процесс *индивидуации мышления* в свете технологического ускорения.

Пандемия возвестила о завершении первой фазы глобализации после «холодной войны»: если у человечества еще есть общее будущее, то оно должно стать планетарным. В условиях планетарности любые рассуждения о кризисе европейского духа больше не будут уместны, – как напоминает нам Дер-

рида в «Другом курсе». Если во взглядах Паточки и Стиглера на постевропейскую философию и есть нечто общее, то это вопрос заботы, выраженный у позднего Паточки как «забота о душе», а у Стиглера – через игру слов *panser/penser*⁴². Однако, чтобы обратиться к вопросу о заботе, нам придется пройти через размышление об индивидуации. Как мы попытались показать выше, существуют два направления разговора об индивидуации: одно касается нового индустриального духа, способного противостоять дезиндивидуации, другое связано с индивидуацией мышления, выходящей за пределы вопроса о сущности.

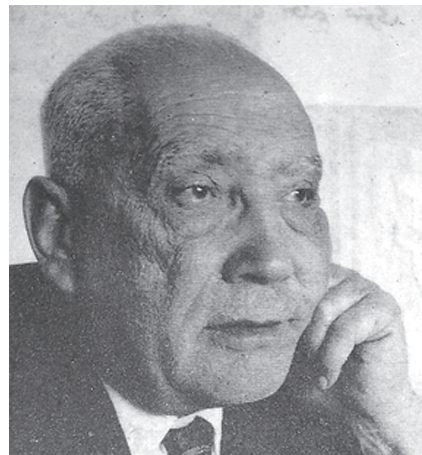
Перевод с английского Дениса Шалагинова

42 Обыгрываемая Стиглером омонимия французских глаголов *panser* (заботиться) и *penser* (мыслить) отсылает к мышлению «в том смысле, на который претендует Хайдеггер, когда определяет думание как заботу [*Sorge*], то есть *panser* – в том смысле, что необходимо позаботиться о заботе как таковой. [...] Будь Хайдеггер французом, он мог бы сказать, что на старофранцузском языке мы можем услышать нечто весьма важное для мысли. Ведь *penser*, думать, раньше означало *soigner*, заботиться, лечить: “Слово *panser* сначала писалось *penser*”» (СТИГЛЕР Б. *Что называется заботой? По ту сторону антропоцена* // Художественный журнал. 2021. № 116 (<https://moscowartmagazine.com/issue/104/article/2286>)). – Примеч. перев.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ГОРИЗОНТЫ

Благодаря литературе, которую перевел на арабский Фарах Антун², а также теории эволюции, которую годами усердно разъяснял Якуб Сарруф³ в [журнале] «Аль-Муктатаф» [«Отрывок»]⁴, я обнаружил, что вижу лишь проблеск горизонтов, ранее скрытых от моего взора. Желание увидеть их стало целью моей жизни. Осознав глубину своего невежества и ужаснувшись тому, насколько моя интеллектуальная жизнь в Египте походила на существование в бесплодной пустыне, я в девятнадцать лет решил покинуть родину и отправиться в Европу – дабы изучать жизнь во всем ее богатстве, заняться самообразованием и, в конечном счете, переродиться. [...]

В 1908 году я поехал во Францию. [...] До той поры я по умолчанию принимал ритуалы нашей египетской жизни – вро-

- ¹ Перевод выполнен по изданию: MUSA S. *Tarbiyat Salama Musa*. Cairo, 2014. Здесь и далее примечания переводчика.
- ² Фарах Антун (1874–1922) – журналист, в начале XX века издавал просветительский журнал «Аль-Джамиа». Будучи христианином из современного Ливана, Антун в своих текстах поднимал вопросы секуляризма и неравенства; он одним из первых в арабском мире назвал себя «социалистом». Подробнее о нем см.: REID D. M. *The Odyssey of Farah Antun: A Syrian Christian's Quest for Secularism*. Minneapolis: Bibliotheca Islamica, 1975.
- ³ Якуб Сарруф (1852–1927) – журналист и издатель, популяризатор науки, сооснователь просветительского журнала «Аль-Муктатаф».
- ⁴ «Аль-Муктатаф» – ежемесячный журнал (1876–1952), оставивший заметный след в истории арабского просвещения. Он знакомил читателей с последними достижениями науки и техники, а также общественно-политической мысли. См.: AYALON A. *The Press in the Arab Middle East: A History*. New York: Oxford University Press, 1995.

АРХИВ «НЗ»

Салама Муса (ок. 1887–1958) – журналист и издатель из Египта, один из первых социалистов в арабском мире, выступал за секуляризм, права женщин, парламентаризм и борьбу с неравенством посредством реформ. Родился в состоятельной семье христиан-коптов, накануне Первой мировой войны несколько лет провел в Англии, где состоял в социалистическом Фабианском обществе, был знаком с Бернардом Шоу.

де закрытых лиц женщин – и не видел ничего странного или предвещающего в том, что маленькие ученицы заходят в суннитскую начальную школу, пряча лица под белыми бурками. Разделение полов казалось мне чем-то вполне обыкновенным. Ведь дом в Египте – завеса, полностью скрывающая женщину от посторонних глаз. Не могу припомнить, чтобы на протяжении своей жизни на родине до путешествия во Францию я разговаривал бы с девушкой, сидел бы с женщиной, смотрел бы в глаза египтянке.

Оказавшись во французском обществе, я увидел, как свободны и откровенны француженки. Я почувствовал, что перед моим взором открылись горизонты, которые прежде мне не могли показать ни Сарруф, ни Антун. Эти люди не касались темы женских свобод по той очевидной причине, что оба были христианами. Разумеется, они опасались обвинений в том, что их рассуждения, дескать, порочат исламское вероучение или мусульманские традиции. Тогда я еще не знал Касема Амина⁵ – или, точнее говоря, он не пробуждал во мне энтузиазма, не знаю, почему я им не интересовался. Так что, когда мне довелось вынужденно побеседовать с одной парижанкой, я остро почувствовал, как смущение охватило все мое естество, язык начал заплетаться, а в ногах появилась непонятная слабость. Мне понадобилось много лет, чтобы преодолеть эти злополучные ощущения, которые были возвращены девятнадцатью годами жизни в Египте, где мужской пол и женский пол ведут раздельное существование.

Очевидно, что эти душевные оковы мешают любовным чувствам или подавляют их как раз в то время, когда нужно либо отпустить их, либо сублимировать. Любовь – искусство, незнакомое египтянам той поры. Каждая моя попытка романтического знакомства с девушкой оборачивалась разочарованием, ранившим сразу и сердце, и разум. В тогдашнем Египте на смешение полов смотрели с отвращением и страхом. Но, сравнивая то, насколько сексуально и эмоционально неудовлетворенным я был в 1909 году, с состоянием нашей нынешней молодежи со всеми доступными ей радостями и забавами, вынужден признать, что они счастливы, хотя и довольствуются почти теми же условиями, которые повергали меня в уныние.

Я обосновался в начальной школе в маленьком средневековом городке Ле Мольер, неподалеку от Парижа. Влившись

5 Касем Амин (1865–1908) – египетский юрист и автор книги «Новая женщина» (1899), который одним из первых поднял вопрос о статусе женщин в арабском мире. Амин считал, что женщины должны получать хотя бы начальное образование: это, по его мнению, позволило бы им лучше воспитывать детей и трудиться вне дома. Он утверждал, что ислам не требует непереносимого сокрытия женских лиц, а также критиковал полигамию, неуважение к женщинам и их чрезмерную изоляцию от общества. Подробнее о его взглядах см.: HOURANI A. *Arabic Thought in the Liberal Age, 1798–1939*. New York: Cambridge University Press, 2013 [1962]. P. 164–169.

в семью школьного зрителя, я стал упорно учить французский язык. Из-за постоянных и настойчивых расспросов, с которыми я приставал к учителю, мне дали прозвище «Что-это-значит?». Не прошло и нескольких месяцев, как я обнаружил, что могу читать и понимать – правда, с помощью педагога – не только ежедневные газеты, но даже книги. Я часто обращался к французским ежедневным газетам, поскольку они служили мне проводниками в мир политики и дипломатии. Наши египетские газеты были еще неспособны на такое, и поэтому я оборвал «газетные» связи с родиной – за исключением чтения «Аль-Джарида» [«Газета»], которую издавал Лютфи ас-Сейид⁶. В ней он продвигал свои новаторские воззрения, согласно которым Египет принадлежит египтянам, а не турками и не англичанам⁷, женщины должны быть свободными, а в стране надо иметь Конституцию и правительство, которое формируется парламентом. Он писал на эти и другие темы без всяких изысков и излишеств, которые в старших классах преподносились нам в качестве вершин арабской устной речи и арабского литературного языка. [...]

САЛАМА МУСА
ВОСПИТАНИЕ
САЛАМЫ МУСЫ

Любовь – искусство, незнакомое египтянам той поры. Каждая моя попытка романтического знакомства с девушкой оборачивалась разочарованием, ранившим сразу и сердце, и разум. В тогдашнем Египте на смешение полов смотрели с отвращением и страхом.

Француженки, как я уже говорил, стали движущей силой моей социальной жизни. То же самое можно сказать и о свободе женщин в Западной Европе в целом: это явление было пламенем, обжигающим и ранящим мое национальное достоинство в свете всего того, что ранее уже было сказано о положении египетской женщины. Именно к тем годам и к той жизни восходят корни моего восстания против египетских традиций, разразившегося в скором будущем и не утихающего до сих пор. Из-за приверженности подобным убеждениям я потерял немало друзей, а многие среди оставшихся полагают, что оно того не стоило. Вскоре я прочитал Хенрика Ибсена, близко

6 Ахмад Лютфи ас-Сейид (1872–1963) – журналист и политик, идеолог египетского национализма, объединяющего мусульман и христиан. Его газета «Аль-Джарида» позиционировала себя в качестве защитника египетских прав и интересов. Ас-Сейид критиковал сторонников укрепления связей Египта с Османской империей. Подробнее о нем см.: GERSHONI I., JANKOWSKI J. *Egypt, Islam, and the Arabs: The Search for Egyptian Nationhood, 1900–1930*. New York: Oxford University Press, 1986.

7 Египет, формально признавая сюзеренитет османского султана вплоть до Первой мировой войны, с начала XIX века оставался фактически независимым государством, где власть передавалась по наследству; в 1882 году, однако, страна была оккупирована англичанами.

восприняв его призыв к тому, чтобы женщина сделалась независимой личностью. Я также узнал о женских организациях и ассоциациях, которые в Лондоне требовали предоставления британкам права голосовать и быть избранными. Мое сердце и разум наполнились светом: теперь я оптимистично смотрел на будущее человечества.

Я вырос в Египте в провинциальной среде⁸ и поэтому обратился к французской глубинке с желанием обогатиться ее опытом. Ведь в Египте мы если и отправляемся в сельскую местность, то по нужде и против воли, поскольку нас там ждут лишь пыльные улицы и отсутствие санитарии в домах. К тому же наша деревня – духовная пустыня, где царят невежество, нужда, грязь – не только телесная, но и умственная. Французская деревня в сравнении с ней подобна райскому саду. [...] Любая здешняя деревня, какой бы маленькой она ни была, подобно небольшому городу, имеет все необходимое для общественной жизни, включая ресторан, трактир, гостиницу, рынок. Поэтому парижане нередко проводят неделю или целый месяц за городом, подобно тому, как у нас ездят в Александрию или Рас-эль-Бар. [...]

Во всей Западной Европе нет нации, которая уважала бы церковь так, как французы. Читателю следует знать, что все церкви во Франции (а многие из них находятся в сельской глуши) открыты день и ночь, но при этом оттуда не крадут дорогую утварь, которая может стоить сотни или даже тысячи фунтов. И это, несмотря на распространенное в стране сводомыслие и активную антирелигиозную пропаганду. До сих пор помню сцену, поразившую меня в первый месяц в Париже. На одной из улиц я увидел похоронную процессию, в голове которой несли знамя с надписью «Ни бога, ни господина!». Подобные картины могут натолкнуть на мысль, будто французская нация погрязла в неверии и атеизме. Но даже краткое посещение церкви в воскресный день убеждает в ложности таких суждений. Ведь деревенский священник – подлинный духовный наставник, чьи проповеди и назидания подкрепляются почтением к традициям. Правда заключается в том, что во всей Европе не найдется церкви столь же живой, как французская. [...]

Я стал читать французские ежедневные газеты, которые стоили сущие гроши. Я узнал о французских партиях и полюбил читать «Юманите», выражавшую взгляды социалистов. Социализм был новым видением, которое заставило меня вспомнить о классе бедняков в Египте и задуматься о его участии. Француз-

8 Салама Муса родился в зажиточной семье христиан-коптов в городе Эз-Загазиг, см.: EGGER V. *A Fabian in Egypt: Salamah Musa and the Rise of the Professional Classes in Egypt, 1909–1939*. New York: Oxford University Press, 1986. P. 3–4.

ская пресса научила меня понимать политику по-европейски. В свете социалистического учения я смог осознать многое. В Египте газеты оставались местечковыми и провинциальными: их занимала в основном борьба за независимость, и [лишь] время от времени они обращались к делам международным. Так что я извлек немало пользы из этой великой теории, особенно с учетом того, что моя жизнь во Франции пришлось на годы, предшествовавшие Первой мировой войне. [...] Благодаря Франции, я стал европейцем в мыслях и устремлениях. Покидая Париж, я относился к этому городу как к столице всего цивилизованного мира. [...]

САЛАМА МУСА

ВОСПИТАНИЕ

САЛАМЫ МУСЫ

Революция 1919 года

В 1882 году англичане – при поддержке египетских тиранов – приговорили нас к политической смерти. Нам пришлось оставаться мертвыми до 1919 года, пока мы не восстали и не начали возвращаться в историю. И мы действительно вернулись – через революцию, кровь и разрушения.

В революции участвовали все классы египетского общества. Крестьяне ненавидели англичан, которые четыре года подряд конфисковывали их урожаи [для военных нужд] и забирали мужчин [для принудительных работ]. Служащие из среднего класса тоже обозлились на англичан, не допускавших египтян к руководящим должностям, которые резервировались ими для себя. Нас словно вернули в дни [хедива] Тауфика, когда страной правили турки и черкесы⁹ – без участия самих египтян.

Бедные классы нации, как и средний класс, испытывали беспокойство. Так что, когда средний класс взял на себя руководство революцией, крестьяне и рабочие пошли за ним. Мы должны помнить, что национальные чувства, с 1882 года пусть и утихшие, никогда не угасали полностью. Новую жизнь в них вдохнул Мустафа Камиль¹⁰. К несчастью, этот вождь покинул нас раньше положенного, умерев молодым в 1907 году. Затем последовал период идейного брожения, когда мы пытались разобраться в том, является ли Египет частью Османского государства или же он должен ограничиваться национальной приверженностью панисламизму. Сейчас смута уже позади, хотя в те времена вся эта неразбериха подавляла египетский патриотизм. В Первую мировую войну мы увидели, что англичане

9 Хедив Тауфик правил в 1879–1892 годах. Политическая и экономическая верхушка Египта той поры состояла из людей турецкого или кавказского происхождения. Последних на Ближнем Востоке обобщенно называли «черкесами»; это люди, массово бежавшие в Османскую империю из-за экспансионистской политики Российской империи на Кавказе.

10 Мустафа Камиль (1874–1908) – журналист и политик, лидер антиколониальной оппозиции, требовавший вывода британских войск из Египта.

распоряжаются нашими судьбами, будто они божества-небожители. Они на весь мир [в 1914 году] провозгласили установление своего «протектората» над Египтом, а затем сместили хедива и передали трон султану Хусейну¹¹. Потом они запретили нам собираться вместе и свободно высказываться, введя такую цензуру для наших газет, что и буквы нельзя было написать без их позволения. И после всего этого они бессовестно заявляют: «Очнитесь, у вас есть право на самоопределение»!

Большинство сынов нации осознали, что 1919 год станет поворотным для нашей истории. В первую очередь я говорю о тех, кто застал революцию Ораби-паши и участвовал в ней¹². В их авангарде был Саад Заглюль; как только было объявлено перемирие, он, а также примкнувшие к нему Али Шаарави-паша и Абд аль-Азиз Фахми-паша, которые тоже лично пережили революцию Ораби, годы национального унижения и «ледниковый период» египетского патриотизма, отправились в резиденцию британского верховного комиссара¹³. Патриоты обратились к чиновнику за разрешением поехать в Лондон, чтобы потребовать независимости Египта.

Но у верховного комиссара было свое видение: он считал, что Британия должна и дальше править Египтом как колонией. Поэтому он отверг адресованную ему просьбу. Тогда Саад [Заглюль] занялся пробуждением самосознания нации. В новых, послевоенных, условиях независимость должна была превратиться в основное требование, без удовлетворения которого мы ни на что не согласимся. В стране поднялась волна возмущения англичанами. Те в ответ арестовали Саада и его товарищей, в марте 1919 года сослав их на Мальту. Негодование между тем нарастало: забастовки студентов и служащих вспыхивали все чаще и чаще. По всему Египту железные дороги были блокированы, а телефонные и телеграфные линии перерезаны. После того, как англичане, наконец, согласились послать египетскую делегацию в составе Саада и его единомышленников на мирную конференцию в Париж, в Каир прибыла британская комиссия под председательством искушенного колонизатора [лорда Альфреда] Милнера. Его задачей было расколоть национальное движение: пользуясь отсутствием его лидеров, отбывших в Европу, он хотел побудить их соперников

11 Хусейн Камиль – дядя смещенного британцами хедива – стал первым султаном Египта; он правил в 1914–1917 годах. В 1920-х титул правителей вновь изменили: они начали именоваться «королями».

12 В 1881 году египетский офицер Ораби-паша возглавил восстание против европейского вмешательства в управление Египтом.

13 Саад Заглюль (1860–1927) – лидер движения за независимость, премьер-министр в 1924 году, сооснователь партии «Вафд», которая оставалась заметной политической силой в 1920–1930-х. Абд аль-Азиз Фахми-паша (1870–1951) – юрист, политик и поэт, один из лидеров движения за независимость. Али Шаарави-паша (1849–1922) – египетский политик, один из лидеров революции 1919 года и сооснователь партии «Вафд».

захватить власть, а потом свергнуть нацию в хаос – вынудив ее тем самым покориться британскому владычеству.

Комиссия Милнера появилась в Египте в декабре 1919 года, когда Саад и его товарищи отсутствовали в стране. Отправка комиссии стала попыткой проникнуть в национальное движение через черный ход путем соглашения с теми, кто не поддерживал Саада. Однако египетский народ бойкотировал ее работу. Даже тогдашний глава правительства Мухаммад Саид-паша¹⁴ подал в отставку, протестуя против направления британской комиссии в Египет в тот момент, когда египетская делегация работала в столице Франции. Тем не менее прибывшему в Каир Милнеру все же удалось склонить к переговорам с англичанами Адли-пашу¹⁵. Пока Саад в Париже настаивал на предоставлении Египту независимости и требовал внести этот вопрос в повестку мирной конференции, явившийся к нему Адли убеждал его в необходимости ехать в Лондон на переговоры, намеченные на май 1920 года. [...]

Вернувшись в Египет, Саад посредством речей и листовок занялся пробуждением нации. Между тем переговоры Адли с англичанами, которые Саад называл «диалогом Георга V с Георгом V», провалились. Волнения нарастали, и английская администрация все чаще полагалась на произвол и насилие: в частности, она арестовала Саада и некоторых его единомышленников и в 1921 году отправила их в ссылку на Сейшельские острова. Вскоре после этого англичане предприняли коварный ход: 28 февраля 1922 года они провозгласили «независимость» Египта, обставив ее четырьмя условиями, которые позволяли Британии: а) контролировать имперские коммуникации в Египте; б) защищать Египет от любой внешней агрессии; 3) обеспечивать безопасность иностранцев и [конфессиональных] меньшинств в Египте; 4) сохранять неизменным тогдашний статус [англо-египетского] Судана.

В апреле 1923 года правительство отобрало трех известных людей, которым было поручено написать египетскую Конституцию. Саад был возвращен из ссылки и в 1924 году возглавил первое конституционное правительство. В годы революции, пока Саад и его соратники действовали, а их соперники уничтожали то, что те пытались построить, народ поднимался, развивая национальное самосознание. Люди усваивали новые принципы, взгляды, убеждения. Учащиеся, служащие и торговцы широко обсуждали их; народ переполняла решимость довести борьбу с англичанами до конца и добиться независимости родины. Повсюду проходили демонстрации студентов и женщин, а крестьяне разрушали железные дороги и телеграфные линии. [...]

14 Мухаммад Саид-паша (1863–1928) – премьер-министр Египта в 1910–1914-м и 1919 годах.

15 Адли Якан-паша (1864–1933) – премьер-министр Египта в 1921–1922 годах, соперник Саада Заглюля.

Выходя в те дни на улицы, египетские женщины бунтовали не только против гнета англичан, но и против тысячелетней тирании хиджаба. На первые митинги они шли, прячась под белыми бурками, но не прошло и нескольких месяцев, как они начали открывать свои лица. [...] Англичане, стоит подчеркнуть, не стеснялись избивать участниц женских манифестаций – подобно тому, как это делалось и на студенческих демонстрациях. [...] В этих протестах копты выступали плечом к плечу с мусульманами, а попытки властей вбить клин между сообществами не увенчались успехом. Молодые мусульмане выступали с речами с кафедр церкви, а коптская молодежь вещала с минбаров в мечетях. Позже я узнал, что во время восстания Ораби-паши в 1882 году тоже наблюдалось подобное единодушие.

Спору нет, среди всего этого беспорядка гибло какое-то количество невинных британских подданных. Так получалось из-за того, что англичанин, кем бы он ни был, оставался символом колониализма. Однако и английские власти вели себя по-зверски: они атаковали деревни, обливали их бензином и сжигали дотла. После того, как в Каире разгромили уличный трамвай и разобрали трамвайные пути, начались массовые аресты интеллигентов. Людей швыряли на землю и избивали плетьюми, а после этого заставляли укладывать рельсы заново. Когда в дельте [Нила] перерезали железную дорогу, на место происшествия были направлены солдаты. В Сазадже их встретила крестьянская толпа, в которой было много женщин и детей. Несмотря на то, что в основном они были непричастны к разрушению магистрали, англичане, открыв огонь из винтовок, убили множество людей. Подобные массовые убийства египтян незамедлительно «забывались» властями, но зато британские чиновники хорошо помнили немногих убитых из числа своих. В стране появились военные трибуналы, которые преследовали египтян, обвиняемых в этих убийствах; эти внесудебные органы выносили смертные приговоры. [...]

Если же говорить о международном позиционировании Египта, то революция 1919 года научила нас правильно смотреть на свое государство: отныне оно воспринималось как независимая нация, а не как хвост, виляющий по воле Британии. К сожалению, в последующие годы англичане смогли урезать нашу независимость и коррумпировать нашу Конституцию; это было сделано руками Зивар-паши, Сидки-паши и им подобных¹⁶.

По мнению египетской публики, гораздо важнее русской революции [1917 года] для Египта была турецкая революция,

16 Ахмад Зивар-паша (1864–1945) – премьер-министр в 1924–1926 годах. Исмаил Сидки-паша (1875–1950) – премьер-министр в 1930–1933-м и 1946 годах; при нем парламент, где большинство мест имела партия «Вафд», был распущен, а Конституция 1923 года заменена на менее демократическую.

которую устроил Мустафа Кемаль [Ататюрк], упразднив султанат и разорвав связь Турции с Востоком. В 1882 году мы ориентировались на Турцию, считая ее «государством халифата». Однако напрасно мы тешили себя иллюзией, будто она будет защищать нас от врагов и будто вместе мы составляем великий османский султанат. Когда Мустафа Кемаль принялся рушить основы этих заблуждений и развернул свой народ на Запад, он упразднил арабский алфавит, заменив его на латиницу, и отделил религию от государства. Арабы и арабский язык были обособлены от новой Турции. Произошедшее в Турции подтолкнуло египетских традиционалистов к осознанию иных политических возможностей – и те поддержали независимость, признав, что она соответствует политическим устремлениям страны. Следует подчеркнуть огромное отличие этого нового подхода от старого, представленного в 1908 году шейхом Али Юсуфом в [газете] «Аль-Музйид». Он тогда настаивал на том, чтобы Египет делегировал своих представителей в османский парламент в Стамбуле, [только что восстановленный после младотурецкой революции]. Интересно, что такой же позиции придерживался и [египетский журналист] Мустафа Камиль. И шейх, и журналист в ту пору отождествляли независимость Египта [от англичан] с верностью османскому знамени.

Разумеется, среди египетской публики имелось много разногласий по поводу революций Ленина и Ататюрка. Но у всех было ощущение, что оковы старого мира сброшены и что у нас на глазах рождается новый, свободный мир. Лично меня обе революции наполнили оптимизмом не менее великим, чем пессимизм, в который они повергали английских колониалистов. Исходя из этого оптимистического настроения я и несколько единомышленников в 1920 году основали Социалистическую партию¹⁷. Египетское правительство сразу же начало бороться с этой организацией и, в конце концов, прикончило ее. [...]

Моя культурная борьба

Наше общество жаждало дискуссий. Религиозная культура (усилиями Мухаммада Абду¹⁸) и культура общественная (благодаря Касему Амину) стали предметами оживленных публичных обсуждений. Положение наше в те годы напоминало ситуацию в царской России, где мыслители, которым нельзя было критиковать политику, обращались к литературе. Нам, египтянам,

¹⁷ Эта группа просуществовала совсем недолго и политического влияния не имела.

¹⁸ Мухаммад Абду (1849–1905) – богослов, великий муфтий Египта в 1899–1905 годах, один из основоположников исламского модернизма. Призывал к новым интерпретациям ислама, которые позволили бы мусульманскому миру заимствовать достижения науки, техники и общественно-политической мысли.

тоже было запрещено обсуждать политические вопросы, и поэтому мы принялись критиковать наше общество.

На заре моей литературной деятельности в стране имелось несколько изданий, заставлявших думать. Первейшими среди них были журналы «Аль-Муктатаф», «Аль-Хияль» и «Аль-Джамиа». Именно они зародили во мне стремление к обновлению, ограничивавшееся, впрочем, лишь наукой и литературой. Теория эволюции, значение которой я осознал благодаря публикациям в «Аль-Муктатаф», обогатила мое мышление новым методом, одновременно позволив разделить всех мыслителей на друзей и врагов. Бросая вызов догмам и традициям, она воспитала во мне дух борьбы. Я и впредь довольствовался бы лишь этим, если бы не происшествие в [деревне] Диншавай¹⁹: это событие заставило меня обратить внимание на политику. На постижение ее тонкостей я потратил все первое десятилетие нынешнего века. [...]

Мой путь египетского журналиста был тесно связан с культурой. В 1914 году я выпускал журнал «Аль-Мустакбаль» [«Будущее»], ведя его дорогой сугубо интеллектуальных битв и обходя стороной политические проблемы. Всего вышли шестнадцать номеров. Среди его редакторов был Шибли Шумайил²⁰. Затем я работал в «Аль-Хияль» [«Полумесец»], а потом – в «Аль-Баляг» [«Воззвание»]. В последней из этих газет я столкнулся с политикой, хотя предметом моего первейшего интереса оставалась страница, посвященная культуре. Три мои книги – «Теория эволюции и происхождение человека», «Египет – колыбель цивилизации» и «Обновление в современной английской литературе» – сначала выходили отдельными главами в «Аль-Баляг». [Издатель «Аль-Баляг»] Абд аль-КаDIR Хамза не только с радостью публиковал мои труды, но и побуждал меня к ним.

«Аль-Хияль» я редактировал с 1923-го по 1929 год. Одним из условий моей работы там было то, что мне вменялась обязанность выпускать по одной новой книге ежегодно. [...] Некоторые из них – например, «Известнейшие истории любви всех времен» – были чисто развлекательными: я писал их как ремесленник. Но другие книги заставляли меня познавать и исследовать. Работая над своими трудами «Свобода мысли и ее герои», а также «Внутренний разум», я писал и учился одновременно. Тексты, созданные за годы моей работы в «Аль-Хияль» и «Аль-Баляг», стали для меня своеобразной школой. [...]

Между 1923-м и 1930 годами в Каире шли споры по поводу обновления в литературе. Каждый писатель понимал этот вопрос

¹⁹ Имеется в виду расстрел британскими солдатами египетских крестьян в деревне Диншавай в 1906 году.

²⁰ Шибли Шумайил (1850–1917) – врач, журналист и просветитель, популяризатор теории эволюции, один из первых социалистов в арабском мире.

по-своему, и каждый следовал тому, что соответствовало его характеру, взглядам, культуре. Насколько я помню спустя годы, в тех горячих дебатах можно было выделить несколько обновленческих тенденций. Мы стремились, во-первых, обзавестись современной египетской литературой, которая не опиралась бы на старую арабскую литературу; во-вторых, сделать стиль изложения современным и близким к языку народа и не ориентироваться более на аль-Джахиза²¹ и ему подобных; в-третьих, перенять европейские стандарты литературной критики; в-четвертых, связать литературное творчество с общественной жизнью, погружаясь в ее проблемы и разрешая их; в-пятых, создать самобытные египетский рассказ и египетскую драму; наконец, в-шестых, поставить литературу на службу человеку и обществу. [...]

В моей журналистской карьере я боролся за демократию, которой тираны пытались нас лишить. Мой первый опыт работы в прессе был связан с газетой «Аль-Ливá» [«Знамя»], куда я устроился в 1909 году. Там я провел около четырех месяцев, работая бок о бок с Фарахом Антуном. Нами руководил образованный и просвещенный человек по имени Усман Сабри – свояк Мустафы Камиля. Он занял этот пост после кончины шейха Абд аль-Азиза Джавиша, раздражавшего коптов своими неприличными высказываниями. [...] На протяжении всей нашей совместной работы в «Аль-Ливá» Антун думал, что я мусульманин: во-первых, из-за моего имени, а во-вторых, потому, что в моих текстах ничто не указывало на конфессиональную принадлежность. А вот Сабри знал, что я копт: он много раз в моем присутствии осуждал статьи шейха Джавиша и не публиковал ничего, что могло бы посеять рознь между мусульманами и христианами. Работа в «Аль-Ливá» научила меня журналистской гибкости, поскольку я готовил и новости, и статьи, посвященные как внутренней, так и внешней политике. Репортеров в те дни не особо ценили, поскольку газеты предпочитали публиковать большие статьи, а не новостные заметки. Это объяснялось тем, что почти вся их деятельность была посвящена борьбе за независимость. Почти все газетные авторы одновременно трудились и редакторами.

В первое десятилетие XX века «Аль-Ливá», ориентировавшаяся на Национальную партию, выступала эталоном египетской журналистики, поскольку была успешным изданием. Ее стиль оставался наступательно-ораторским, поскольку Мустафа Камиль полагал, что пресса должна служить патриотизму, воздействовать на массы, пробуждать национальное самосознание. Международным новостям почти не уделялось внима-

21 Аль-Джахиз (ок. 775–868) – ученый и писатель, один из основоположников арабской литературной критики.

ния: они умещались в половину или четверть столбца коротких сообщений. В остальном же газета занималась критикой английских оккупантов и общественной мобилизацией. Писать ясно и ярко – вот что требовалось от авторов в первую очередь. Так наша пресса работала примерно до 1930 года, когда газеты «статейные» начали уступать газетам «новостным». Причем даже сегодня, в 1947-м, можно видеть, что пресса, которая осталась от старых времен, уделяя повышенное внимание стилю и языку, почти не интересуется международными, научными или общественными проблемами. Впрочем, некоторым читателям это нравится.

Издания того времени были неотделимы от личностей тех, кто в них работал; ведь к газете обращались не из-за новостей или иллюстраций, а потому, что такой-то опубликовал там свою статью. Соответственно, и вражда [между авторами или издателями] тоже была личной. [...] Около 1900 года в стране появились первые юмористические издания. Их материалы по большей части состояли из насмешек над великим имамом Мухаммадом Абду. Ходили слухи, будто сам хедив Аббас-паша поощрял нападки на этого религиозного деятеля, поскольку ненавидел тот дух современности, который последовательно утверждался имамом в [главной мечети Каира и престижной исламской семинарии] аль-Азхар.

Покинув «Аль-Ливá» и снова отправившись в Европу, я продолжал грезить журналистикой. По возвращении в Египет я в 1914 году смог осуществить мечту, взявшись за издание еженедельного журнала «Аль-Мустакбаль». Однако не успели мы дойти до шестнадцатого номера, как разразилась Первая мировая война и цены на бумагу выросли примерно в десять раз. Выбора не было: журнал пришлось закрыть. [...] Статьи в нем вполне отражают мое тогдашнее умонастроение. Были, например, материалы о Фридрихе Ницше, а одна статья, полностью состоящая из атеистического распутства, была выразительно озаглавлена единственным словом – «Аллах». На страницах журнала публиковались стихотворения и статьи Шибли Шумайила, в которых тот пропагандировал теорию эволюции и превозносил материализм. Помню также один текст, посвященный «полиандрии» у арабов, то есть браку между женщиной и несколькими мужчинами. «Аль-Мустакбаль» работала не только современность, но и будущее. Редакция продавала порядка шестисот экземпляров в неделю, и это без учета подписки. Полагаю, если бы не война, издание могло бы стать успешным – и продолжало бы нести в массы послание разрушения и созидания, в котором мы тогда нуждались. После «Аль-Мустакбаль» в Египте больше не появлялось столь же свободомыслящих журналов. Когда в конце 1929 года я приступил

к изданию «Аль-Маджалля аль-Джадида» [«Новый журнал»], все было по-другому: на меня повлияли как усвоенные навыки журналистского ремесла, так и изменившаяся ситуация в стране. Я был укрощен: былой огонь потух, энтузиазма поубавилось, а на смену кипению пришла умеренность.

После закрытия [«Аль-Мустакбаль»] я получил письмо от Мэй [Зияде]²². Она просила меня возглавить редакцию «Аль-Махруса» [«Спасаемый»] – ежедневной газеты с небольшим тиражом, которую издавал ее отец. Я согласился и редактировал ее несколько месяцев, пока мне это не опротивело из-за суровой цензуры, которой подвергалась пресса. Единственным, что хоть как-то скрашивало ситуацию, были визиты посещавшей редакцию Мэй и ее доброе отношение к нам. Таким образом, на протяжении почти всей Первой мировой войны я оставался без работы. Большую часть тех лет я провел на нашей семейной ферме, находившейся недалеко от города Эз-Загазиг. [...] Для меня военные годы стали порой личностного роста. Я с упоением читал о литературе и науках, многое для себя усваивая. Время от времени я обращался к чиновникам в Эз-Загазиге, ходатайствуя об освобождении кого-нибудь из задержанных властями крестьян. Правительство тогда посылало полицию на сельские рынки, и та хватала несчастных, подвернувшихся под руку. Их крепко связывали веревками, будто они военнопленные. Затем англичане отправляли этих людей [на фронт] в Палестину, где они гибли сотнями и тысячами. Спасти от этой участи можно было лишь с помощью взятки.

Когда деревенский застой мне наскучил, я какое-то время проработал учителем. Затем вспыхнула революция 1919 года, и я направился в Каир, дабы быть в гуще событий и вновь подступить к журналистике. У меня это получилось: поработав немного учителем в школе ат-Тауфик, я стал одним из редакторов журналов «Аль-Хилаль» и «Аль-Баляг», о которых говорилось выше. [...] В конце 1929 года я стал выпускать «Аль-Маджалля аль-Джадида», а на следующий год в свет начал выходить «Аль-Мысри» [«Египтянин»]. Первое издание было ежемесячным, а второе – еженедельным. Оба призывали к освобождению в культуре и политике. Но в 1930 году нас смело политическим ураганом, поднятым правительством Исмаила Сидки-паши. Он упразднил Конституцию, заменив ее на новую, далекую от всякой демократии. И мне пришлось закрыть оба журнала. Новый закон о печати установил для издателей сбор в 150 фунтов. Я пытался внести эту сумму наличными, но деньги не приняли. В 1934-м к власти пришло правительство Абд

22 Мэй Зияде (1886–1941) – переводчица, поэтесса, просветительница, хозяйка известного литературного салона.

аль-Фаттах Яхья-паши²³. Тогда мне удалось возродить «Аль-Маджалля аль-Джадида», потому что за меня поручился рабочий типографии. [...] Вот так мы в Египте и живем: одно правительство не берет залог наличными, зато другое принимает поручительство рабочего, у которого за душой ни гроша²⁴.

В начале Второй мировой войны было учреждено Министерство социальных вопросов, и меня пригласили редактировать его журнал. Я согласился, считая это прекрасной возможностью подтолкнуть общество к современности. Я писал в этот журнал на протяжении двух лет; статьи либо подписывались моим именем, либо выходили без подписи. [...] Во время работы в министерстве я также продолжал выпускать «Аль-Маджалля аль-Джадида», занимаясь этим до 1942 года, когда передал журнал нескольким друзьям – такое решение, как представлялось, позволило бы мне сосредоточиться на задачах политического освобождения. Однако чрезмерно левые и демократические устремления моих соратников не понравились колонизаторам, и в том же году журнал закрыли решением военных властей. [...]

Погоня за рекламными объявлениями заметно ограничила свободу египетской прессы и круг ее интересов. Например, газеты куда больше следят за кинематографом, который обеспечивает их рекламными объявлениями, нежели за египетским сельским хозяйством, в котором заняты миллионы людей, но которое бесперспективно в плане рекламы.

У современной [египетской] журналистики по сравнению с журналистикой начала XX века есть важное достоинство: она уделяет большое внимание международным новостям. Этот интерес, пробужденный двумя [мировыми] войнами, просвещает читателей, снабжает их международной перспективой и заставляет рассматривать местную политику в контексте большой мировой политики. Это, безусловно, хорошо. Однако погоня за рекламными объявлениями заметно ограничила свободу египетской прессы и круг ее интересов. Например, газеты куда больше следят за кинематографом, который обеспе-

23 Абд аль-Фаттах Яхья-паша (1876–1951) – политик, неоднократно занимавший министерские посты; в 1933–1934 годах возглавлял правительство, сменив на посту премьер-министра Исмаила Сидки.

24 В середине 1930-х в упомянутом журнале появлялись статьи, где Муса хвалил некоторые аспекты социально-экономической политики гитлеровского режима, однако к концу 1938 года он разочаровался в нацистах. Подробнее см.: GERSHONI I., JANKOWSKI J. *Confronting Fascism in Egypt: Dictatorship versus Democracy in the 1930s*. Stanford: Stanford University Press, 2010. P. 128–132.

чивает их рекламными объявлениями, нежели за египетским сельским хозяйством, в котором заняты миллионы людей, но которое бесперспективно в плане рекламы. [...]

САЛАМА МУСА

ВОСПИТАНИЕ

САЛАМЫ МУСЫ

Как-то ночью – было это 12 июля 1946 года – я лежал на бетонном полу в одной из темных камер тюрьмы Аль-Азбакия. Рядом со мной находились еще около четырех десятков человек, обвиняемых в воровстве, насилии, убийствах, наркоторговле и других подобных делах. Мне же инкриминировали пропаганду республиканских и коммунистических взглядов. Бетон был таким жестким, что мне не спалось. И тогда память решила показать мне фильм о моей прошлой жизни. Я вспомнил свободу, которой наслаждался в 1914 году, когда писал статьи для «Аль-Мустакбаль». Если бы некоторые из них были опубликованы в наши дни, я оказался бы за решеткой еще раньше. Вспоминая свое усердие в чтении и писательстве, я насчитал около двадцати книг, которые сочинил для моих соотечественников; ведь я искренне не жалел усилий, чтобы просвещать молодежь на основе стандартов XX века и побуждать ее выйти из тьмы минувших столетий. Потом, ворочаясь на бетонном полу, я подумал, что не скопил денег и не получил признания, на которое может рассчитывать тот, кто преданно служил своему делу. При мне была половина питы – вечерний паек, который установило египетское правительство, воздавая мне за годы добросовестной службы стране. Я жевал и думал, думал и жевал; мой разум до самого утра терзался болью и страданиями. Утром в камеру вошел мужчина с корзиной хлеба, который вручил мне еще половину питы – на завтрак. Я припрятал ее вместе с окуском, который грыз накануне. Вот так обходился с нами альянс [британского] империализма и [египетской] тирании.

НЕКОТОРЫЕ ПИСАТЕЛИ, КОТОРЫХ Я ЗНАЛ

Я познакомился с Джирджи Зейданом²⁵ – основателем [журнала] «Аль-Хияль» – за два или три года до его смерти, около 1909 года, когда был в Англии. Дописав статью «Введение к сверхчеловеку», я отправил ее в редакцию «Аль-Хияль» для публикации. Текст передали Зейдану, и вскоре он прислал мне редактуру, сопроводив ее пространном письмом, в котором разъяснил свои замечания к статье. Он предложил убрать некоторые фрагменты – все то, что, как ему казалось, шло против

25 Джирджи Зейдан (1861–1914) – деятель арабского просвещения, писатель, журналист, издатель, историк и лингвист. Родился в Бейруте, в небогатой греко-православной арабской семье, с 1883 года жил в Каире. Журнал «Аль-Хияль» был основан им в 1892 году. Исторические романы Зейдана способствовали популяризации арабской истории и формированию арабского национализма. Подробнее о нем см.: PHILIPP T. *Jurji Zaidan and the Foundations of Arab Nationalism*. Syracuse: Syracuse University Press, 2014.

всеобщих убеждений. Из того письма я запомнил следующее место: «Нет ничего страшного в том, что ты критикуешь христианство, ведь христиане уже привыкли к критике своей религии. Что же до мусульман, то нам следует остерегаться их, поскольку для них подобное в диковинку». В итоге статья вышла изувеченной: из текста слишком многое вычеркнули.

Вернувшись в Египет, я посетил Зейдана, и мы общались до самой его кончины. Я был одним из тех, кто провожал его в последний путь. Этот деятель был самородком, человеком широкой культуры и первым нашим современником, посвятившим жизнь изучению исламской истории. Он много писал о ней. Его книги по истории исламской цивилизации считаются первыми в этой области; подобные исследования широко распространились лишь позже, в 1920–1930-х. [...] При этом у Джирджи Зейдана не было исторического образования. Как-то раз я изложил ему свою гипотезу, согласно которой хиджаб прижился у арабов по биологическим причинам: из-за того, что девушки в жарких странах достигают половой зрелости к одиннадцати-двенадцати годам, то есть до завершения своего интеллектуального созревания. Из моей концепции следовало, что девичий интеллект не мог контролировать и сдерживать половой инстинкт и потому-то хиджаб был принят арабскими обществами. Зейдан поразился этому объяснению, сказав, что «подход впечатляет», но факты тем не менее опровергают мои слова. Источником этих фактов для него служила история. Теперь-то я понимаю, что ошибался в своем биологическом объяснении, поскольку никакой разницы между возрастом полового созревания в жарких и холодных регионах не существует – внедрение хиджаба объяснялось чисто социальными причинами. [...] Произведения Джирджи Зейдана по-прежнему живы. Они скорее лаконичны, нежели многословны; он поднимал темы, которых до него не касались. [...] Когда [в 1908 году] был основан Египетский [ныне Каирский] университет, ему поручили читать лекции по исламской истории. Однако администрация университета отменила это назначение из-за жалоб на то, что он христианин. Происшествие очень огорчило Зейдана, и даже вспоминать о нем ему было грустно и больно.

Фарах Антун издавал «Аль-Джамиа» и время от времени критиковал «Аль-Хиляль». Первый журнал был западным, а второй восточным, и поэтому их издателям не удалось познакомиться и подружиться. Моя дружба с Фарахом началась в те дни, когда мы в 1909 году сообщаем и недолго редактировали газету «Аль-Лива́». Вечерами мы часто сидели в кафе на Оперной площади или где-то поблизости. Фарах был вольнодумцем во французском смысле. Он был хорошо знаком с [идеями] Фридриха Ницше и Жан-Жака Руссо. Позже он присоединился

к египетскому движению за независимость. Родиной Антуна был сирийский город Алеппо²⁶, и поэтому ему было непросто совладать с египетским диалектом. Это был общительный и позитивный человек, который пил не только вино, но и абсент – напиток, запрещенный [в Египте] из-за вреда для здоровья.

В те же годы я познакомился с Якубом Сарруфом – редактором «Аль-Муктатаф». Ему тогда было уже за шестьдесят. Помню, как во время нашей первой встречи он принялся расспрашивать о моем происхождении; его интересовало, чисто-кровный я египтянин или же с иностранными корнями. В те дни «Аль-Муктатаф» входил в число видных журналов, которые пропагандировали науку и просвещение. Прочитав мою статью «Введение к сверхчеловеку» и поговорив со мной о науках, он решил, что я иностранец: мол, все мои размышления доказывают это! Им всецело владели научные устремления – он совсем не ценил ни литературу, ни философию. Как-то раз мы завели разговор о Герберте Спенсере и Артуре Шопенгауэре. Я настаивал на величайшей ценности немецкого философа, который разработал всеобъемлющую теорию бытия; Сарруф же полагал, что величайшим мировым гением является Спенсер, в то время как Шопенгауэр – лишь поверхностный «литературный наблюдатель» и «философский авантюрист». [...]

Среди выдающихся личностей, которых я знал до Первой мировой войны, была и великая писательница Мэй [Зияде]. Мы оставались друзьями до самой ее кончины [в 1941 году], после ее возвращения из психиатрической лечебницы в Ливане. Мэй не была красавицей, но неизменно вызывала симпатию. Она хорошо знала английскую и французскую литературу, следила за современными веяниями в Европе, Америке и на Востоке. [...] Ее цивилизованность и культурность придавали ее манерам необыкновенное изящество. Именно благодаря Мэй ремесло литератора превратилось для девушек Египта и Сирии из чисто мужского дела в занятие, достойное женщины. При жизни родителей она организовывала дома «салонные» встречи, где среди гостей бывали политики, писатели, местные нотабли. Она участвовала во всех обсуждениях, а порой и сама вела их. Мэй была чрезвычайно умна: не существовало такой темы, по которой она не могла бы высказаться – и это всегда делалось изящно, красиво, культурно. И если уход отца Мэй почти не сказался на жизни салона, то кончина матери сильно потрясла его хозяйку. [...] Общество матери было для нее утешением, особенно если учесть, что Мэй так и не вышла замуж. Для девушки непросто однажды обнаружить себя одинокой

26 Излагая иную версию, Дональд Рид пишет, что Фарах Антун был родом из ливанского города Триполи, где его отец торговал древесиной. См.: REID D.M. *Op. cit.* P. 3–13.

в собственном доме, особенно в среде, которая при всей своей цивилизованности оставалась восточной. [...]

В ряду великих людей, встреченных мною в жизни, не могу не упомянуть Шибли Шумайила. Это был невысокий и коренастый человек, внешне немного походивший на борца. Я познакомился с ним в 1912 году. Мы общались, хорошо относились друг к другу, вплоть до его смерти в конце Первой мировой войны. Ему было уже под семьдесят, однако он отличался редкостными здоровьем и живостью. Все его произведения были пронизаны воинственностью по отношению к любой метафизике: он призывал к свободомыслию в смелых, а порой и дерзких выражениях и горячо пропагандировал теорию эволюции. Именно он перевел на арабский знаменитую книгу [немецкого физиолога и материалиста] Людвиг Бюхнера. Над потусторонним он насмехался в таких выражениях, каких не посмел бы использовать никто иной. Когда я в 1914 году стал выпускать журнал «Аль-Мустакбаль», он, поддерживая меня, писал для моего издания – либо под своим именем, либо под псевдонимом. На страницах этого журнала он опубликовал «философскую поэму», смысла которой я не понимал тогда и не понимаю сейчас.

Шумайил принадлежал скорее к числу мыслителей, а не ученых. Он убеждал читателя своим разумом, а не познаниями. Читая его труды, мы поражаемся плавному ходу его мысли. Многие хвалили степенность его стиля; реагируя на это, он говорил, что уравновешенный стиль – плод уравновешенного мышления. И это правда. Как-то раз, будучи у него в гостях, я к удивлению своему нашел Тору с оставленными им пометками. Когда я шутя сказал, что борьба с метафизикой едва ли может сочетаться с подобным интересом к Торе, он ответил, что ценит прежде всего красноречие этой книги, а его интерес к ней сугубо лингвистический и археологический. И по нраву, и по мышлению, и по стилю жизни Шумайил был цивилизованным европейцем. Обычаи и традиции Востока он атаковал со страстью. Веровал он истово и даже фанатично, но объектом его веры было человечество. Это отчетливо проявилось в те дни, когда начиналась Первая мировая война. Он так разволновался, будто им овладел невроз. Складывалось впечатление, что, будь он помоложе, непременно отправился бы добровольцем на фронт, поскольку считал действия Германии покушением на принципы гуманизма.

Перевод с арабского и комментарии Максима Жабко

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Несостоявшаяся Россия

За 25 лет нахождения Владимира Путина во главе страны «Левада-центр»¹ провел триста ежемесячных опросов, за которыми стоят почти полмиллиона индивидуальных интервью. Это огромный труд сотен интервьюеров, каждый месяц опрашивающих 1600 человек по всей стране, труд тех, кто суммировал и анализировал полученные ответы.

В каждом опросе мы спрашивали: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность В. Путина на посту президента РФ?», а доля – в процентах – отвечавших «одобряю» в прессе получила название «рейтинг». Вопросы, подобные этому, специалисты «Левада-центра» задают с 1988 года. Они видели, как рос рейтинг Михаила Горбачева и как в свой час он начал неумолимо снижаться. Затем – как взлетел до тех же

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

высот рейтинг Бориса Ельцина, как он стал падать, как его удалось приподнять к выборам 1996-го и как он снова пошел вниз до самого конца его правления. Старый и уставший президент России уходил с рейтингом в 6%, а сменивший его президент молодой в первый же месяц 2000 года имел 84%. И поскольку вопрос об одобрении *деятельности* нового *президента* задавался людям в двадцатых числах января, когда они явно еще ничего не могли знать о ней, то, значит, дружно отвечая «одобряем», они выказывали поддержку чему-то другому.

С течением времени стало видно, что рейтинг Путина держится на высоком уровне и не реагирует на события внутренней жизни страны, в том числе те, которые, по мнению многих наблюдателей, должны были негативно влиять на репутацию президента, поскольку влияли подобным образом на рейтинги Горбачева и Ельцина. Так появились образы «тефлонового» президента и «феномена Путина». Мы не знаем, зачем Путин совершал такие эскапады, как полеты в небеса на дельтаплане или истребителе, зачем нырял в глубины или снимался, как иные лидеры прошлого, с обнаженным торсом. Но знаем точно, что информация об этом в СМИ на динамику рейтинга тоже никак не влияла. Это позволило дополнительно подтвердить гипотезу о том, что рейтинг измеряет отношение не к личности президента и не к президенту как личности. Из дополнительных расспросов становилось ясно, что рейтинг показывает не то, что предусматривает словесная формула вопроса, а то, насколько опрошенные одобряют в целом ситуацию в стране и со страной. Отвечая «одобряю», они

демонстрируют интервьюеру и себе лояльность имеющемуся порядку вещей, считая, что за него отвечает тот, кто стоит во главе страны.

Накапливаемый опыт наблюдений показывает, что отношение людей к Путину не такое, как к Горбачеву и Ельцину². И дело не в личных качествах этих президентов, но в том, что эпоха Путина – это период реакции общества на перемены и события: социальную деконструкцию и структурную дифференциацию, состоявшиеся во времена Горбачева–Ельцина. Например, развал СССР Путин назвал «величайшей геополитической катастрофой XX века»: мы перестали быть великой державой, то есть хозяевами «своей» части мира. Многих россиян это тоже заботило, как радуется сейчас и то, что при Путине статус великой державы, с их точки зрения, начал восстанавливаться.

Но для многих жителей СССР, переживавших перестройку и реформы как трагедию, это была катастрофа не столько геополитического, сколько социального свойства. Существовавшие на протяжении всей их жизни социальные формы и порядки враз сломались, распались общности, в которые входил и к которым привык человек – «родной завод», «родной колхоз», профсоюз и парторганизация, райсовет и райсобес. Обесценились статусы, рвались связи, из которых выстояли только первичные – семейные, дружеские, любовные, иногда соседские. Отношения по поводу дела, заработка, карьеры, перспектив надо было строить заново. Далеко не все смогли быстро понять, как это сделать.

Всем, однако, стало ясно, что теперь каждый должен делать все сам. Успехи и неудачи, свои и чужие, – это новая

2 Проводить сравнения с отношением людей к другим главам государства – в частности, к Сталину или Брежневу – мы не считаем возможным, поскольку опросы тогда не проводились и данных для сопоставления нет.

социальная реальность, новая дифференциация по массе признаков, среди которых доход и деньги лишь одни из многих. Барахтанье в новой реальности – очень успешное или трагическое для меньшинства и «всякое» для большинства – это пережитая обществом травма. Напомним: российское общество после потрясений 1914–1920 годов существовало без собственного «социального скелета», который создают общины и традиционные социальные институты. Его форму держали внешние по отношению к нему структуры государства. Это они треснули, ослабли, отвалились в горбачевско-ельцинскую эпоху.

В социальном хаосе конца 1980-х – начала 1990-х стали формироваться новые связи и структуры: прежде всего ранние формы предпринимательства – артели и кооперативы, – организации мафиозного типа – «группировки», а также различные клубы и общественные объединения. Энтузиазм участников этих процессов сочетался с их же собственным сомнением: это взаправду, так теперь и будет? Но дело шло, и разнообразие в обществе нарастало.

Субъектами этого процесса были люди, выросшие в совершенно других общественных условиях. Например, предприниматели, оказавшиеся в этой роли по случайности, по удаче или, наоборот, из-за развала предприятия, на котором они ранее работали, – это были капиталисты с усвоенными с детства антикапиталистическими взглядами. Они стыдились полученной прибыли, не верили в свалившееся на них богатство, иногда были исполнены гордости, но не за свое процветание, а за то, что их предприятия приносят пользу городу или соседям-горожанам.

Масса бизнесов возникала и тут же исчезала – люди на собственных и чу-

жих успехах и неудачах постепенно учились самостоятельности, тому, что человек может затевать собственное дело. Предприниматель, готовый брать инициативу и ответственность, мог стать ролевой моделью, образцом человека, который сам себе хозяин. И если бы стал, то в течение исторически короткого времени россиянин стал бы другим.

Но в этот процесс вмешались два субъекта с совершенно другими ценностными основаниями: крупный бизнес и то, что Вадим Радаев назвал «силовым предпринимательством». Они вмешались и заняли место регуляторных институтов, которые должны были самостоятельно вырасти из новой социальной среды, но складывались медленнее, чем практики, которые им надлежало контролировать. (Отчасти в связи с этим в те времена часто – и с осуждением – звучало слово «вседозволенность», констатирувавшее незрелость складывающихся норм: практики взаимодействия уже сложились, а общественные инстанции, которые могли бы осуществлять социальный контроль, санкционировать за их нарушение, – еще нет.)

Ленин в начале XX века писал, что российский капитализм быстро вошел в стадию империализма. В каком-то смысле та же черта была ему свойственна и на излете этого столетия, и в начале следующего: в том смысле, что он поглощает, выдавливая с рынка все бизнесы (прежде всего средние и малые), оказавшиеся в сфере его досягаемости. Именно это делали силовые предприниматели, появившиеся на российской сцене в период «первоначального накопления» – в собственных интересах или в помощь крупному бизнесу. Эти две силы позаботились о том, чтобы возникавшая тогда система государст-

венных институтов не мешала им действовать так, как им было угодно. В считанные годы они не просто подчинили возникшую поросль малого и среднего предпринимательства, но уничтожили ценностную и социальную основу для него: личная предприимчивость и готовность опираться на собственные силы, явившись на время как социальный идеал, в очередной раз были оттеснены и признаны «не нашими».

В результате главной референтной инстанцией снова стала предельно большая структура: государство – наш экзоскелет, наша «держава», которую вновь «сделал великой», по мнению россиян, Владимир Путин. Травма адаптации к новой реальной привела к тому, что до двух третей российского общества более всего хотела, чтобы власть вновь оградила ее от беспокойств «большого мира», и потому с первого дня пребывания Путина на посту президента на узаконенный в начале вопрос «Вы в целом одобряете...», не дослушав, отвечала

«Одобряю!». Одобряла, когда обсуждалось сближение с Западом и чуть ли не вступление в НАТО. Одобряла и позже, когда Путин произнес пророческую, как выяснилось, «мюнхенскую речь», а потом его «ультиматум 2021 года». Одобряла начало и продолжение СВО. Этим людям проще думать, что Путин всегда прав – потому за 25 лет его рейтинг лишь дважды был на уровне 59%, а во всех остальных случаях 60% и выше.

Конечно, это не одни и те же люди из этих 60% – в начале путинского правления и сейчас. Но у всех них не изжита травма несостоявшейся социальной перестройки, абортированного будущего. Навсегда ли эта травма? Нет. Ее вот-вот вытеснит СВО в сочетании с военной реиндустриализацией и социальными благами для тысяч семей, из которых ушли мужчины. Пока в происходящем коллективная травма не проявилась – только травмы индивидуальные, – но она себя еще покажет. Увидим, как поведет себя рейтинг. Пока что он на уровне 87%.

Имагинативный реализм: анархеология радости

ЕГОР
ДОРОЖКИН

Во всем есть трещина – вот как проникает свет.

ЛЕОНАРД КОЭН. *Гимн*

ВВЕДЕНИЕ. ЗА ГОРИЗОНТ

По общераспространенному мнению, воображение, влекущее за горизонт, является уделом мечтателей и чудаков, слишком чувствительных для реального мира, а потому стремящихся убежать в иной – мир религиозных таинств, сновидений, галлюцинаций, художественных книг, видеоигр. Формированию этого стереотипа послужили многие увлеченные воображением деятели романтизма, равно как и скептики. Первые – из страха нарушить загадочность собственного облика – по-байроновски взирали на обывательскую суету, а вторые просто не видели проку во всем странном и необычном. И речь не только и не столько о сцене индивидуальной психологии. Под этой сценой работали сложные машины: категории обыденного рассудка и бессознательная защита Эго, христианская средневековая метафизика и протестантская этика, капиталистическое производство и сциентистская картина мира, идеологические аппараты государства и стратегии дисциплинарной власти. Конечно, к XXI веку люди уже не слишком похожи на персонажей эпохи раннего индустриального капитализма – нас активно

Егор Леонидович Дорожкин (р. 1989) – философ, доцент кафедры философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории имени М.И. Глинки, автор ютуб- и телеграм-канала @Absentsky.

**ИМАГИНАТИВНЫЙ
РЕАЛИЗМ,
ИЛИ ВСЯ ВЛАСТЬ
ВООБРАЖЕНИЮ**

учат быть креативными и мыслить иначе. При этом существо дела никоим образом не изменилось. Необычное делается приемлемым и даже похвальным лишь в той мере, в которой находит менее очевидные и более эффективные способы решения утилитарных задач, или же принимается в формах ретрита, возвращающего работнику продуктивность. В итоге ни о каком освобождении воображения речь не идет. Мы ищем ему оправдание в применении на производстве, а значит, в сведении свободы к несвободе.

Однако, может статья, воображение по своему существу не есть бегство в иллюзию, как не является оно и ресурсом капиталистической креативности. Образ ускользания за горизонт настойчиво повторяется в речах, фантазиях и художественных произведениях с конца XVIII столетия, а корни его тянутся к гомеровской «Одиссее». Не стоит ли допустить за подобной настоятельностью большую онтологическую глубину, чем принято думать в расхожей социально-психологической трактовке? Возможно ли, что там, за горизонтом, воображение не подчиняется ни субъекту, ни системе, но открывает новые способы существования? Не окажется ли, что сам горизонт – не просто линия вдалеке и предел, но скорее место расщепления реальности и ее утечки?

Необычное делается приемлемым и даже похвальным лишь в той мере, в которой находит менее очевидные и более эффективные способы решения утилитарных задач, или же принимается в формах ретрита, возвращающего работнику продуктивность. В итоге ни о каком освобождении воображения речь не идет.

Патетический образ загоризонтности интуитивно понятен и даже стереотипен, но мы полагаем, что под напластованием банальностей молчаливо лежит истина, которая должна быть извлечена как таковая. Философия и является не чем иным, как системой обходных путей, позволяющих миновать расхожий смысл общих мест и пробиться к этой истине. Вместе с тем переосмысление воображения выступает актуальным запросом современной мысли, имеющим немалое количество соратников и ранее уже названным нами «имагинативным реализмом»¹. Само понятие было введено Яковом Голосовкером²

1 Дорожкин Е.Л. *Геофилософия сумрачного мира: земля, субъективность и воображение* // Неприкосновенный запас. 2024. № 3(155). С. 173–189.

2 Голосовкер Я.Э. *Имагинативный Абсолют*. М.: Академический проект, 2012.

и в узком смысле может пониматься как наименование его собственной концепции. Однако нами оно используется в расширительном значении принципа, позволяющего извлечь нечто вроде материалистической онтологии воображения из натурфилософии (как в ее широком романтическом изводе, так и в современной геофилософской ипостаси) и переосмыслить картографию новых реализмов, отказывающихся сводить действительность к социальным конструктам. Речь идет не о какой-то отдельной теории или направлении, но об установке на спекулятивное тождество природы и воображения, или, говоря иначе, на имманентность воображения – *имагинацию*.

Структура и аффективная настоятельность образа ускользания за горизонт позволяют избежать вводного изложения общетеоретических положений, поскольку это противоречит внутренней динамике имагинативизма. Нашей целью является не понятийное размещение перед вопросом о «воображении» в целом, но герменевтический скачок туда, где оно уже не мыслится функцией человеческого сознания, а оказывается способом бытия. Ведь если воображение не сводится к бегству субъекта от реальности или к реальности системного воспроизводства, то, возможно, это не мы стремимся за горизонт. Возможно, сама природа увлекает нас на те пути, где воображение перестает быть субъективной способностью и становится материальной силой, раскрывающей альтернативные потенции реальности и активирующей трансформации субъекта и мира. *Силой, воодушевляющей быть.*

ЕГОР ДОРОЖКИН
ИМАГИНАТИВНЫЙ
РЕАЛИЗМ: АНАРХЕОЛОГИЯ
РАДОСТИ

БЕСКОНЕЧНАЯ ПРИРОДА МГНОВЕНИЯ

Однажды майским утром 1953 года Олдос Хаксли попытался описать беспредельную глубину мгновения, избавленного от унылого схематизма обыденности. Ему вспомнилось, как на вопрос «Что такое Вселенская Форма Будды?» (то есть природа в ее непосредственной спонтанной данности) дзэн-буддийский учитель ответил: «Изгородь в дальнем конце сада»³. Она просто есть – безо всяких обращений к замысловатым логическим построениям или изошренным ритуалам, но вместе с тем ее присутствие несколько иное, чем у ближайших предметов моего внимания. Изгородь находится на периферии ясного и отчетливого фокуса сознания, рассаживающего все качества на предусмотренные рассудком места. Непосредственность бытия как оно есть обнаруживается не в факте, напрямую «схваченном за шкурку», а в том, что присутствует на краю

3 Хаксли О. *Двери восприятия*. М.: АСТ, 2022. С. 15.

восприятия. Строго говоря, именно таким периферическим присутствием и является наш жизненный мир. Он никогда не дан в качестве конкретной предметности, но, если мы начинаем ловить эту неконкретность сетями общих понятий, получаем картину мира, неизбежно скрывающую непосредственный горизонт присутствия здесь и сейчас. Станным образом онтологическая модальность, в которой раскрывается самый что ни на есть непосредственный опыт проживаемого мгновения, не твердые факты, излеченные надежными инструментами, а шорохи и эхо периферии, вызывающие к отрешенности.

Мгновение неуловимо. Как хронологический минимум, оно никогда не успевает стать актуальным настоящим, а потому всегда уже оказывается прошлым. Как онтологический максимум, оно сосредотачивает всю сущность времени и оттого проваливается в вечность. Мгновение беспредельно в своей непосредственной данности, но утекает как вода сквозь пальцы при попытке схватить его и удержать. Оно подобно грезам в полудреме, за доли секунды сплетающимся в насыщенную смыслом цельную картину и моментально тающим, как только наше внимание привлечет внешний раздражитель. Непосредственная глубина мгновения всегда на периферии сознания, как горизонт, недоступный связыванию ни в какие предметные отношения. Однако есть относительный горизонт восприятия, а есть – абсолютный горизонт событий. Первый выступает индивидуальным фоном представлений об актуальном, то есть рамкой возможного, понятного, полезного и наличного. Эдакий «редукционный клапан» реальности, гарантирующий, что здесь и сейчас никакому единичному присутствию не дана вся природа целиком. Второй же является безличным фоном, в котором утопает любая актуальная ситуация, насыщаясь относительно бесполезными связями и расслаиваясь на свободные образы. Именно свободные образы как грезы достигают того незримого, что наполняет каждое мгновение, каждое единичное существование. Они раскрывают заговор с тьмой уже/еще/всегда отсутствующего, в котором находится всякое единичное присутствие. Поскольку избыток мгновения не может стать актуальным предметом, неотчетливое представление достигает глубины непосредственного бытия, а свободная игра образов – эхо и шорохи по краям вещей.

Выходит, что природа в ее непосредственной спонтанной данности действительно похожа на изгородь в дальнем конце сада, но лишь до тех пор, пока наше внимание расположено в центре этого сада. Присмотритесь к изгороди, и она откажется намекать на свободную ассоциацию образов за своими пределами, трансформируясь в угрюмый предмет. В схожем смысле Фридрих Гёльдерлин называл звезды «поэтическими

сверстниками»⁴ – древний фон, на котором свободно сплетаются образы, становясь мифами, поэмами, метафорами и, в конечном счете, опорами самого языка. Будучи помещенными в непосредственный фокус внимания, пытающего их на предмет каких-то фактов, звезды никогда не стали бы «тихими богами небес» при всей неоспоримой ценности извлекаемых данных. Дзэнская изгородь в саду и античные звезды на небе обретают ту самую абсолютную глубину не в качестве предметов представления, а лишь в модусе свободных образов, отрешенно указывающих в незримую даль. Изгородь в дальнем конце сада не просто метафора мгновения, но выражение разрыва, где реальность перестает быть замкнутой на себе чистой позитивностью и открывается. Отсюда следует, что и периферийность или отрешенность присутствия оказывается уже не просто элементом феноменологии восприятия, как могло показаться, но онтологическим эффектом расщелины, через которую мир выходит за пределы самого себя. Мгновение не только место нашего актуального восприятия, но условие реальности любого единичного сущего как случающегося, сталкивающегося с другими и становящегося.

Наглядным примером этой онтологии могут служить эффекты ностальгии и формирования ауры вокруг образов прошлого. Настоящее дано как актуальные предметные связи – мы имеем перед собой конкретную наличную ситуацию, что-то в ней делаем, на чем-то фокусируемся, в достаточной мере понимаем, куда и зачем движемся. Напротив, при созерцании с временной дистанции этих же самых предметов уже в качестве образов прошлого мы выключены из их актуальной ситуации, как и они из нашей. Теперь это не представления, скрывающие абсолютный горизонт, не противопоставленные безличному фону индивидуализированные фигуры, а свободные образы, исполненные онтологического избытка и оттого способные к выражению ауратического измерения. Здесь наблюдается не просто психологический эффект, но структурный момент расслоения бытия в становлении. Прошлое перестает быть хронологической категорией и становится спектральной глубиной, высвобождающей себя в образах. Иначе говоря, в ностальгических, призрачных и романтических атмосферах нас манят не предметы прошлого как таковые, а осязательность той самой глубины, что составляет вневременное всегда – абсолютный горизонт мгновения.

Любопытно, что именно размышления мастера дзэн Догэна о горизонте мгновения⁵, схожие с мыслями Иоанна Дунса Скота

ЕГОР ДОРОЖКИН
ИМАГИНАТИВНЫЙ
РЕАЛИЗМ: АНАРХЕОЛОГИЯ
РАДОСТИ

⁴ Хайдеггер М. *Жительство человека* // Он же. *Исток художественного творения*. М.: Академический проект, 2008. С. 458.

⁵ Догэн. *Луна в капле россы*. Рязань: Узоречье, 2000. С. 95.

об интенсивной бесконечности⁶, пришли на ум Жилью Делёзу⁷, когда тот, подобно Хаксли, решил описать непосредственную и спонтанную самобытность всего существующего в плане имманентности. Не относительный горизонт наблюдаемого наблюдателем, загроможденный автоматизмами, невротами, представлениями и просто актуальными предметами, но абсолютный горизонт событий. Это позволяет еще раз уточнить странное отношение между относительным и абсолютным горизонтом, открывающееся в аналитике мгновения. Относительный горизонт – это конечная ситуация в ее актуальном наличии. Абсолютный горизонт – это сама природа мгновения в ее бесконечности. При этом бесконечность выступает непосредственным содержанием, имманентностью, а не располагается в умопостигаемом пространстве за пределами конечного сущего. Абсолютный горизонт оказывается самой линией актуализации относительности и конечности актуального, а не их потусторонним. Природа в ее бесконечности подобна вечному возвращению, которое все целиком уже здесь и в котором все всегда уже есть. В этом месте можно играть логическими парадоксами времени без становления или становления без времени, но суть в том, что речь идет об интенсивной бесконечности. Не количественная экстенсивная бесконечность, разворачивающаяся хронологически или пространственно, а интенсивность внутренней глубины, сложности и многообразия любого единичного сущего. Сила его существования, всегда чреватая событиями. Проще говоря, это бесконечное в конечном. Абсолютный горизонт не означает «тотальный», «идеальный» или «трансцендентный». На языке классического немецкого идеализма одним из важнейших значений слова «Абсолют» всегда выступало реальнейшее (*realiora*) как единство конечного и бесконечного. Хотя его трактовки сильно различались от философа к философу, для нас важно, что абсолютный горизонт означает природу в ее интенсивной бесконечности, всегда данную здесь и сейчас.

Избытки свободных образов как грезы на периферии внимания не сводятся к феноменологии восприятия, а указывают на онтологический план. Оба среза, восприятие и бытие, имманентно накладываются друг на друга как относительный и абсолютный горизонт мгновения, как его конечность и интенсивная бесконечность. Накладываются до неразличимости, но не совпадают до безразличия. Мгновение, разорванное между своей неуловимостью и предельной реальностью, действует как зона расслоения – нематематическая точка, где конечное

6 См.: Иоанн Дунс Скот. *QUODLIBET. Вопрос V. Есть ли отношение происхождения [в божественном] формально бесконечное?* // *EINAI*. 2012. № 1/2. С. 237–269.

7 Делёз Ж. *Что такое философия?* СПб.: Алетейя, 2018. С. 50.

оказывается способом восприятия бесконечного. Само расслоение горизонтов мгновения на относительный и абсолютный так, что один не отличен от другого, делает мгновение трещиной, расселиной, разрывом реальности, выводящим ее за пределы себя самой и открывающим вечность.

ЕГОР ДОРОЖКИН
ИМАГИНАТИВНЫЙ
РЕАЛИЗМ: АНАРХЕОЛОГИЯ
РАДОСТИ

ВООБРАЖЕНИЕ КАК ИММАНЕНТНЫЕ ГРЕЗЫ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Природа любит прятаться, как учил Гераклит. Простота того, что непосредственно есть, поистине оказывается главной тайной мышления. Она всегда скользит, удваивается и прячется, когда мы желаем поместить ее в фокус наших размышлений. Разум в своем автоматизме склонен теряться среди удвоений простого, принимая отслаивающиеся чешуйки понятий за само реальное, принимая завершённое прошлое мгновения за его настоящее. В основе мира лежит не загадка из символов, но несимволизируемая тайна, расщепление которой и является лабиринтом нашего разума.

В этой парадоксальности отрешенному взгляду сам Абсолют предстает уже не тотальной или трансцендентной сущностью, но былинкой. Тем самым и абсолютный горизонт мгновения, вскрывающий интенсивную бесконечность как силу существования, всегда непосредственно дан в движении кривых линий. Он подобен вывернутым наизнанку неоплатоническим кругам сущего – их центр нигде, но край везде. Возможно, тот самый край (*Gegnet*), из-за которого, по словам Мартина Хайдеггера⁸, приходит мысль и для которого относительный (феноменологический или субъективный) горизонт является лишь предметно-представляющим модусом. Подобно плотному облаку на ясном небе, край которого настолько четкий, что взгляд как бы проникает за него и оказывается уже не перед наличным предметом, а в непосредственной глубине его самобытности. Поэтому в приводившихся образах дзэнской изгороди, античных звезд или артефактов прошлого первостепенную роль играет не даль, а именно свобода образа. Его абстрагирование от нейтрального представления предмета или ситуации в глубь бесконечности и безличности мгновения – становление грезой. Пространственная или временная дистанции способны усиливать некоторые эстетические эффекты, но они являются лишь одним из возможных путей освобождения образа, а вовсе не его содержанием. В целом речь о любом образе, позволяющем «провалиться» в конечную вещь как в интенсивную бесконечность.

8 Хайдеггер М. *Разговор на проселочной дороге*. М.: Высшая школа, 1991. С. 117.

Только возможность провалиться, подобно героине «Алисы в стране чудес», открывает непосредственный смысл мгновения – природу в ее абсолютной имманентности. Если относительный горизонт мгновения оказывается связан с представлением, отделяющим субъект от мира и собирающим его в актуальную картину, то абсолютный – со свободным образом, включающим субъект в безличное становление. Воображение в своей онтологической основе и является ускользанием за относительный горизонт к горизонту абсолютному, движением в бесконечно расслаивающихся образах актуальной действительности. Можно использовать различные формулировки, но суть одна – это всегда открытие бесконечности в конечном. Именно поэтому в общедоступных понятиях воображение определяют как способность видеть несуществующее и отсутствующее. Интенсивная бесконечность природы, избыточность ее становления, является не актуальным предметом, а свойством разрыва предметности. В этом и суть: бесконечность вообще не может быть дана в качестве конечного предмета, но как интенсивная бесконечность она характеризует глубину бытия любой вещи. Конечная вещь является относительным пределом интенсивной бесконечности собственного бытия в становлении. Возможность провалиться в глубину образа не дает нам никакого другого предмета – это не галлюцинация и не телепортация. Мы видим ту же самую актуальную реальность, наши глаза нас не обманывают, но при этом мы видим нечто большее в том же самом, его интенсивность. Линия актуализации удваивается, трещит, расщепляется, освобождая образ, а вместе с ним и нас самих.

Свободные образы оказываются имманентным скольжением конечного к собственной интенсивной бесконечности. Воображением в таком случае можно называть не субъективную способность, но те же самые отрешенные образы как условие реальности движения субъекта сквозь относительный горизонт к горизонту абсолютному. Точнее говоря, условие его производства в этом движении. Не Я вижу бесконечность за горизонтом, но свободные образы выражают ее через трещину или просвет в реальности, где мир выходит за предел самого себя. Именно для того, чтобы отличить указанный онтологический смысл воображения как реального процесса от всех его разнообразных значений и трактовок, нами используется введенный Яковом Голосовкером термин «имагинация». Более понятным он может стать через то, что в европейской философии XX века называли критикой репрезентации и метафизики субъекта, которая в некоторых случаях привела к подозрительности в отношении воображения как такового. Сами основания этой критики актуальны по сей день, но, подобно тому, как

децентрация не убила субъекта, а открыла его в ином смысле, так и здесь следует различать воображение как представление, подчиненное условиям возможности знания, и воображение – как интересующую нас имагинацию, укорененную в имманентном. Материальная действительность, природа – больше всего того, что возможно представить. Воображение в смысле имагинации является процессом проживания и освоения этой избыточности, а не представлением и фантазированием.

Вот Я, мыслящий субъект, наблюдающий нечто и выносящий об этом суждения. Вот объекты, которые я наблюдаю, мыслю и с которыми взаимодействую. Эта оппозиция относительно неплохо работает, когда мы на уровне формальной логики выделяем, что есть субъект, а что есть объект конкретного высказывания. Однако на онтологическом уровне, то есть не в соотношении чистых пропозиций, но в производстве самой их действительности, вещи проявляют дерзость, хюбрис, экспрессию, сопротивляясь сведению себя до статуса нейтральных объектов. В действительности наше представление о нейтральных объектах, данных для нейтрального познания, касается не сущности вещей как таковых, а связано с картиной мира, производной от вполне конкретных специфических типов объективации – социальных отношений, технических устройств и тех вещей, для которых с точки зрения нашей темпоральности характерно постоянство и предсказуемость, например, движение звезд на небе. Классическое кантианское решение этого несоответствия между субъектом и объектом, рациональным и эмпирическим – трансцендентальная субъективность, то есть определенные правила, выступающие условиями возможности любого опыта. Они всеобщим и необходимым образом задают рамки, в которых воображение работает как схематизм рассудка, конструирующего непосредственный единичный предмет нашего представления на основании универсальных категорий. Благодаря данной функции воображения, мы действительно способны мыслить предмет в его отсутствии так, чтобы производить с ним истинностные логические операции.

В противоположность этому имагинацией мы называем совершенно иную область воображения – не представления, а свободные образы. Подобно трансцендентальной субъективности, она тоже занимает место по ту сторону субъект-объектной оппозиции, но в перевернутом смысле. Речь уже не о всеобщих и необходимых суждениях, а об утечках реальности, связанных с ее онтологическим избытком. Имагинация является имманентным движением субъекта сквозь относительный горизонт мгновения к горизонту абсолютному и тем самым выступает модусом воображения, не подчиненным репрезентации. Последняя есть производство представлений, существующих вне

ЕГОР ДОРОЖКИН
ИМАГИНАТИВНЫЙ
РЕАЛИЗМ: АНАРХЕОЛОГИЯ
РАДОСТИ

и над действительностью желающего субъекта и становящихся вещей, в качестве нейтральной возможности указания на соответствующую ей реальность. Фантазии и иллюзии являются побочной продукцией той же самой функции. Обладая аналогичным статусом несуществования в реальности, они при этом не соотносятся с реальностью вещей, а представляют самих себя. Это ложная свобода, так как игра фантазий остается в рамках относительного горизонта субъективных возможностей, производя новое лишь в виде химерического соединения имеющихся представлений о природе и культуре. Напротив, игра воображения в смысле имажинации является не свободой субъекта смешивать представления, но свободой самого образа.

На фундаментальном онтологическом уровне воображение (имагинация) носит эстетический, а не эпистемологический характер. Беспредметную глубину образа, сияние его способности указывать сквозь себя в бесконечность мы и называем красотой. Она ничего не добавляет к вещам и ничего у них не отнимает, выступая чистой имманентностью. Воображение, ускользая за относительный горизонт к горизонту абсолютному, позволяет нам провалиться в глубину единичного, глубину мгновения и первое, что мы встречаем, – красоту. Конечно, красота является почти столь же объемным понятием, как воображение или природа, отношения с которым требуют уточнений. Для нас важно, что красотой именуется не только изящное и гармоничное. Она может быть ужасающей, жуткой, странной, волшебной и так далее в зависимости от того, какие констелляции образов мы рассматриваем и с какими критериями к ним подходим. При этом во всех случаях главное, что ее нельзя понимать как простое соответствие некоему образцу, идеалу, порядку. Через соответствия работают представления и пропозиции. Напротив, красота является разрывом реальности, но не причиняющим ущерба, а обогащающим. Она позволяет избыткам образов течь и увлекать нас за собой. Красота, по определению, является напряжением между конечной актуальной формой и интенсивной бесконечностью ее становления, подразумевая тем самым не гармонию как наличный порядок и соответствие, а невозможную гармонию.

Образ может быть свободным и ускользающим, а может быть предметным представлением, всегда так или иначе существуя в некоторой двусмысленности. Красота же безошибочно маркирует непосредственно онтологический уровень разрыва и утечки реального. Свободный образ неизбежно существует в эстетическом режиме. Поскольку мы выделили имажинацию как имманентность воображения, то красота, или имажинативная эстетика, является самым его основанием – хрупким и абсолютным. Когда воображение, следуя имманентному потоку

отрешенных образов, устремляет взгляд за горизонт, в (не) зримую бесконечность, оно обнаруживает красоту в качестве самой ее материальности. И в этом смысле материалистическая онтология воображения, конечно же, является эстетической онтологией, а имажинативный реализм – эстетическим реализмом. Представление эстетики как онтологии и первой философии имеет давнюю традицию, с различными трансформациями прошедшую через античный и ренессансный неоплатонизм, чтобы затем усилиями романтиков и наследующих им поэтических онтологий достичь современности. Тем не менее мы настаиваем на формулировке «имажинативный реализм», поскольку, во-первых, понятие «имагинация» позволяет избежать редукции воображения к репрезентации, структурно-аналитическому Воображаемому или просто к иллюзиям; и, во-вторых, оно уберегает от сведения вопроса к художественному творчеству и теориям прекрасного в искусстве. Иначе говоря, понятие «имагинация», указывая на имманентность воображения, делает то же самое в отношении обширной и двусмысленной области эстетического.

Здесь мы вплотную подходим к центральному принципу имажинативного реализма – спекулятивному тождеству природы и воображения, или имманентности воображения. Его смыслы поднимались нами слой за слоем на каждом герменевтическом круге через неразличимое наложение восприятия и бытия, относительного и абсолютного, конечного и бесконечного, утечек и избытков, представления и образа, фантазии и грезы, порядка и красоты. Пришло время собрать картину воедино.

Абсолютная свобода: имажинативный реализм и имажинативный бунт

Природа любит играть и прятаться. В этом убеждает тайна простоты, парадоксальная вечность мгновения, непредсказуемость единичного, непрестанное расслоение образов реальности. Отсюда реальнейшее, абсолютное, бесконечное, странным образом оказывается не тотальным, идеальным или трансцендентным, а имманентным, хрупким, былинкой. Трансцендентное имманентно, что не делает данную реальность завершенной, совершенной и полностью актуальной – напротив, реальность бесконечно проваливается в глубь себя самой, во фрактальные коридоры и дифференциальную имманентность. Иначе говоря, реальность не предстает замкнутой на себе позитивностью, она выходит за свои пределы. И не в какое-то наличное потустороннее пространство, но сама становясь Открытым. Имманентность потустороннего, где Абсолют – это скорее неиз-

ЕГОР ДОРОЖКИН
ИМАГИНАТИВНЫЙ
РЕАЛИЗМ: АНАРХЕОЛОГИЯ
РАДОСТИ

бывшая трещина актуального пространства, чем его идеальный фундамент.

Однако, если реальнейшее предстает парадоксами времени без становления или становления без времени, в которых природа играет и прячется, разве не воображение как игра свободных образов достигает этой действительности? Конечно, не фотографически точного представления – ведь о каких предметах и единицах может идти речь в разверстой вечности мгновения? Свободная игра образов, ускользя за горизонт актуального, достигает иного реализма – имажинативного. Надежного лишь в своей аффективной настоятельности, в своем динамизме и онтопоэтизме, в хрупкости самой игры, а вовсе не в ясности и отчетливости представления, которое можно из него извлечь. Иначе говоря, если материальная действительность существует в становлении, воображение необходимо для восприятия ее беспредельной потенцирующей и вероятностной природы. Свободные образы как эстетическая материя воображения оказываются непосредственным выражением самого бытия становления. Материалистическая онтология воображения в этом ключе оказывается онтологией трансформаций, онтологией неустойчивого, но реального становления, в котором субъект не исчезает, а пересобирается из материала своей дезинтеграции. Становление, тем более интенсивное, что его не следует понимать в качестве капиталистического производства и хронологического времени, – оно подразумевает глубину, самодостаточность и бесконечность мгновения, покой высшего напряжения, сингулярность.

Если материальная действительность существует в становлении, воображение необходимо для восприятия ее беспредельной потенцирующей и вероятностной природы. Свободные образы как эстетическая материя воображения оказываются непосредственным выражением самого бытия становления.

Для усиления тезиса скажем, что именно в духе имажинативного реализма ранними романтиками была изобретена волшебная сказка в ее отличии от традиционной народной сказочной формы, хотя и не без связи с ней. Романтическая сказка и есть свободное сплетение образов за горизонтом, что делает ее не уходом от действительности, а напротив, интенсивностью – не иллюзией, а подлинно реальным. Именно это

подразумевал Новалис, говоря, что в сказке царит «природная анархия»⁹ – не произвол человеческого ума, а свобода и тайна самой природы. Имагинативистские исследования сказок и сказочности – отдельная интересная тема, к которой мы обратимся в других текстах. Здесь же достаточно, что указание на сказку пресекает извращение имагинативного реализма в тезис о простом соответствии воображения и действительности, их безразличное совпадение. Сказка в еще меньшей степени, чем красота, может быть каким-то простым соответствием.

Мы последовательно указывали на природу мгновения как имманентную трещину, открывающую существование Иному. Свобода образа предполагает, что разрыв становится гранью прилегания природы и воображения, но не безразличного совпадения. Выражаясь проще, речь не о наивном совпадении мечты и действительности. Имагинативный реализм не подразумевает никакого постмодернистского эзотеризма в духе «трансерфинга реальности» или религиозного фанатизма. Абсолютным и безусловным совпадением конечного и бесконечного оказывается сам разрыв реальности в ее интенсивных избытках. Отсюда невозможно свести полноту действительности или реальнейшее ни к какому-то Объекту, сказав, что все трещины лишь в дефектах субъективности, ни к автономному Субъекту, сказав, что он творит реальность по своей воле, ни даже к трансцендентальной сетке всеобщих категорий, устанавливающей все возможные формы субъект-объектной корреляции. Имагинативный реализм утверждает имманентное присутствие Иного как неизбытность утечек. Вследствие этого свобода субъекта не отрицается, не редуцируется к полю объективного или возможного, но становится экстатической, то есть не принадлежащей ему самому. Данный тезис оттачивался в долгой традиции постметафизического мышления, которая от Фридриха Шеллинга через Мартина Хайдеггера и Жюль Де-Лёза приводит к некоторым современным авторам. В ее центре находится вопрос об имманентно Ином как бесконечности в конечном, необычности обычного. Онтопоэтический вопрос об интенсивных избытках как безвластном реальнейшем, сопротивляющемся власти ясных и отчетливых представлений. Вопрос о той самой свободе, проблематичность которой заострил своей мыслью Фридрих Шеллинг: не свобода от природы, но свобода в природе¹⁰.

Конечно, свободен лишь Абсолют, на что намекает латинское значение этого слова¹¹, а свобода субъекта является необходи-

9 Новалис. *Фрагменты*. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 248, 211.

10 Шеллинг Ф. В. Й. *Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней пред-метях* // Он же. *Сочинения: В 2 т.* М.: Мысль, 1987. Т. 2. С. 86–158.

11 *Absolutus* (лат.) – свободный, независимый, самостоятельный, несвязанный, неограниченный, безусловный.

мостью воссоединения с ним. В общем виде эта мысль имеет древнюю традицию как на Востоке, так и на Западе. Однако мы видели, что абсолютной предстает не тотальность или трансцендентная сущность, но сама утечка реальности, ее неизбывный раскол и становление. В таком случае свобода, понимаемая как единение, уже не является привычным смирением перед трансцендентным Богом или тотальной Природой. Свобода субъекта действительно вне его самого, но не в потустороннем. Она реализуется в той мере, в которой субъект идентифицируется с интенсивной бесконечностью конечного. Конечное не подлежит снятию, отрицанию или возвращению к собственному тождеству через негативность, а открывает подлинно Иное в его невозможности – онтологическую свободу. Ее можно назвать отрешенностью, но никак не смирением. Иначе говоря, речь не идет о ничтожно жалком положении субъекта пред Богом или Природой, требующими покорности как единственного пути к спасению от жалкой участи. В своей негативности подобная модель лишь узаконивает любой актуальный порядок и вместо освобождающего единения с бесконечностью подразумевает смиренное соответствие вполне конечной конъюнктуре. Напротив, идентификация с интенсивным избытком открывает имманентно Иное как бесконечную перспективу свободы.

Открытость конечного и связанная с этим имманентная утечка образов позволяют отрешиться от актуального, не сменяя его на оковы Ничто. Оковы, характерные для ресентимента, нигилизма или инвестиций желания в идеальную жизнь, принуждение к которой исходит как от религиозных культов, так и от капиталистических культур. Это Ничто принимает различные формы: от циничного отрицания до покорного смирения, ибо в сущности они одно – отсутствие свободы и воображения. Напротив, имманентность Иного, отрешение, связанное с утечкой образов, освобождает скорее непозитивную утвердительность игры, чем негативность цинизма и смирения. Экстатическая свобода ускользает за горизонт актуального, открывая интенсивную бесконечность того, что есть в становлении, а не бытии или небытии трансцендентного идеального мира. При этом воображение в смысле имажинации мы и определяли как ту самую утечку образов, выступающую условием реальности движения субъекта сквозь относительный горизонт к горизонту абсолютному, а не как субъективную способность представления. Таким образом, мы действительно свободны воображать, но не владея этой свободой, а напротив, принадлежа ей, производясь ею. Более того, принадлежность свободе оказывается самой утечкой реальности, а не формой соответствия идеальному.

Поэтому наиболее характерным жанром имажинативного реализма можно считать именно сказку в ее свободе и хруп-

кости, в ее анархо-имагинативизме, а не миф с его мощной социально идеализирующей инерцией. Поэтому же главным героем имагинативизма стоит называть «Дон Кихота» Мигеля де Сервантеса. Как и волшебным сказкам, этой фигуре следовало бы посвятить отдельное исследование; здесь же лишь выделим главное. Несмотря на расхожие представления о «дон-кихотстве» как о прекраснодушии или наивно-романтическом культе мечты, оригинальный персонаж Сервантеса гораздо глубже более поздних – упрощающих – прочтений. Текст проходит путь начиная с откровенной сатиры через трагикомедию к какой-то невероятной тайне. Это трагическая история о том, что мечта всегда разобьется о реальность, но что вместе с тем нет ничего более реального, чем сама эта гибель. Поэтому имагинативный реализм подразумевает не притворство или бегство в иллюзии, а игру без фальши, благородство броска костей, невинность и легкость, подобные смеху Моцарта из «Степного волка» Германа Гессе. Игра воображения открывает высшие моменты, в которых трансформации субъекта и мира становятся не разладом, а прозрением вечности. Если бы речь шла об абсолютной вере во «что-то» или о моральном императиве стремиться к таковой, легкость игры природы-воображения была бы невозможна, как не нужен был бы и свободный субъект.

ЕГОР ДОРОЖКИН
ИМАГИНАТИВНЫЙ
РЕАЛИЗМ: АНАРХЕОЛОГИЯ
РАДОСТИ

Имагинативный реализм подразумевает не притворство или бегство в иллюзии, а игру без фальши, невинность и легкость. Игра воображения открывает высшие моменты, в которых трансформации субъекта и мира становятся не разладом, а прозрением вечности.

Без этой абсолютной надтреснутости воображение невозможно: оно извращается либо в отражение действительности, либо в психоз. Разве дети, когда самозабвенно играют в летающих героев и прыгают со стула на стул, выпрыгивают при этом из окон? Такое возможно только как несчастный случай, от которого никто никогда не застрахован, но который точно не является ни игрой, ни воображением. В самой сущности имагинации содержится этот фундаментальный раскол, не препятствующий реальности воображения, а порождающий ее. Раскол трагический, но не в смысле пессимизма, а как заведомое условие невозможности, порождающее саму игру. Подлинная игра воображения тем более реальна, чем более уводит за горизонт возможного, в самое сердце природы, становясь не-

посредственным субъективным отношением к материальной действительности в ее абсолютном содержании. Иначе говоря, в игре воображения открывается вечность, которая не может быть дана в качестве идеального объекта. Именно в этом, например, подлинная сила мифа, а не в «типах», которые можно из них вычленишь и которые действительно за долгие века оставили глубокие следы в коллективном воображаемом. Архетип является не абсолютным содержанием имажинации, а среднестатистической фантазией, что вовсе не отменяет возможности его рассмотрения и даже применения, но помещает в иной регистр воображаемого, не относящийся к имажинативному реализму, а уводящий скорее в область самоуверенного традиционализма.

Если природа любит прятаться, если бытие в своей простоте оказывается тайной, то ее не достичь апелляцией к ясному и отчетливому представлению. И неважно, имеет ли это представление своим предметом материальный объект или выделенный в воображаемом тип. Необходимо конструировать области эстетического затемнения в знании и управляемой спонтанности воображения. Лучше всех это было известно уже упоминавшимся романтикам, а также сюрреалистам в их общей стратегии, направленной на создание темных трещин, разрывов и ущелий в представлениях о действительности, которые могло бы заполнить воображение. Собственно, техника романтического фрагмента и является чистой воды работой с имманентностью свободных образов. Для них было очевидно, что природа не является предметом правильных представлений, выстроенных в ясную и отчетливую картину мира. Она раскрывается лишь тому, кто готов включиться в игру, проникнуться воодушевлением. Природа для романтиков и была этим воодушевлением быть, где образование минералов, органический рост и творческое воображение имеют неразличимый корень. Именно поэтому Новалис писал, что в сказке царит «природная анархия». Фрагмент как свободный образ является одним из главных инструментов достижения подобного реализма: свободная единичность разрывает относительный горизонт слаженности мира, открывая сумрачный абсолютный горизонт имманентности.

И здесь, обозначив реальность воображения как свободу и невозможность, мы подходим к пределу, за которым речь должна идти уже не о принципах имажинативного реализма, а о формах его действительности. О конкретных практиках воображения как материальной силы, что раскрывает альтернативные потенции реальности. Именно это, в конечном счете, и является подлинным реализмом. Имажинативная игра и ее эстетические режимы никогда не бывают нейтральными, они

движутся в гетерогенности интенсивных избытков, выражающих саму силу существования. Воображение в смысле имажинации есть отношение субъекта к свободным образам как имманентному скольжению конечного к собственной интенсивной бесконечности. Условие реальности его движения за горизонт. Это не просто эстетическая онтология, но онтология трансформации субъекта и мира, где тот, «кто хочет душу свою сберечь, потеряет ее» (Мф. 16:25, Мк. 8:35, Лк 9:24); онтология роста, непосредственной спонтанности природы как экзистенциальной свободы. Тем самым воображение связано с возможностью размыкать ситуации, подобно семени, пробивающему шелуху, или змее, сбрасывающей кожу. Когда актуальность превращается в тупик и удушье, именно воображение в рассмотренном имажинативном смысле оказывается настоящей виталистской силой, способной взбунтоваться и прорвать рамки возможного. Отрешиться от актуального и ускользнуть, а не смириться. Например, таковым был романический бунт конца XVIII – начала XIX века против господствовавшей модели Природы или бунт 1960-х против господствовавшей модели Культуры – космологии чуда, направленные на восстановление способности к радости, надежде и будущему. Ведь жизнь есть спонтанное нередуцируемое явление, что само по себе уже чудо, и, чтобы жить эту жизнь, чтобы она была выносимой, необходимы чудеса воображения.

Более подробное рассмотрение имажинативного бунта требует привлечения политического измерения данного вопроса, а также обращения к традиционной проблеме утопии, воображаемых сообществ и прочего. Однако нам здесь достаточно указать, что невозможность создавать будущее является угнетенным, депрессивным, состоянием жизни. Подлинное будущее не хронологическое бегство от настоящего, а его свобода. Это осмыслялось в философии со времен Георга Гегеля и Фридриха Ницше до вполне актуальной критики капиталистического реализма у Марка Фишера. Именно размыкание депрессивного реализма является тем, что Бенедикт Спиноза мыслил в аффекте радости – силой интенсивной бесконечности существования, воодушевлением быть, которое романтизм переосмыслил в новую философию природы. Именно это размыкание горизонта и взгляд в будущее Эрнст Блох называл принципом надежды, равно как и в целом оно играло существенную роль в позитивном содержании критических теорий как таковых¹². Конечно, в утвердительном и трансформационном аспекте имажинативного бунта рассмотренный реализм предельно сближается с витализмом. Однако уточним, что мы

ЕГОР ДОРОЖКИН
ИМАГИНАТИВНЫЙ
РЕАЛИЗМ: АНАРХЕОЛОГИЯ
РАДОСТИ

12 Сюткин А., СЕРЕБРЯКОВ А. *Трещина в Абсолюте. Спор об утопии в критической теории* // Логос. 2024. № 6. С. 67–113.

не вносим сюда никакого представления о специфической «жизненной энергии». Сила существования связана с интенсивной бесконечностью строго в рамках рассмотренной выше онтологии утечек и экстатической свободы. Эта сила оказывается не «животным», а тончайшим планом, где красота жизни становится чем-то большим, чем простой витализм, чем-то выше и разреженнее – тихий свет звезд, одинаково дарующих материю кристаллам и растениям, животным и людям. Точка моцартовского смеха.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. К ИМАГИНАТИВНОЙ АНАРХЕОЛОГИИ

Формат небольшого эссе не позволяет перейти к подробному рассмотрению структуры и истории имажинативных бунтов. Достаточно того, что нам удалось показать имманентность воображения не просто в качестве возможности непосредственного эстетического восприятия природы, но и как силу существования. Таким образом, имажинативный реализм оказывается связан не только с эстетическим реализмом, но и с космологией радости. Далее следовало бы уже не говорить об онтологических принципах, но разрабатывать практики имажинативистского размыкания ситуаций и обнаружения интенсивных избытков. Исследовать структуры расслоения образов реальности и ускользания в бесконечность. В эстетическом измерении это можно было бы назвать движением в глубь новалисовской «природной анархии». Мы предлагаем называть подобную теорию *имажинативной анархеологией*. Однако не будем забегать вперед. В предлагаемом эссе мы лишь попытались осуществить герменевтический скачок в самое сердце имажинативного реализма, раскрывающий некоторые концептуальные положения, но в большей степени задающий поле вопросов и возможных исследований. Можно сказать, что это была попытка наметить пространство надежды. Пространство всеобщей имажинативной борьбы, воодушевляющей верить в победу радости над страхом, где движение за горизонт оказывается не бегством, а бесконечной силой существования.

Имагинативное восстание и его бравый концептуальный персонаж

ДМИТРИЙ
СКОРОДУМОВ

Вопрос о воображении и изобретении нового особенно остро был поставлен в 1960-е. Сегодня наследие этой контркультурной революции часто воспринимается неверно. Консерваторы понимают посыл 1960-х как порочную вседозволенность, приводящую к разложению моральных устоев и деградации человека, другие видят в этом событии истоки политики мультикультурализма, социального прогрессизма и феминизма. На наш взгляд, глубинная идея 1960-х заключалась в ином – в освобождении воображения, в панизобретательстве, в ощущении возможности построения иной реальности, которая, как пишут участники тех событий, казалось уже вот-вот настанет. Элен Виллис, американская журналистка и музыкальный критик того времени, в своей книге «Начиная видеть свет» пишет, что это было время колоссальной свободы и радости, время неунывающего оптимизма, который она пронесла через всю свою жизнь. Именно оптимизм и надежда на радикально новое – а вовсе не мультикультурализм и политика идентичности, предполагающие уже готовый набор культур и идентичностей, – соответственно, были главным стержнем 1960-х.

«Чего я хотела [...] так это того, чтобы люди могли получить свободу переизобретать [*reinvent*] себя, а не просто принимать как данность то, что они унаследовали»¹.

Многим надеждам 1960-х в результате столкновения с реальностью последующих десятилетий суждено было потускнеть и исчезнуть. Однако вопрос, поставленный имагинативным восстанием 1960-х (а возможно, даже еще раньше – романтизмом XIX века), остается не решенным и поныне. Это вопрос соотношения воображения и реальности. Ниже мы попробуем разобрать его в контексте поиска концептуального персонажа имагинативизма.

Дмитрий Анатольевич Скородумов (р. 1989) – философ, сотрудник кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета.

¹ WILLIS E. *Beginning to See the Light. Sex, Hope and Rock-and-Roll*. Minneapolis: University of Minneapolis Press, 2021. P. 32.

ИМАГИНАТИВНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ИДЕАЛИЗМ, РЕАЛИЗМ, МАТЕРИАЛИЗМ

Имагинативный реализм – концепт, который вводит в философию Яков Голосовкер, пытаясь «понять Древний мир в его противоречивой сложности и цельности и выяснить специфику мышления древних греков»². С помощью этого концепта он хочет подчеркнуть постоянство (бессмертие) культуры: именно культура, порожденная «разумом воображения», является подлинной реальностью, открывающей дорогу в вечность. Голосовкер приводит пример с дриадой, «дожившей» в мифологии до сегодняшнего дня, в отличие от обычных, подверженных тлению деревьев. Мы же попробуем переизобрести имагинативный реализм, сделать его более реалистичным, отделив от платонической версии самого Голосовкера (имагинативного идеализма).

Кто из философов близок по духу имагинативному реализму? Говоря об античности, имагинативным философом следует скорее назвать Аристотеля, который уделял большое внимание существованию единичных вещей, а не Платона, стремящегося описать мир с помощью вечных и неизменных математических сущностей и известного своим подозрительным отношением к поэтам и к воображению вообще. Сюда же можно отнести христианских мистиков с их индивидуальным духовным поиском, открывающим новое видение бога; Джордано Бруно с его магическими мнемотехниками; немецких и английских романтиков с их страстью поиска сказочной стороны повседневности; Жюль Делёза с его идеей виртуального, охватывающего постоянно обновляемыми концентрическими кругами всякое актуальное и воздействующего на последнее.

Если вернуться к Голосовкеру, то стоит отметить, что он попытался представить воображение не как низшую познавательную способность, приводящую скорее к гносеологическим ошибкам, а как высший инстинкт человеческой природы. Голосовкер указывает на то, что способность воображения и мир с ней связанных культуримагинаций (неологизм Голосовкера для обозначения культурных ценностей, вечных смыслообразов) относятся не к отдельной онтологической области духовного, но являются своего рода продолжением жизни человеческого тела. Тело человека в жажде жизни через посредство воображения как бы расширяет себя в область идеального и обретает культурное бессмертие.

«Первоначально, в своем генезисе, имагинативный абсолют как жизненный побуд, как устремление жизни вечно быть, как порыв к бес-

2 Голосовкер Я.Э. // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1978. Т. 9. С. 235.

смертию есть естественный инстинкт, данный человеку от природы, подобно низшим инстинктам: вегетативному и сексуальному»³.

ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ
ИМАГИНАТИВНОЕ
ВОССТАНИЕ И ЕГО БРАВЫЙ
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ
ПЕРСОНАЖ

Имагинативный побуд – телесное влечение к художественному творчеству, соединяющее идеальное и материальное вместе. Однако, связывая культуру с природой, Голосовкер остается слишком идеалистичным, слишком платоническим философом. Имагинативный инстинкт является у него жадной бессмертия, желанием увековечиться, вознестись на платоновское «небо идей», куда художник может попасть, если ему удастся создать мощную новую культуримагинацию. Не всякое творчество достойно стать бессмертным шедевром, но только созданное разумом воображения, которому Голосовкер противопоставляет «слепую»⁴ и бессмысленную фантазию, наобум перебирающую и комбинирующую уже известное. Хотя Голосовкер и пытается соединить тело и дух, однако дух у него преобладает. Желание бессмертия привязывает субъекта к потустороннему миру. Воображение подчиняется здесь самоценному культурному творчеству и отходит от жизненного процесса. Погоня за культурным бессмертием лишает значимости текущий момент в угоду вечности, отделяет одно от другого. Имагинативный реализм же требует идти дальше по пути связывания и соединения природы и воображения. Можно продумать имагинативный побуд не как стремление к бессмертию, а как движение «к концам (целям) без учреждений (утопии), составляющим пару началам без повелений (стихиям)»⁵, как имагинативное восстание.

Понятие имагинативного восстания прежде всего стремится ликвидировать всякую раздвоенность и всякую корысть, способную таиться в движении по пути воображения. Восстание – это восстание спящего или мертвого, который поднимается (восстает) из могилы, так как не может больше в ней «спать» и томиться. Имагинативное восстание – это восстание смятой травы, вновь расправляющейся утром и тянущейся к солнцу. Это восстание происходит не исходя из какой-то внешней цели, а от переполненности внутренними силами, которые движутся вперед, наслаждаясь самим движением, и не желают получить что-то еще сверх этого. Имагинативный реалист, вслед за Фридрихом Ницше, не ищет бессмертия в форме увековечивания себя на великом «небе идей» – он видит в этом «небе» лишь кладбище, пусть и великое, но он не хочет там лежать. Восстание отличается от революции тем, что не хочет на месте сброшенного порядка утвердить собственный. Как пишет об Э.Э. Евгений Кучинов, противопоставляя марк-

3 Голосовкер Я.Э. *Имагинативный абсолют*. М.: Академический проект, 2012. С. 45–46.

4 Там же. С. 61.

5 Кучинов Е.В. *Маркс/Штирнер: анархеология стихий упряднения* // Stasis. 2019. № 2. С. 32.

систскую логику революции штирнеровской логике восстания, последнее «не только не учреждает новые институты, но и вообще “не считается с учреждениями”; разрушая строй, восстание не столько учреждает, сколько разучреждает»⁶.

Если революция направлена не против господина вообще, а всегда против какого-то конкретного господина, которого она стремится заменить на другого, то восстание желает покончить с самим местом власти. Но, хотя восстание и расправляется с начальством, оно все же имеет свои *начала* – тихие, скрытые, незамечаемые силы, которые в ходе восстания пробуждаются и приходят в неостановимое стихийное движение. Имагинативное восстание наивно и легко – это восстание птицы или цветка, не ищущих какой-то иной выгоды от своего действия, не планирующих захватывать власть или стяжать награду на небе. Вот, что Макс Штирнер пишет об этом:

«Цветок не следует призванию усовершенствовать себя, а между тем он употребляет все свои силы, чтобы как можно больше насладиться миром и использовать его, то есть он впитывает в себя столько соков из земли, столько лучей солнца, столько воздуха из эфира, сколько может получить и вместить в себя. Птица не живет согласно какому-нибудь призванию, но она пользуется, насколько может, своими силами: она ловит жуков и поет, сколько ей хочется»⁷.

Если Яков Голосовкер предлагает идеалистическую версию имагинативной философии, то Евгений Кучинов ближе к имагинативному *материализму*: он поворачивается к стихиям, «нечеловечной массе», «толпам нелюдей», птицам, скалам, деревьям. Имагинативный реализм в этой конфигурации ищет срединный путь: 1) он сберегает повседневный мир человеческого быта и от вторжения с небес (со стороны бессмертных идей, штирнеровских призраков), и от падения вглубь своей нечеловеческой стихийной основы; 2) при этом имагинативный реализм размыкает повседневный мир навстречу его избытку, навстречу птицам, скалам, деревьям, ветряным мельницам и полетам на луну на пушечном ядре, которые могут в нем случиться, делая его местом постоянного приключения и *вообращения* (см. ниже); 3) вместе с тем имагинативный реализм не замыкается в области беспочвенных фантазий, он не ограничивается непосредственной активностью или «народной политикой»⁸, но учитывает сложность мира во всей его тотальности.

6 Там же. С. 21.

7 ШТИРНЕР М. *Единственный и его собственность*. Харьков: Основа, 1994. С. 314.

8 СРНИЧЕК Н., УИЛЬЯМС А. *Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда*. М.: Strelka Press, 2019. С. 20.

Туристическим путешествием в современном мире является, как правило, перемещение в пространстве при помощи технических средств (поездов и самолетов) для получения новых впечатлений от мест, где человек еще не был. Но сокращение расстояния с манящими далекими землями еще не гарантирует встречу с иным. Как об этом пишет Мартин Хайдеггер, «малое отстояние – еще не близость»⁹. Напротив, иногда можно и не отправляться в путешествие, чтобы встретиться с чем-то необычным. Вторжение иного в нашу повседневность может произойти где угодно: на даче, во сне, во время прогулки по городу. В любой момент можно заметить какой-то избыток реальности и ответить ему. След чего-то необычного может неожиданно увлечь человека в совершенно иной *слой* мира. Этот слой географически может быть здесь же, в том же самом привычном ареале, но он предложит новые смыслы и предоставит новые возможности действовать, увеличивая степень свободы индивида.

ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ
ИМАГИНАТИВНОЕ
ВОССТАНИЕ И ЕГО БРАВЫЙ
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ
ПЕРСОНАЖ

Имагинативное восстание – это восстание смятой травы, вновь расправляющейся утром и тянущейся к солнцу. Это восстание происходит не исходя из какой-то внешней цели, а от переполненности внутренними силами, которые движутся вперед, наслаждаясь самим движением, и не желают получить что-то еще сверх этого.

На подобное явление обращает внимание Якоб фон Икскуль, когда пишет о том, что разные виды по-разному размечают свою территорию, живут в собственных мирах (*Umwelt*)¹⁰. К примеру, предметы, находящиеся в комнате, для мухи и для кошки имеют совершенно разное значение, они группируются в разные множества в зависимости от того, как они могут быть задействованы в конкретных жизненных мирах. Если мы обнаруживаем след иного в нашем мире, то он может стать воротами в новый (кажущийся странным и сказочным) слой реальности, в координатах которого проблемы, выглядевшие до этого неразрешимыми, могут получить решение. Подобное путешествие в иные миры – это *воображение*. Оно совершается не путем преодоления физического пространства, но путем обретения нового взгляда на вещи. При этом новое видение не субъективная фантазия – оно должно опираться

⁹ Хайдеггер М. *Вещь // Он же. Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С. 316.

¹⁰ Икскуль Я. *Путешествие в окружающие миры животных и людей*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. С. 37.

на что-то реальное в мире, пусть и не очень заметное. Восбращение – это движение в «среднем» мире объектов, но объектов разомкнутых, оказывающихся при этом уже немного надорванными сверху и подорванными изнутри¹¹, а значит – готовыми к трансформации и изменению, творческому преобразованию.

Имагинативное восстание реалистично. Оно не требует платонического бессмертия и духовности, но оно и не хочет погрузиться в вещь-в-себе, утонуть в темном стихийном бурлении, где нет никакого субъекта. Имагинативное восстание осуществляется на поверхности мира, в месте встречи субъекта и объекта, в том месте, где рождается сам мир (если миром мы называем жизненный мир человека, разворачивающийся перед ним в многообразии своих операционных возможностей). Имагинативное восстание – это и есть в каком-то смысле учреждение мира, или его переучреждение, показывающее что-то принципиально новое, смещающее и делающее подвижной границу привычного.

БРАВЫЙ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПЕРСОНАЖ

Концептуальный персонаж – это не эстетическая фигура литературы, за которой интересно наблюдать в силу хорошо прописанного характера и увлекательного сюжета. Равным образом концептуальный персонаж – это и не психосоциальный тип (будь то капиталист или пролетарий). Эстетическая фигура воздействует на наш чувственный интерес (работает с аффектами и перцептами), а концептуальный персонаж связан с мышлением, он является тем, кто мыслит в текстах философа. В первую очередь именно самого философа (того, кто пишет) и можно назвать концептуальным персонажем. Николай Кузанский, например, писал многие свои тексты от лица простеца, не желая ссылаться на «книги мудрецов», затрудняя мышление своим авторитетом. Простец хочет мыслить исходя из находящихся повсюду и доступных любому человеку «книг бога» (естественной очевидности)¹². А Сёрен Кьеркегор пишет с позиции мыслителя, наделенного плотью и кровью, житейскими проблемами и невзгодами, противопоставленного абстрактному мыслителю Гегеля¹³.

Жиль Делёз в книге «Что такое философия?» сетует на то, что иногда философия преподается как бессмысленный и бес-

11 ХАРМАН Г. *Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера*. Пермь: Гиле Пресс, 2015. С. 18.

12 НИКОЛАЙ КУЗАНСКИЙ. *Простец о мудрости* // Он же. *Сочинения*. М.: Мысль, 1980. Т. 1. С. 361.

13 КЬЕРКЕГОР С. *Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам»*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. С. 88.

конечный список, «где рассматриваются различные решения (скажем, субстанция по Аристотелю, Декарту, Лейбницу...), но так и не выясняется, в чем сама проблема»¹⁴. Концептуальный персонаж нужен, чтобы обозначить событие мысли – оживить текст, – сделать решения абстрактного вопроса о субстанции столь же захватывающим и интересным, каким был, к примеру, вопрос о вечном возвращении для Фридриха Ницше. Рюдигер Сафрански, исследуя этот момент, удивлялся:

«В заметках Ницше речь идет не только о его восторге, но и об ужасе и страхе, вызванных таким познанием, и о том, насколько трудно его “усвоить”. Впоследствии в способности к усвоению этого познания он будет видеть прямо-таки примету “сверхчеловека”. Но касательно этого ужаса можно поставить тот же вопрос, что и касательно восторга: как может это едва ли не арифметическое учение вызвать такие сильные переживания?»¹⁵

Это можно понять, если разделить с Фридрихом Ницше событие мысли, если самому стать его концептуальным персонажем – Дионисом или Заратустрой.

Здесь возникает вопрос: каким именем должен подписываться имажинативный философ? Это должно быть имя того, кто готов к встрече с избытком реальности, кто готов относиться к миру не как к заранее заданной и застывшей форме, но как к тому, что можно изменить. Однако изменение мира осуществляется в имажинативном случае не с помощью простой возможности выбрать какую-то опцию из предложенных вариантов, но в большей мере с помощью видения, обнаруживающего новые возможности в мире. Концептуальный персонаж имажинативной философии – это «воображала», противостоящей «решале». Когда второй ограничен заданной ситуацией, представляющей из себя устоявшийся социальный конструкт, для первого ситуация подобна калейдоскопу, который можно повернуть другим боком, чтобы картинка сложилась иначе, или ковро с узорами, где каждый раз взгляд способен увидеть что-то новое. Это не значит, что имажинативный персонаж ничего не решает: нет, он не Манилов, пребывающий в абстракции и не делающий ничего созидательного. Он и не «вульгарный» постмодернист, для которого в силу страха перед проведением различий все – одно и то же.

В качестве такого персонажа предлагается рассмотреть бравого солдата Йозефа Швейка, а чтобы четче и контрастнее представить образ, созданный Ярославом Гашеком, поговорим сначала о «темном двойнике» Швейка – о Йозефе К.

ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ
ИМАГИНАТИВНОЕ
ВОССТАНИЕ И ЕГО БРАВЫЙ
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ
ПЕРСОНАЖ

¹⁴ Делёз Ж., Гваттари Ф. *Что такое философия?* СПб.: Алетейя, 2018. С. 105.

¹⁵ Сафрански Р. *Ницше: биография его мысли*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 280.

ЙОЗЕФ К. И НЕВРОТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ ЗАКОНА

Ярослава Гашека и Франца Кафку сближают не только годы жизни (оба родились в 1883-м в Праге, а умерли, соответственно, в 1923-м и 1924-м), но и то, что оба пытались осмыслить абсурдную австро-венгерскую бюрократию средствами литературы. Славой Жижек пишет, что Кафка в своих мрачных абсурдистских историях пытается изобразить бога, являющегося в виде безумной социально-государственной машины: «Что может быть более “божественным”, чем травматическое столкновение с бюрократией во всем ее безумии – когда, например, бюрократ заявляет, что с точки зрения закона мы не существуем?»¹⁶. Властные институты, сплетающиеся в единое тело земного бога, изображаются им «непристойно», как бог, сошедший с ума. Бюрократическая машина всевластна и всемогуща: все в мире Кафки подчиняется ее воле, ее указаниям и постановлениям; но проникнуть в логику ее работы не представляется возможным. Замыслы бюрократии остаются непознаваемы для обычных людей – маленьких винтиков циклопического механизма.

Столкновение с государственной бюрократией напоминает встречу Иова с богом. Иов недоумевает, почему и за что бог так несправедливо наказывает его множеством незаслуженных бед и невзгод. Иов в отчаянии вызывает к немym небесам, и вдруг бог отвечает ему, но делает это в необычной манере: он начинает долго рассказывать о своем могуществе и о непреодолимом разрыве между ним и человеком, разрыве, делающем невозможным всякое познание и истолкование божьих замыслов. Как замечает Славой Жижек, все это очень похоже на ответ отца, застигнутого врасплох наивным, но непростым вопросом маленького сына: как отвечать – непонятно, но и промолчать тоже нельзя, чтобы не подорвать свой авторитет. Остается напустить на себя грозный вид и ответить что-то загадочное, скрывая тем самым свое незнание. Нечто похожее делает и бог. Он и сам не знает точно, зачем он заставил страдать своего верного Иова. Выглядит так, словно бы бог это сделал из-за пари с сатаной. Но признаться в этом было бы довольно неловко, поэтому остается грозно вещать из тучи с молниями и указывать на божественную непознаваемость, за которой скрывается отсутствие рациональных оснований божественной воли – не сверхразумность, а иррациональность.

Кафка раскрывает этот ветхозаветный секрет «безумия» бога. Он создает образ абсурдной и ужасающей бюрократической машины, в логику которой не может проникнуть ни один

16 Жижек С. *Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом*. М.: Европа, 2009. С. 212.

смертный. Этой машине можно только подчиняться и в страхе гадать, чего же она от тебя хочет и чем обернется следующий шаг ее иррационального функционирования. Кафка зачарован движением этой бюрократической машины, непознаваемой и необходимой. Делёз пишет, что кафкианская «бюрократия – это желание»¹⁷, зафиксированное в конкретной форме (австро-венгерской, русской, советской). Кафка не видит ясного выхода из бюрократического процесса, который в своем роде статичен, замкнут в конкретной форме, не имеющей развития и разрешения. Единственной линией ускользания здесь, как указывает Делёз, является музыка, «интенсивный звук»:

«Что интересует Кафку, так это чистая звуковая интенсивная материя всегда в связи с ее собственной отменой – детерриторизированный музыкальный звук, крик, избегающий значения [*signification*], композиции, пения, речи – звучание на разрыв, дабы вырваться из цепи, все еще слишком означающей»¹⁸.

Франц Кафка не может внятно говорить, так как «явление» божественной бюрократии лишает его дара речи, остается только кричать от открывшейся ужасающей истины в надежде сбросить с себя гипнотическое оцепенение. Пение, крик, звучание, избегающие значения, разрывают порядок бюрократического процесса, разомкнуть который иными рациональными методами невозможно. В кафкианской вселенной общаться иначе с этим безумным институтом закона, как и с ветхозаветным богом, не получается. Но не таков бравый солдат Швейк: он не лезет в карман за словом и не боится вступить в общение со всякими, даже с самыми высокими начальниками.

КОМИЧЕСКАЯ МИСТИФИКАЦИЯ ЙОЗЕФА ШВЕЙКА

Ярослав Гашек был большим фантазером и мистификатором. Его художественное творчество вообще и образ Швейк в частности – естественное продолжение характера автора. В 1909 году, работая редактором непримечательного журнала о живой природе «Мир животных», Гашек демонстрирует одно из самых оригинальных качеств своей поэтики – комическую мистификацию. Он сочинял различные небылицы касательно жизни животных, перемежая их с достоверными фактами, из-за чего граница между правдивым и вымышленным стиралась. Сергей Никольский перечисляет множество примеров дезинформации, которую Гашек аккурратно и дозированно подсовывает своим

17 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Кафка: за малую литературу*. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. С. 73.

18 Там же. С. 8.

читателям на страницах журнала. Например, он писал о том, что игольчатую шкуру ежей в Древнем Риме использовали в качестве сукновальных щеток; что бегемоты любят ласку и становятся кроткими, когда туземцы дуют им в ноздри; что сам редактор «Мира животных» Гашек вместо утренней гимнастики ежедневно проводит сеанс борьбы с тигром¹⁹. Интересно, что «Мир животных» не стал юмористическим журналом: все подзрительные заметки публиковались в серьезном контексте, сопровождаясь фотографиями, (поддельными) заявлениями ученых и путешественников, ссылками на (часто вымышленные) журналы и книги. Было непонятно, верить или нет всей этой информации – ошибиться можно было в отношении как правды, так и вымысла.

С течением времени прием комической мистификации используется Гашеком все чаще и доходит до своей совершенной формы в «Похождениях бравого солдата Швейка». Здесь читатель вовлекается в сложный процесс «смеховой игры», в которой становится неясным не только то, основано ли происходящее на реальных событиях или представляет собой чистый вымысел, но также и то, является ли сам Швейк наивным простаком или же хитрым притворщиком. «В самом деле, слабоумен Швейк, как однажды определила медицинская комиссия, или прикидывается таким?»²⁰

Хотя на первый взгляд Швейк кажется целостной фигурой, на деле его образ претерпел значительную эволюцию прежде, чем стал таким, каким мы его видим в романе. Первоначально Швейк появляется в рассказах 1911 года. В них бравый солдат – это наивный идиот, который проявляет нездоровое рвение «служить государю-императору до последнего вздоха». Он попадает в неприятные для своего начальства казусы из-за непомерного желания служить, но начальники никак не могут от него избавиться. Вторая стадия – это повесть «Бравый солдат Швейк в плену». В ней главный герой уже избавлен от гротескных сказочно-гиперболических черт вроде необыкновенной, доходящей до абсурда удачливости. Однако образ бравого солдата остается тут нераскрытым: например, отсутствуют многочисленные отвлеченные истории Швейка, больший акцент делается на критике австро-венгерского общества. В романе же «Похождения бравого солдата Швейка» активность речи главного героя достигает своего пика. Это приводит к странному эффекту «размывания» художественного текста: Швейк становится как бы соавтором Гашека, придумывая для нас многочисленные курьезные истории и забавные случаи. Если по-

19 Никольский С. В. *История образа Швейка. Новое о Ярославле Гашеке и его герое*. М.: Индрик, 1997. С. 57–58.

20 Там же. С. 64.

весть – это памфлет, критикующий Австро-Венгерскую империю, то роман – комическая мистификация, снимающая четкое различие между правдой и вымыслом.

Роман про Швейка – это не обычный роман: на его страницах идет особая игра. Читатель вынужден постоянно гадать, но не может до конца понять, «где кончается наивность героя и начинается притворство, где усердие (и есть ли оно), а где плутовство и глумление под видом усердия»²¹. Вот некоторые примеры этой двусмысленной игры. Швейк услужливо добывает пса для своего начальника, но оказывается, что пес украден у начальника вышестоящего. Это простоватость или желание поставить под удар своего руководителя?²² Швейк надевает военную форму русского солдата, который решил искупаться в озере, и в результате попадает в австрийский плен. Что это – глупость или хитрый способ уклониться от фронта?²³

Третий и окончательный образ Швейка интересен еще и тем, что сама реальность помогает ему в его приключениях. Он уже не движим бесконечной удачей (авторским произволом), что было характерно для Швейка в рассказах, когда он выживал, буквально стоя под открытым огнем. Подобная удача нереалистична – это фантазия автора, особое благоволения художника к своему персонажу. Швейк же из романа более реален: он делает куда менее значительные вещи, доступные каждому, обладающему толикой храбрости. Бравый солдат лишен страха и открыт происходящим с ним событиям. Он не боится высказываться и готов встретиться с теми последствиями, к которым ведут неожиданные повороты его речи и ситуативного мышления. Сама реальность, окружающая солдата, тесно переплетается с речью. Если эта речь приводит к необходимости дернуть стоп-кран поезда, то Швейк так и делает, останавливая поезд, идущий на фронт. При этом Гашек так составляет свой текст, что остается до конца неясным, стоп-кран дернул Швейк или кто-то другой, поддавшись разворачиваемой гипнотической речи. «В тексте хорошо видно, как автор не договаривает и уклоняется от прямого упоминания о том, кто действительно нажал рукоятку тормоза»²⁴. Более того, сам Швейк удивляется, почему это поезд вдруг остановился, почему на него пытаются свалить вину за остановку, хотя он, конечно, этого совершенно не хотел бы делать, ведь в условиях войны замедлять поезд немислимо – надо ведь торопиться на фронт.

ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ
ИМАГИНАТИВНОЕ
ВОССТАНИЕ И ЕГО БРАВЫЙ
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ
ПЕРСОНАЖ

21 Там же.

22 Гашек Я. *Похождения бравого солдата Швейка*. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 200.

23 Там же. С. 636.

24 Никольский С.В. *Указ. соч.* С. 66.

«– Я сам удивляюсь, – добродушно говорил он подоспевшему кондуктору, – почему это поезд вдруг остановился. Ехал, ехал, и вдруг на тебе – стоп! Мне это еще неприятнее, чем вам»²⁵.

Своими действиями Швейк постоянно обнаруживает скрытый потенциал ситуации. Там, где никакая свобода невозможна, где некуда двигаться, он всегда находит пространство для маневрирования. Его воображение подсказывает, как можно чуть отклонить ситуацию в иную сторону, раскрывая неожиданные возможности, присутствовавшие здесь всегда, но остававшиеся никем не замеченными. Это позволяет Швейку выпутываться из любой ситуации, даже самой безнадежной. Швейк не втискивает мир в тесную форму «кантовских» категорий, заранее изготовленных человеческой культурой. Он взирает на стихийное многообразие мира, на действующие в нем силы, игра которых может привести к чему угодно, даже к чему-то очень неожиданному.

{ Своими действиями Швейк постоянно обнаруживает скрытый потенциал ситуации. Там, где никакая свобода невозможна, где некуда двигаться, он всегда находит пространство для маневрирования.

Море возможностей – детерриторизированное пространство – страшное место, так как в нем легко умереть или измениться до неузнаваемости. Это похоже на прогулку шизофреника, описанную в «Анти-Эдипе». Шизофреник скользит своим сознанием по встречаемым в мире вещам, соединяется с камнями, металлами, водой и растениями, чувствуя себя частью их, осознавая себя то одним существом то другим, не цепляясь за свою идентичность, обычно оберегаемую в страхе²⁶. Шизофрения здесь, конечно, метафора – речь идет не о клинической ситуации, когда человек скорее останавливает свое движение, замирает в кататонии, оказывается неспособным к социальной активности, а о готовности к переменам, об открытости к виртуальному. Швейк указывает на избыток реальности: в какой бы безнадежной ситуации вы ни были – всегда есть какой-то нюанс, позволяющий увидеть все в ином свете. Сама безвыходность – это некий образ реальности, но реальность им не исчерпывается. Реальное всегда больше, чем образ. Соответственно, совершив определенную работу воображения, образ данной реальности можно изменить и увидеть выход, пусть и кажущийся странным или страшным.

²⁵ Гашек Я. *Указ. соч.* С. 222.

²⁶ Делёз Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 14.

И Кафка, и Гашек пишут о габсбургской бюрократии – в этом их сходство. Теперь становится ясным и отличие: там, где для Кафки божественная бюрократия оказывается непреодолимой силой, с которой решительно ничего нельзя поделать – только умереть, для Гашека раскрывается поле экспериментов и озорства, мистификаций и игры, непрекращающегося воображения, которым можно жить и которому можно радоваться. Йозеф К. пытается сопротивляться бюрократии, оскорблять чиновников, обвинять их в коррупции, нанимать адвокатов – он относится к бюрократическим процессам слишком серьезно, но также и слишком пассивно: иногда забывает о делопроизводстве, считает происходящее с ним незначительным. Йозеф Швейк же никогда не относится к бюрократии легкомысленно: он всегда почтителен к ней, внимательно и уважительно слушает, что ему говорят, но тут же все переиначивает по-своему, используя недосказанности, двусмысленности и ошибки в бюрократической речи в свою пользу. Он поступает, как джинн, исполняющий желание, но только совершенно не так, как того хотел загадавший его человек.

Йозефа К. можно сравнить с невротиком, понимающим, что что-то идет не так, что речь людей не всегда соответствует тому, чего они на самом деле хотят, что в мире постоянно идет тайная игра: ее надо разгадать, и под нее надо подстроиться. При встрече с божественной машиной бюрократии Йозеф К. терпит неудачу, заканчивающуюся смертью, так как эта машина безумна и иррациональна, ее желание невозможно разгадать, с ней можно только начать вести свою игру, опираясь на избыток, присутствующий в реальности. Именно это делает Йозеф Швейк, принимающий все происходящее за чистую монету, но при этом именно эта доверчивость позволяет найти ему несостыковки и противоречия в работе социального механизма, открывающие для него неучтенные возможности. Эти возможности становятся как бы форточками, которые впускают в духоту кафкианской абсурдной реальности радость жизни и движения. Важно, что эти возможности должны всегда как-то укореняться в реальности, иначе они будут не возможностями, а пустыми беспочвенными фантазиями. Подобные фантазии могут быть яркими и захватывающими, но, будучи не связанными с реальностью, они просто не будут работать.

Если же наше субъективное видение вдруг начинает соответствовать объективной действительности, то это можно назвать имажинативным событием. «А совпадение случайно протекающей эмпирической истории личности с ее идеальным заданием и есть чудо»²⁷. Оно становится возможным в момент

ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ
ИМАГИНАТИВНОЕ
ВОССТАНИЕ И ЕГО БРАВЫЙ
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ
ПЕРСОНАЖ

27 Лосев А. Ф. *Диалектика мифа*. М.: Мысль, 2001. С. 190.

воображествия, когда происходит смещение видения с привычной установки куда-то в сторону, в бесконечное виртуальное многообразие, которое каждый раз показывает себя каким-то иным образом в зависимости от множества мелких нюансов и деталей.

БЫТИЕ В НЮАНСАХ: ВООБРАЖЕНИЯ И ФАНТАЗИЯ

Рассмотрим онтологическое обоснование воображествия.

В начале статьи говорилось, что Аристотель ближе к имажинативной философии, чем Платон, а проявляется это в том, что Аристотель придает большее значение индивидуальным вещам, первым сущностям, в то время как для Платона более важными являются идеи. Для Аристотеля истинно сущее – это единичные вещи, при этом взятые в их бытии, в их работе, в их реализации или энергии. «Платон представляет бытие как *ιδέα* и *κοινωνία* идей, Аристотель – как *ἐνέργεια*»²⁸. С определением энергии возникает сложность, так как энергичность вещи касается ее бытия, которое крайне затруднительно схватить словом, ведь, будучи схваченным, бытие перестает быть бытием – оно становится сущим. Бытие и сущее в данном рассуждении разводятся, согласно онтологическому различию Мартина Хайдеггера. Сущее – это все то, что существует. Бытие же не есть вообще. Бытие не существует, ведь если бы оно существовало, то было бы сущим. Но бытие все же как-то дано для понимания. Его можно понять поэтически, так как поэзия более бережно относится к вещам: она не старается их жестко ограничить понятием, а пытается дать им возможность проявиться с помощью художественного иносказания, с помощью различных поэтических приемов. Если говорить приближенно, можно сказать, что бытие вещи – это ее присутствие, пребывание во времени, ее осуществление. Именно поэтому Хайдеггер связывает бытие и время. Довольно близким к выражению смысла бытия является понятие энергии, так как оно подчеркивает процессуальный, длящийся характер вещи.

Аристотель стремится увязать бытие вещи с ее неперменным стремлением к какой-то цели, что выражается в другом его понятии, синонимичным энергии, – энтелехии. Бытие или энергия вещи стремятся выразить процессуальность, которую тяжело схватить словом, ведь всякое схватывание – это всегда уже субстантивация – остановка дления и прекращение процесса. Но именно в этом длении вещей и заключается бесконечное многообразие того, чем эта вещь может обернуться.

28 Хайдеггер М. *Время и бытие* // Он же. *Время и бытие...* С. 396.

Можно спросить, *что* есть вещь, – но тогда мы будем говорить о сущем; а можно спросить, *как* эта вещь есть, – и тогда мы будем приближаться к ее бытию. Это «как» вещи выражается через тонкие наблюдения, через нюансы, которые можно заметить в вещи при определенном усилии. В феноменологии это усилие называет *ἐποχή* – остановка мира, воздержание от суждений, «подвешивание» обыденного видения (естественной установки), чтобы дать возможность вещам явить себя в своей странности. Именно об этих странностях и нюансах идет речь в имажинативной философии.

Вещи постоянно обновляют себя во времени. Можно привести аналогию с компьютерной игрой. Игра работает в цикле: компьютер несколько десятков раз в секунду просчитывает и отображает все объекты на экране, каждый раз их обновляя. Так же происходит и с вещами. Каждый раз, когда мы на них смотрим, они меняются. Мир становится другим, не тем, к которому мы привыкли. Мы можем обращать внимание на эту новизну мира, а можем ее не замечать. Не замечаем мы ее во время повседневной работы, когда заняты своим выживанием: тут уже нельзя отвлекаться на нюансы – нужно, чтобы дело было сделано. Но иногда можно позволить себе отвлечься и посмотреть на то, что обычно нас не интересует и остается незаметным. Мы можем откликнуться на этот зов встреченного нами чуда и как-то продолжить возникающее в этой встрече движение.

Романтики много рефлексировали над продуктивной силой воображения, позволяющий в ходе «пассивного» синтеза собирать привычный образ реальности. Только синтез воображения не совсем пассивен, он требует и некоей активной вовлеченности субъекта в свою работу. Человек может обратиться к своему воображению – и тогда он сможет пересобрать мир, увидеть скрытые дотоле стороны реальности, незаметные нюансы и странности. Воображение становится способностью видеть в мире избыток, его сказочную сторону. Для романтизма сказка – это не усеченная и купированная, а наоборот, *чрезмерная* реальность. Сказка обычно воспринимается чем-то нереальным из-за того, что человеческая психика не может вместить сказочного характера всего происходящего – точно так же, как Йозеф К. не смог вместить в себя абсурдности и иррационального характера окружающей его бюрократии.

Воображение раскрывает избыток реальности, но также оно чревато опасностью от этой реальности оторваться, создавать ложные образы, которые приводят к пустой мечтательности или развлекающей комбинаторике. Перепридумывание и переизобретение мира может быть некомфортным процессом, так как, когда один образ мира сменяется на другой, обнажа-

ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ
ИМАГИНАТИВНОЕ
ВОССТАНИЕ И ЕГО БРАВЫЙ
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ
ПЕРСОНАЖ

ется иррациональная основа самого сущего, обнажается ничто, которое вызывает ужас. Эту мысль Хайдеггер подробно раскрывает в статье «Что такое метафизика?», где пишет об ужасе в связи с возникновением нового.

В этом смысле воображение можно противопоставить фантазии. Фантазия пытается скрыть стихийность и жуткость мира. Она приукрашивает, хочет заштопать имажинативный разрыв яркими красочными заплатками. Работа фантазии развлекает человека и уберегает от абсурдности существования. Фантазия ставит на мир заплатку, скрывающую от человека его смертность. Фантазия развлекает, комбинируя различные элементы реальности. Но это показывает слабость фантазии – и ее отличие от воображения. В фантазию невозможно облечься полностью, так как она не тождественна реальности, она не может охватить собой весь мир. Фантазия случайна, воображение же выстраивает образы и идеи в линию, обладающую внутренней необходимостью: от одного откровения и находки оказывается возможным перейти к чему-то другому. Благодаря связи воображения с реальностью, образуется цепочка, ведущая человека вперед и поддерживающая его движение. Фантазия тоже может вести человека, но, как правило, она развеивается, когда сталкивается с реальностью, оставляя фантазера в лучшем случае с пустыми руками. Перечень различий между фантазией и воображением можно продолжить: ограниченная заплатка – длящаяся линия; сокрытие реальности – обнажение реальности; развлечение – интенсивность; пассивность – активность, комбинаторика – изобретательство.

{ Человек может обратиться к своему воображению – и тогда он сможет пересобрать мир, увидеть скрытые дотоле стороны реальности, незаметные нюансы и странности. Воображение становится способностью видеть в мире избыток, его сказочную сторону.

Подводя итог, можно сказать, что имажинативная философия – это философия, осмысливающая тождество воображения и реальности. Реальность понимается как множество разнообразных возможностей, высвечиваемых и обнаруживаемых воображением, соединяющим вместе разрозненное и противоречивое. Онтологическое обоснование данного понимания реальности можно найти в различии реального и актуального у Жюль Делёза и в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера, пытающейся осмыслить бытие сущего. Воображение находит еле заметные линии и пустоты, проходящие по миру

(как по куску мрамора), и позволяет двигаться по ним, давая субъекту свободу. Это движение, ищущее чудо, называется имажинативным восстанием. Оно не ставит своей целью обретение бессмертия, как это происходит в имажинативном идеализме Якова Голосовкера, но и не стремится отворачиваться от повседневного мира, как это происходит в имажинативном материализме, обращающемся к нелюдям и стихиям.

Бравый солдат Швейк становится той фигурой, которая объединяет романтизм XIX века, контркультуру 1960-х и современную имажинативную философию. Швейк показывает пример того, как можно существовать в условиях сдавливающей реальности, но при этом сохранять свою индивидуальную свободу. Это осуществимо при помощи поэтического переизобретения повседневных вещей и событий мира, при помощи движения, возникающего не по приказу начальства, а из полноты самого существования (из начала без повеления) и направленного к утопическому концу (цели) без учреждения. Подобным образом ведет себя Швейк. Это позволяет ему существовать и находить радость в жизни, в отличие от героев произведений Кафки, гибнущих при встрече с бессмысленным бюрократическим порядком. Йозеф К., зачарованный божественной иррациональной мощью, оказывается неспособным на имажинативное восстание, которое в случае Швейка принимает форму «комической мистификации».

ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ
ИМАГИНАТИВНОЕ
ВОССТАНИЕ И ЕГО БРАВЫЙ
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ
ПЕРСОНАЖ

Имагинативная драма. Субъект-объектное соблазнение

Богдан Юрьевич Громов
(р. 1989) – философ,
доцент кафедры фило-
софии и общественных
наук Мининского уни-
верситета (Нижний
Новгород).

Эта статья посвящена тому, как именно, исходя из каких предустановок, в какой очередности этапов, с чьим участием развиваются действия по созданию у субъекта образа объекта, то есть как происходит действие субъективного воображения, как развивается имагинативная драма. Слово «драма» здесь не несет никакой эстетической коннотации, не предполагает зрителя, режиссера, хора, сцены, актеров – оно означает буквально «действие». Концептуальная метафора драмы призвана изобразить процесс воображения как завершённое действие нескольких участников представления объекта. Такое упрощённое понимание драмы модифицирует схему Ирвинга Гофмана, развитую в работе «Представление себя другим в повседневной жизни»¹.

Философию, которая исследует всю протяжённость воображения, реальность воображаемых объектов, их жизнь и возникновение, мы называем *имагинативной* философией. Само понятие «имагинативная философия» заимствовано у Якова Голосовкера. Основные темы его философии – реальность бессмертия, реализм характера и имагинативная реальность – будут развиты далее.

ОБСУЖДЕНИЕ «ВРОЖДЕННЫХ» ИДЕЙ В СВЯЗИ СО СПОСОБНОСТЬЮ ВОООБРАЖЕНИЯ

Первое, что следует узнать о месте объекта, – это ответ на вопрос: есть ли объект что-то внешнее по отношению к воспринимающему его субъекту, или субъект сам есть условие этого восприятия, и, таким образом, объект не есть нечто из внешнего окружения (среды) субъекта. Исходит ли действие объекта извне, как, например, жар огня, или изнутри, как жар лихорадки? Следует ещё подробнее уточнить этот вопрос, указав на его исключительно «знаниевое» измерение, отождествив объект и знание об объекте. Приведем здесь уточнение Чарльза Пирса: «Ничто вне сферы нашего знания не может быть

¹ См.: ГОФМАН И. *Представление себя другим в повседневной жизни*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000.

нашим объектом, так как ничто из того, что не воздействует на наше сознание, не может служить мотивом психического усилия»². В этом уточнении важно указать на основную характеристику объекта – активность. *Объект обладает активностью*, в указании Пирса это воздействующая активность, предполагающая пассивность воспринимающего сознания. Не свойства объекта, а его действие – вот что мы действительно воспринимаем первым или, по меньшей мере, о чем говорим в первую очередь. Мы сначала говорим «тело покоится», а потом говорим, что тело есть. Первое знание об объекте – это знание о его действиях.

Далее следует сделать еще одно уточнение по поводу не определенных до сих пор отношений субъекта и объекта: что же они такое есть? Первое, что нужно подразумевать под ними, что это отношения восприятия и связанные с ними отношения познания. Следующее, о чем следует помнить, – это поочередная смена причинения на претерпевание, активности на пассивность. Субъект проявляет познавательную активность, претерпеваемую объектом; объект воздействует на воспринимающий воздействие субъект. Важно, что активность действующего лица (нечто вроде свободы) должна быть учтена как для субъекта, так и для объекта. Олицетворения вроде «объекты внешнего мира воздействуют на наши органы чувств» не являются случаем речевой ошибки, какой-то неточности выражения – а наоборот, составляют важнейшее условие для того, чтобы концептуальная метафора имaginативной драмы сохраняла свою выразительную силу.

Возможно, что действия объекта так же составляют его внешнее, как внешнее для субъекта составляют объекты, объективная реальность. Можно вспомнить мысленные опыты с кусочком воска, которые по очереди проводят Декарт³ и Локк⁴. Желая достигнуть «ясного и отчетливого» знания воска (Декарт и Локк говорят об «идее» воска), они последовательно отделяют от воска, воплощенного в кусочке, все то, что составляет это самое индивидуальное «бытие кусочком воска»: запах меда, меру теплоты и твердости, меру текучести, плавкость, звонкость при ударе пальцем. То же самое Локк мысленно производит с кусочком сахара: он его колет, растворяет, освещает, пробует на вкус. Декарт и Локк отделяют способы, которыми объекты действуют на воспринимающего их субъекта, от самого бытия объекта. Этим действием они создают мыслимое пространство, в котором можно образовать идею «радикально внешнего объекта познания», самой объективности, субстан-

БОГДАН ГРОМОВ

ИМАГИНАТИВНАЯ ДРАМА.

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ

СОБЛАЗНЕНИЕ

2 Пирс Ч.С. *Закрепление верования* // Вопросы философии. 1996. № 12. С. 107.

3 ДЕКАРТ Р. *Размышления о первой философии* // Он же. *Сочинения: В 2 т.* М.: Мысль, 1989. Т. 2. С. 42.

4 ЛОКК Дж. *Опыт о человеческом разумении*. М.: Мысль, 1985. С. 303.

ции. Так ли мы станем думать об объектах? Будем ли мы считать, что внешнее бытие объекта абсолютно независимо от восприятия чувствами?

К уточнениям относительно существования объектов вовне субъекта следует добавить вопрос о том, что же такое есть пространство, в котором сближаются внутреннее и внешнее. Здесь следует вспомнить картезианское учение о врожденных идеях, но в связи с его трактовкой, данной Карлом Поппером в лекции «Некоторые замечания о проблемах и о росте знаний».

«Я утверждаю, что всякое животное появляется на свет с ожиданиями или предчувствиями, которые могут быть сформулированы как гипотезы, – с некоторого рода гипотетическим знанием. И я утверждаю, что в этом смысле мы в какой-то мере обладаем врожденным знанием, которое, если и не вполне надежно, все же может служить отправной точкой. Если эти врожденные ожидания не оправдываются – это и есть наши первые *проблемы*, и можно сказать, что дальнейший рост наших знаний состоит из изменений и исправлений нашего первоначального знания»⁵.

В такой сверхупрощенной модели познания мы наблюдаем странное познавательное действие – ожидание. Поппер сравнивает ожидание с гипотезой, но не с объяснением. То есть это ожидание не есть знание, которое принадлежит субъекту или составляет богатство его опыта. Это еще только ожидание, но не самого объекта, а только исполнения обещания, данного объектом. Ожидание это принадлежит как субъекту, так и объекту, оба лица ожидают события, в котором предчувствие будет подтверждено или опровергнуто. Здесь уместно сравнение знания с рождением ребенка: как нечто новое, он принадлежит и обоим порождающим, и сам себе. Знанию суждено разрешиться к истине или лжи и обрести собственное бытие, но пока оно есть лишь напряжение ожидания. Гипостазированное, предположенное знание уже имеет образ, этот образ конкретен, хотя его отношение к бытию еще загадочно, поскольку истина и ложь пока не определяют черт этого образа-ожидания. Беркли, говоря о способности «вообразить себе объект»⁶, указывал на то, что невозможно вообразить объект без заранее известных качеств. Предположение о существовании объекта есть предположение о его свойствах. Если это треугольник, то он равносторонний или прямоугольный; если это человек, то толстый или худой; если правитель, то добрый; если дар, то ценный. Ожидаемый объект имеет место и пространство, он пока не имеет прошлого, но имеет некоторое будущее-прошлое, бытие в модусе сбывающегося.

5 Поппер К. *Объективное знание. Эволюционный подход*. М., 2002. С. 250.

6 Беркли Дж. *Трактат о началах человеческого знания*. М.: Наука, 1978. С. 93–94.

Предчувствие, гипотеза, с которой рождается драма знания и с которой начинается история субъекта, – это знание обещания, данного относительно явления объекта, а обещание это таково: объект явится, и объект будет таким, каким его ждут. Объект подтвердит или опровергнет ожидания субъекта, тем самым создаст знание субъекта, *самое первое воспоминание*, самое первое прошлое. Но действительно первое знание субъекта – это знание будущего, оракул относительно действия объекта. Способность поверить в предречение, вообразить будущие действующие лица и грядущие события, способность «быть ожидающим» событий, сказанных в прорицании относительно прихода объекта, станем называть способностью *воображения*.

БОГДАН ГРОМОВ

ИМАГИНАТИВНАЯ ДРАМА.

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ

СОБЛАЗНЕНИЕ

Уместно сравнение знания с рождением ребенка: как нечто новое, он принадлежит и обоим порождающим, и сам себе. Знанию суждено разрешиться к истине или лжи и обрести собственное бытие, но пока оно есть лишь напряжение ожидания.

ПОВЕДЕНИЕ ОБЪЕКТОВ

Мы описали воображение как пространство, как то, где начинается драматическое действие ожидания, нечто сродное платоновской хóра, о которой говорится как о местности, где рождается все возникающее. В добавление к этому мы говорили о внутреннем и внешнем, о переходах вовнутрь и о прибытии из будущего. Прежде, чем завершить этот очерк имажинативной хорологии, следует сказать о том действии перехода, которое составляет поведением объекта. Какова активность объекта?

Наблюдение драмы познания в выбранной обстановке «внутреннее-внешнее» предполагает, что субъектом и внутренним является человек или сознание. Постараемся забыть об этой априорной человекомерности субъекта, условимся рассматривать субъект как роль, а не как сущность и рассмотрим внешнее всякого сущего и предметность всякого сущего, то есть рассмотрим объект как таковой.

То, что нам уже известно, – это что объекты обещаются быть, создают ожидание. Одно из действий объекта – он обещает исполнение нужды, которую субъект уже имеет и с которой ожидает объекта. «Ожидать исполнения нужды» – это социальная ситуация, походящая на интеракцию религиозной мольбы: один ждет, просит, нуждается; второй имеет, хранит, дарит.

Рассматривая это сравнение, можно понять, что обещает объект: он обещает *наслаждение*. Исполнение этого обещания понимается тут двояко: как действие обещавшего, реализация воли исполнить обещанное – и как претерпевание нуждающегося, как восполнение той нужды-нехватки, побудившей к ожиданию.

Действительно важным для знания о любом объекте является знание стабильного, повторяющегося, закономерного поведения. Знание повторения представляет себя неслучайным, ценным, то есть истинным. Истина об объекте – это такое знание, которое «относит себя к этой вещи как только представит себе ее и о представленном сможет сказать, чем следует руководствоваться каждый раз при подходе к нему»⁷. Истина объекта есть его поведение, то есть сама объективация, оформление, определенность, повторяемость, ожидаемость. Поведение есть выражение объективной истины и индивидуального характера, упорство объекта в самости⁸. Однако эта самость не для себя, а для представления. Поведение представляется ожиданию.

Поведение пресуппонирует мышление в категориях «внутреннего-внешнего»: «не потому его любят любящие, что оно любимое, но оно любимое, раз его любят»⁹. Это едва схватываемое языком различие между тем, где объект проявляется, и тем, где объект наблюдается, составляет основу для истолкования поведения. Наблюдаемое поведение объектов составляет тотальную непроницаемость внешности и создает условия для гипостазирующего ожидания проявления до поры сокрытой внутренней природы. Такое, а не иное поведение объекта складывает фантазм подлинности, настоящего, тайны. Мы зрим открытое и подозреваем сокрытое.

Своим поведением объект воспроизводит концептуальную потребность мышления в семанте субъекта: объект ведет себя, а значит, он сам субъект; объект ведет себя по отношению к..., а значит, он пресуппонирует субъект как необходимую инстанцию в траектории своего поведения.

Приведем сходный пример объективации: «Восприимчивость животного к особому качеству в объекте придает объекту, в его связи с животным, особую природу»¹⁰. Эта цитата из Джорджа Мида схожа с приведенным ранее высказыванием Поппера: речь идет о соотносительности живого с чем-то иной природы,

7 Хайдеггер М. *О сущности истины* // Он же. *Разговор на проселочной дороге: избранные статьи позднего периода творчества*. М.: Высшая школа, 1991. С. 14.

8 Он же. *Изречение Анаксимандра* // Там же. С. 28–68.

9 Платон. *Евтифрон* // Он же. *Собрание сочинений: В 4 т.* М.: Мысль, 1994. Т. 1. С. 306.

10 Мид Дж.Г. *Бихевиористское объяснение значимого символа* // Он же. *Избранное: сборник переводов*. М., 2009. С. 45.

с внешним; также эта (бихевиористская) модель включает в себя особенное отношение ожидания в форме восприимчивости этого конкретного живого. Данный объект оказывается предзаданным, а субъект предуготовленным к ожиданию. Восприимчивость субъекта есть его реакция-до-стимула, предрекающая поведение того или иного объекта.

БОГДАН ГРОМОВ
ИМАГИНАТИВНАЯ ДРАМА.
СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ
СОБЛАЗНЕНИЕ

«Поведение есть сумма реакций живых существ на их среды, особенно на объекты, которые... их связь со средой “вырезала из нее”. Среди этих объектов некоторые обладают особой важностью: это другие живые формы, принадлежащие к той же группе... Эти другие живые формы, входящие в группу, к которой принадлежит организм, могут быть названы социальными объектами и существуют как таковые прежде, чем возникают Я. Их жесты вызывают определенные и у всех высокоорганизованных форм частично предопределенные реакции, например, относящиеся к полу, родительству, враждебности, а также, возможно, другие, как, например, так называемые стадные инстинкты»¹¹.

Мид отмечает, что основание для объективации объекта – «частично предопределенные реакции». Это очень лаконичная характеристика всего, что нужно знать для идентификации объекта и отнесения его к группе подобных, а значит – и для суждения о том, есть объект или не есть. Единственное условие события истины – знание предопределенных реакций, то есть знание поведения объекта в связи с субъектом, знание обещаний объекта. Еще одно важное условие для определения социального объекта – это не наличие множества объектов, не их общение, а наличие отношения тождества, сходства, то есть его определенность. Социальным объектом является тот, что демонстрирует стабильность, частичную предсказуемость поведения. Под такое определение социального объекта подходят атомы, города, институты, кошки, люди, армии, политические партии, рекламные кампании товаров, древние боги и герои и так далее. Под такое определение не подходят бог, земля, времена года, стороны света, субстанция, эссенция, магнитные поля и так далее.

ТОЖДЕСТВО ОБЪЕКТОВ ВНУТРИ И ВОНЕ ВООБРАЖЕНИЯ

Повторим еще раз допущение, сделанное ранее: свойства объекта есть его действия, все вместе они есть его поведение. Поведение объекта есть обещание относительно этих свойств,

11 Там же.

обещание совершить определенные действия, ожидаемые тем, кому это обещание адресовано. Это предполагает адресата, внедряющего, познающего, а познающий предполагает объект познания. Мы подошли к важнейшему условию познания – к тождеству.

Воспользуемся изречением Парменида: «τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστίν τε καὶ εἶναι»¹². В переводе Лебедева этот дошедший до нас фрагмент значит: «Одно и то же – мышление и то, о чем мысль». Разберем это высказывание по его смысловым фрагментам:

τὸ γὰρ αὐτὸ – ведь то же самое.

νοεῖν ἐστίν – мыслимое сущее.

τε καὶ εἶναι – и то, что есть.

Первое, что следует отметить в этой строке, – эквивокация бытия и эквивокация тождества. В одном случае бытие – это подлежащее, во втором – сказуемое. Пересказывая фрагмент, мы можем повторить его так: «быть – это то же самое, что быть мыслимым». Эквивокация бытия – это быть субъектом и быть свойством субъекта. Эквивокация тождества – это повторение одного и того же самого, различие случаев повторения и обобщения в границах того же самого.

Правило Парменида представляет собой руководство к тому, чтобы видеть и не видеть объекты. Это правило может быть истолковано превратно как допущение произвола субъекта по провозглашению бытия объектов: «что мыслимо, то и есть» – или, наоборот, как запрет на мышление небывалого: «что есть, то и мыслимо». Что здесь действительно следует заметить, так это указание на зависимость бытия от своей представленности в объектах, νοεῖν ἐστίν, предметах мысли. Бытие в своем целом мыслится от бытия всех мыслимых сущих.

Принцип тождества обычно выражается записью $A=A$. Эта запись – удивительнейший случай графического изображения смысловой и семантической симметрии. Операция по указанию сходства (знак слева похож на знак справа) выдается за наблюдение тождества (знак слева – это знак справа). Удивительно, как линии на поверхности выдают себя за высказывание, ведь в действительности перед нами не запись, а рисунок.

Все же представим снова, что это не рисунок, а последовательность символов. Сколько здесь объектов? Принцип тождества убеждает нас, что здесь один объект. Глаза и умение считать одно за другим слева и направо говорят, что здесь три объекта. Чарльз Сандерс Пирс сказал бы, что здесь «два знака одного типа»¹³. Возможно, следует рассмотреть принцип тож-

¹² Цит. по: ХАЙДЕГГЕР М. *Закон тождества* // Он же. *Разговор на проселочной дороге...* С. 61.

¹³ АРМСТРОНГ Д.М. *Универсалии. Самоуверенное введение*. М.: Канон+; Реабилитация, 2011. С. 31.

дества (одно есть одно и то же) в ницшеанском духе как предположение, провозглашение власти разума над бытием. Ницше в «Воле к власти» пишет:

«Вопрос остается для нас открытым: адекватны ли логические аксиомы действительному, или они лишь масштабы и средства для того, чтобы мы смогли сперва создать себе действительное, понятие действительности?... Но, чтобы иметь возможность утверждать первое, нужно было бы... уже знать сущее, что решительно не имеет места. Это положение содержит в себе, следовательно, не критерий истины, но императив к тому, что должно считаться истинным»¹⁴.

Ницшеанский комментарий превращает могущество принципа тождества в более чем скромный императив: «*мысли, что есть*». Слова «адекватны ли логические аксиомы» указывает, что комментарий Ницше относится не к Пармениду, а к Аквинату. Точнее, к формуле, данной в шестнадцатом вопросе «Суммы теологии»: «Истина есть соответствие вещи и мысли»¹⁵.

Латинское написание формулы выглядит так: *veritas est adaequatio rei et intellectus*¹⁶. Против этого *adaequatio* и направлен выпад Ницше. Перевод *adaequatio* как «соответствие» имеет коннотацию со-отнесенности. Это становится заметным, если привести более широкую цитату из обсуждения вопроса о том, находится ли истина в вещах или только в познающем разуме: «когда говорится, что истина есть соответствие вещи и разума, это можно отнести и к тому и к другому»¹⁷. «Соответствие» – это поведение и вещи, и разума, тождество мысли и бытия есть тождество их соответствующих поведений, их адекватностей. Поведение вещи и поведение мысли – это одно и то же поведение. Созвучие и сходство высказываний Фомы Аквинского и Парменида бросаются в глаза. Приведем высказывания к их семантической эквиваленции.

τὸ γὰρ αὐτὸ = *adaequatio* = соответствие
νοεῖν ἐστίν = *intellectus* = мышление
τε καὶ εἶναι = *rei* = вещи

Вопрос о тождестве – теперь вопрос о месте тождествления одного и того же поведения. Скажем, что событие тождества одного и того же самого происходит в воображении. Дополним высказывание Ницше, сказав, что «понятие действительности»

БОГДАН ГРОМОВ

ИМАГИНАТИВНАЯ ДРАМА.

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ

СОБЛАЗНЕНИЕ

¹⁴ Цит. по: МАН П. ДЕ. *Аллегории чтения: фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. С. 144.

¹⁵ Фома Аквинский. *Сумма теологии. Часть первая. Вопросы 1–64*. М.: Издатель Савин С.А., 2006. С. 225.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 224.

мы создаем в воображении, мыслящем тождество поведения. «Адекватность логических максим» есть следствие воображаемого поведения объектов (данных обещаний наслаждения).

ИМАГИНАТИВНЫЕ ОБЪЕКТЫ

Два момента следует уточнить прежде, чем перейти к описанию реальности воображения, имажинативной реальности. Первый – это момент относительно предикации бытия в изречении Парменида. Мы перевели выше νοεῖν ἐστίν как «мыслимое сущее», обычно это переводят как «мышление» или «мыслить». Хрестоматийный пример этого – перевод Церетели, приводимый Александром Маковельским: «Мыслить и быть – одно и то же»¹⁸. Несмотря на то, что семантемы «мыслить» или «мышление» интуитивно понятнее, на наш взгляд не следует отказываться от перевода «мыслимое сущее», чтобы подчеркнуть наличие в данном подлежащем предиката ἐστίν, то есть «есть», или «которое есть». Бытие выступает предикатом для субъекта νοεῖν, то есть «мыслить» – это инфинитив настоящего времени, указывающий на событие, происходящее сейчас и направленное в будущее¹⁹. Позволим себе сохранить перевод «мыслимое, которое есть». В этом высказывании бытие мыслимого выступает предикатом, указывающим на существование, то есть на то, что «мыслимое, которое есть», на самом деле есть. Это уточнение необходимо для того, чтобы указать на очень особенный и нетривиальный объект – νοεῖν ἐστίν, или «мыслимое, которое есть», мыслимое-реальное.

Восстановим дословный перевод строки Парменида: «Мыслимое, которое есть, есть то же самое, что то, что есть». По принципу противоречия образуем отрицание утверждения Парменида: «мыслимое, которое не есть, не есть то же самое, что то, что есть». Таким образом, получим особое выражение: «Мыслимое, которое не есть». Указав на различие между «мыслимым, которое есть», и «мыслимым, которого нет», получим очерк того чрезвычайно смутного правила реальности, которое положено в само основание европейского мышления. Обнаружение этого слабого места европейского мышления позволяет Ницше обрушить здание логики, вынудив из ее фундамента принцип тождества и принцип противоречия. Смутное правило реальности, ретроспективно обнаруживаемое в стихе

18 Маковельский А.О. *Досократики. Первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований. Часть вторая: Элеатовский период*. Казань: Издание книжного магазина М.А. Голубева, 1915. С 55.

19 Атли Б. *Грамматические правила древнегреческого языка* (www.freebiblecommentary.org/special_topics/rus/greek_grammar.htm).

Парменида, становится чуть более заметным, если сопоставить его со схожим «Размышлением» Декарта:

«Из моего представления о Боге как сущем еще не вытекает факт его существования: ведь мое мышление вовсе не сообщает необходимости внешним объектам... быть может, я могу помыслить существование Бога, хотя никакого Бога не существует»²⁰.

Мысль приведенного отрывка – из представления о боге не следует существования бога – диссонирует с мыслью, что если я не могу мыслить бога иначе как сущего, следует, что бытие неотделимо от бога, и, следовательно, он существует²¹. Видимо, есть по меньшей мере две группы способов мыслить: в приведенных отрывках это воля представлять что угодно и способность мыслить предмет мысли тем способом, каким он есть. Действительно Декарт говорит, что из факта «обладания ясной идеей» некоего сущего необходимо следует факт существования этого сущего.

Разделение идей на ясные и смутные, отчетливые и неотчетливые является общим местом для Локка, Декарта, Лейбница и указывает на привилегированные способы, которыми мыслится «мыслимое, которое есть». Схематически это можно представить так: этот объект реален, потому что он мыслится способом, которым мыслится то «мыслимое, которое истинно есть».

Второй момент, который нужно уточнить, – тождество мыслимого в разных модусах. Воспользуемся подсказкой Декарта и укажем на два модуса (способа) существования объекта мысли: представление чего угодно и обладание ясной идеей. Помимо этих двух, к модусам мышления относятся: обладание смутной идеей, восприятие, воспоминание, воображение. Может ли нечто представляемое смутно выйти к представленности в ясной идее? Думается, что это общее место всякого учения о знании и мышлении – вера в то, что сомнение может смениться уверенностью, то есть что статус знания сменится, но предмет знания останется тем же самым.

«Подразумевается, что существуют такие состояния ума, как сомнение и верование, и что возможен переход от одного к другому, причем объект мышления остается тем же самым, и что этот переход подчиняется некоторым правилам, которыми одинаково связаны все умы»²².

В этом фрагменте размышления Чарльза Пирса мы можем четко увидеть, что такое имажинативный объект, или идея (в понимании Локка–Декарта), или мыслимое сущее – это объект,

БОГДАН ГРОМОВ

ИМАГИНАТИВНАЯ ДРАМА.

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ

СОБЛАЗНЕНИЕ

20 ДЕКАРТ Р. Указ. соч. С. 54.

21 Там же.

22 ПИРС Ч.С. Указ. соч. С. 107.

представленный в таких состояниях ума, как сомнение и уверенность. Этот объект зависим от мыслящего, но все же существует объективно, то есть реально. Имагинативный объект реален как объект сомнения или верования.

ИМАГИНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Имагинативной реальностью Яков Голосовкер называет место бессмертной жизни имагинативных объектов. Аргумент Голосовкера в пользу реальности имагинативных объектов можно назвать «аргументом бессмертия»: объект, возникший три тысячи лет назад, сохраняет свою бессмертную жизнь, поскольку остается тем же самым. Это так, поскольку в отношении одних и тех же объектов сохраняются одни и те же практики. Имагинативные объекты воплощаются в произведениях изобразительного искусства, поэмах, философских концепциях и ни в какой момент не становятся чем-то иным. Дриада никогда не становится Химерой. Имагинативные объекты сохраняют *характерное* и благодаря этому сохраняют ясность своей идеи. Даже кентавр, ставший хрестоматийным примером небывалого химерического существа, ни в какой момент не теряет своего характера, не становится смутным. Кентавр может иметь полосатый окрас, но его никогда не спутать с зеброй. Йети, возможно, есть, возможно, его нет, но Леший, Пан, Силен, Фавн, Сатир – все они есть несомненно. Все они бессмертные жители имагинативной реальности, все они самотождественны в своих характеристиках.

Существует логический запрет на метаморфозу характера имагинативного объекта, который мы принимаем как принцип тождества. Прекрасная нимфа Дафна, превращенная в лавр, сохраняет всю ту влекущую красоту, по вине которой она и оказалась превращенной в лавр²³. Красота Дафны не пропадает после превращения в дерево, а наоборот, обретает бессмертие в имагинативной реальности. Такова логика античного мифа по Голосовкеру – метаморфоза представляет собой генезис, то есть рождение. Метаморфность имагинативного объекта или его химеричность и есть его тождество, его бессмертие, потому что именно характерное выражает то, что реально в объекте.

«Термин “имагинативный” означает не воображаемый как “выдуманное”, как некий иллюзорный обман. Оно есть, действительно, нечто, созданное воображением и утвержденное им как бытие, как нечто, сотворенное навеки. Дриада (в принципе) эстетически создана навек. Тут-то эстетика и обнаруживает себя по античному

23 Публий Овидий Назон. *Метаморфозы*. М.: Художественная литература, 1977. С. 45.

образцу как онтология – онтология имажинативного разума – разума воображения»²⁴.

БОГДАН ГРОМОВ

ИМАГИНАТИВНАЯ ДРАМА.

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ

СОБЛАЗНЕНИЕ

Бессмертие имажинативного объекта есть бессмертие его характера, составляющее его тождество. Имажинативный объект «продолжает быть тем же самым все время, пока участвует в той же самой жизни, хотя бы эта жизнь передавалась новым частицам материи, органически соединяемым в такую же постоянную организацию, соответствующую этому виду»²⁵.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕБЯ ДРУГИМ

Напомним, что характер имажинативных объектов есть их *поведение* и *обещание*. Теперь исследуем представление объектов: как ведут себя объекты, представляясь субъекту, а затем исследуем субъект таким, каким его антиципирует представляющий себя объект.

Исследовав правило реальности, выраженное в стихе Парменида «одно и то же – мыслить и быть», мы пришли к уточнению, что быть объектом означает быть мыслимым. Добавим к этому, вспомнив еще раз правило представимости Беркли, что быть мыслимым (вообразимым) – это то же, что быть воспринимаемым, то есть быть со-отнесенным с тем, кто мыслит, быть представленным мыслящему в своих конкретных характеристиках.

**Быть мыслимым (вообразимым) – это то же, что
быть воспринимаемым, то есть быть со-отнесенным
с тем, кто мыслит, быть представленным мыслящему
в своих конкретных характеристиках.**

Зададимся вопросом: есть ли что-то во всякой восприимчивости, что сможет быть общим для всякой со-отнесенности? Вернемся к «врожденным гипотезам» Поппера и исследуем нужду субъекта. Чем же представляется объект, со-относя себя с нуждой субъекта? Объект представляет себя благом.

СОБЛАЗНЕНИЕ

Кружным путем наше исследование вновь возвращается к драме субъект-объектного соблазнения. Необходимо оговорить важнейший момент, связанный с ожидающимся переносом нуж-

²⁴ Голосовкер Я.Э. *Избранное. Логика мифа*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. С. 184.

²⁵ Локк Дж. *Указ. соч.* С. 383.

ды на объект. Объекты не нейтральны к субъекту, нейтральные объекты никогда не вели себя так, чтобы стать объектами мышления, а значит, все объекты размещены в мышлении (в имажинативной реальности) в соответствии со своим поведением.

Обещание объекта может быть понято как перенос на него собственной нужды субъекта. Субъект осознает свою нужду, устремляет взгляд вовне, находит объект, ожидает исполнения своего желания от объекта. Кажется это то, что имел в виду Фрейд, когда писал: «“Я” является истинным и первоначальным резервуаром либидо и только от него исходит на объект»²⁶. Первичные вожделения субъекта, толкающие его вовне себя к обещанному в переносе наслаждению, – это то, что Фрейд называет «первичным позывом», Поппер – «проблемой», Мид – «жестом» («жестом половой привычки»), Хайдеггер – «нуждой», Голосовкер – «имагинативным побудом». Конечно, это воображаемое обещание наслаждения в переносе, но это не делает его ложным, ведь «одно и то же – мыслить и быть». Правдоподобность истории отношений субъекта и объекта зависит не от того, какова она *была* в прошлом, а от того, какова она *есть* в памяти, то есть в воображении. Условная ложность воспоминания не отменяет его действительности. Поистине существует ложное действительное, ложное реальное, реальность лжи, в которой мнение мнит свое «мыслимое, которое есть».

В диалоге Платона «Филеб» есть загадочное место. Сократ говорит Протарху: «Имеющий мнение, правильное ли оно у него или нет, в действительности никогда не утрачивает обладания мнением»²⁷. Это мысль содержит сразу три предречения для мыслящего субъекта.

1. *Никто, обладавший мнением, утверждавший нечто, ожидавший чего-то, не станет «не обладавшим мнением», то есть не сменит своей истории.* Так же, как объект есть со-отнесенный с субъектом, так же и субъект есть склонный к объектам или к мнениям об объектах. Склонность есть факт истории субъекта, никто не в силах быть не тем, кем был. Выражения вроде «я стал другим» есть не что иное, как вымышленные факты истории. Ни в чьей истории не записано: «А потом он стал другим». Невозможность утратить обладание мнением есть сама Ананке. Фрейд отмечает это, когда говорит о «демонической» судьбе некоторых невротиков и о вынужденном повторении своего страдания. Склонность субъекта, его судьба – это склонность к своему страданию.

2. *Мнение конкретно, а не абстрактно.* Тот, кто мнит нечто, осуществляет выбор из свойств объекта, исключая для свое-

26 ФРЕЙД З. *По ту сторону принципа удовольствия* // Он же. *Малое собрание сочинений*. СПб.: Азбука, 2012. С. 782.

27 ПЛАТОН. *Филеб* // Он же. *Собрание сочинений: В 4 т.* М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 40.

го мнения те из них, которые противоречат его склонностям. Составление мнения похоже на пародию на свободу, потому что это выбор, сделанный в прошлом, которого уже нет. Так составляется привычка мнить то, а не это, мнить именно такие объекты, составлять свой собственный характер, антиципировать будущие объекты влечения. В привычке мнить так же и закрепляется привычка к тому, чтобы мнить свои удовольствия. Вместе с составлением мнения приходится наслаждаться этим мнимым.

3. *Мнение есть нечто рожденное, то, что Платон называет «относящимся к роду возникающего».* Составленное из меры (количества) и безмерного (качества) мнение имеет внутреннюю согласованность (некоторое количество некоторых качеств), которая отражается в категориях ясного и смутного. Ясная идея мнится согласованной вполне, смутная идея мнится согласованной отчасти. Это однажды рожденное мнение склоняется к тому, чтобы быть истинным или ложным, но не склоняется к тому, чтобы перестать существовать. Мнение лишено влечения к смерти. Живя в имажинативной реальности, все когда-либо мнимые объекты составляют прошлое субъекта. Избавиться от прошлого – это задача, в которой субъект непременно потерпит неудачу, затратив большое количество сил и энергии.

Такова будущая история переноса, составленного субъективным ожиданием, которая и есть судьба субъекта. Важнейшее, что следует отметить в этой разворачивающейся субъект-объектной драме, – это то, что объект в ней представляет благо в форме удовольствия.

«Необходимо утверждать, что все познающее охотится за ним, стремится к нему, желая схватить его и завладеть им, и не заботится ни о чем, кроме того, что может быть достигнуто вместе с благом»²⁸.

Благо – это аспект познания. Всякое познание осуществляется ради блага. Всякое восприятие есть поиск блага, всякое представление перед субъектом есть представление (притворство) благом. Объект плохо или хорошо играет роль блага. А также пугает смертью. Субъект смертен, объект бессмертен. Объект осведомлен о смертности и страхах живого. Объект хранит знание о смерти и сообщает его субъекту, пугая его страданием, представляя страдание как часть порядка реальности.

«Сообразный с природой живого существа путь есть удовольствие... Когда возникший сообразно с природой из беспредельного и предела одушевленный вид, упомянутый раньше, портится, то эта порча причиняет страдание; полное же возвращение к своей сущности есть удовольствие»²⁹.

28 Там же. С. 18.

29 Там же. С. 32.

БОГДАН ГРОМОВ

ИМАГИНАТИВНАЯ ДРАМА.

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ

СОБЛАЗНЕНИЕ

Поведение объекта делает его познаваемым, а познание определяет судьбу субъекта. Совокупность мнений, сформированная в процессе познания (в субъект-объектной драме), определяет все будущие наслаждения.

«В самой душе существует *ожидание* этих состояний, предвкушение приятного доставляет удовольствие и бодрит, а ожидание горестей вселяет страх и страдание»³⁰.

Доступный объект (фетиш) доставляет удовольствие, недоступный объект (табу) обещает удовольствие.

«Сохраненное в бессознательном наслаждение проявляется, например, в наслаждении фиксацией на каком-то объекте или же, напротив, приостановкой воздействия объекта – отстраненного, запретного, табуированного, неприкасаемого. Этот объект – источник бессознательного наслаждения – как бы раздваивается: он существует вовне и внутри, в сознании и в бессознательном, в реальности и в языке. Именно скрытое бессознательное наслаждение делает табуированный объект ценностью, противоречиво соединяющей священное и вызывающее ужас – перед тем, что коренится даже не в самой вещи, в связанном с ней действии»³¹.

Поведение объекта – это соблазнение. В этой связи очень важно сделать пояснение относительно сравнения познания с соблазнением: мы говорим о соблазнении как о первофантазме³², описанном у раннего Фрейда и реконструированном Лапланшем и Панталисом в специальном исследовании³³, посвященном работе фантазмов. Фантазм соблазнения имеет два важных момента для понимания.

Первое – это ретроактивность фантазма. Он разыгрывается дважды: как событие и как воспоминание, при этом именно второе разыгрывание фантазма, мнемоническая реконструкция событий, которые субъекту пришлось претерпеть, реализует власть прошлого над настоящим. Реконструированная в психодраме история давнего претерпевания становится конституентом структуры субъекта в тот момент, когда разыгрывается, и в этот момент складывает прошлое в такое, каким оно и было действительно. Субъект вспомнил, какой он есть, и теперь он такой и есть, каким себя вспомнил.

Второе – это распределение пассивных и активных ролей в переносе и контрпереносе, ретроспективная смена пассивности на активность и вновь на пассивность. Субъект соблаз-

30 Там же. С. 33.

31 РАБАН К. *Разрывы в метафоре: табу, фобия, фетишизм* // Вопросы философии. 1993. № 12. С. 47–51.

32 ЛАПЛАНС Ж., ПОНТАЛИС Ж.Б. *Соблазнение* // Они же. *Словарь по психоанализу*. М.: Высшая школа, 1996. С. 477.

33 Они же. *Первофантазм. Фантазм первоначал. Первоначало фантазма* // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А.В. Россохина. СПб.: Питер, 2005. С. 244–274.

нения переживает испуг и вину вместе с наслаждением. Роль соблазненного – это роль активно-пассивная по отношению к активности соблазнителя: как претерпевание она пассивна, как восприятие она активна. Таким образом, наслаждение становится и запретным, и ложным, но даже ложное наслаждение не перестает мниться в качестве такового.

«Сцена соблазнения переживается пассивно, но это означает не только пассивное поведение субъекта, но и его неспособность к живой реакции при отсутствии соответствующих сексуальных представлений; пассивность – это свидетельство неподготовленности»³⁴.

Вот здесь и происходит история: она становится прошлым тогда, когда вспоминается и разыгрывается как прошлое, но само историческое событие, истина субъект-объектного отношения привносится в доисторию субъекта.

Это очень похоже на истории Эдипа или Медеи: истинное знание открывается именно как знание меры страданий и меры ложной надежды – и только для того, чтобы принести горе (травму). Больше надежды – больше страданий. Воображаемое горе оказывается самым реальным и самым настоящим во всей истории субъекта. Познание разыгрывается как узнавание³⁵ того, что и так известно заранее. Описав историю субъекта как его доисторию, привнесенную в его воображаемое, мы должны задаться вопросом: а возможно ли вообще познание нового или только вынужденное повторение одного и того же?

ТРАГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

Таково трагическое познание, мораль имажинативной драмы – это познание того, что не изменить, и того, что лучше не знать. Со-отнесенность трагического познания с познающим в том, что его «полезнее не слышать», трагическое познание вредно для инстинкта жизни, потому что представляет жизнь как напряжение, самообъективацию, удержание себя в драме фантазмов ради «продления смертного пути»³⁶. Понятие трагического познания дано Ницше в работе «Рождение трагедии из духа музыки». В ее поздней редакции он добавил подзаголовок «Эллинизм и пессимизм». Исключительный греческий талант страдания открывает драматическую истину трагедии. История субъекта есть форма обмана. Вина за этот обман перекладывается субъектом на объект как вина за льстивые обеща-

БОГДАН ГРОМОВ

ИМАГИНАТИВНАЯ ДРАМА.

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ

СОБЛАЗНЕНИЕ

³⁴ Они же. *Соблазнение*. С. 477.

³⁵ Аристотель. *Поэтика*. Л.: Academia, 1927. С. 120.

³⁶ ФРЕЙД З. *Указ. соч.* С. 777.

ния, данные поведением объекта, и объектом – на субъект, как вина за дурные склонности субъекта, а истина сбывается только в оценке надежды как ложной надежды. Ницше передает слова трагического познания, адресованные природой человеку: «Наилучшее вполне достижимо: не родиться, не быть вовсе, быть ничем. А второе по достоинству – скоро умереть»³⁷. Смерть – это имажинативный объект и как таковой это высший объект влечения.

В связи со сказанным важно уточнить определение понятия «имажинативный». Согласно Голосовкеру, имажинативный не означает воображаемый как «выдуманый», но исходя из изложенного выше имажинативный означает именно «выдуманый», но «выдуманый для», «выдуманый с каким-то замыслом». «Имажинативный» означает не столько воображаемый, сколько воображенный, то есть реальный, «мыслимый, который есть», порожденный мышлением воображения. Думается, что приведенных аргументов достаточно, чтобы считать объекты воображения реальными. Имажинативный объект имеет жизнь и место, а значит, имажинативная философия имеет предмет и область.

37 Ницше Ф. *Рождение трагедии из духа музыки. Эллинизм и пессимизм* // Он же. *Собрание сочинений: В 5 т.* СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. Т. 1. С. 40.

Киноискусство и искусство кражи

ИГОРЬ
СМИРНОВ

1

Воровство – одна из тех тем, которыми фильм одержим начиная с дозвучкового киноповествования, увенчавшего изображение краж резонансным «Багдадским вором» (1924) Рауля Уолша, и вплоть до самого последнего времени («Король воров» (2018) Джеймса Марша – один из многих примеров не остывшего с годами интереса кинематографии к хитроумно исполненному похищению ценностей). Устойчивая сосредоточенность фильма на наблюдении за изъятием чужой собственности не возникла бы, если бы он не был к тому внутренне предрасположен как особого рода медиальное средство. Разобраться в этом тематическом пристрастии киномедиума поможет миф.

Для архаического сознания воровство выступает в виде антитезы к первотворению. В своей работе со смысловыми максимумами миф противопоставляет созиданию всего из ничто (или из *hyle*) ничто последующего творческого акта, вырождающегося в захват демиургического достояния¹. Воровство карается смертью либо вечной мукой, которые выворачивают

Игорь Павлович Смирнов (р. 1941) – автор многочисленных статей и книг гуманитарного профиля; основной научный интерес сосредоточен на теории истории. Живет в Констанце (Германия) и Санкт-Петербурге.

¹ Ср. замечания Елеазара Мелетинского о пародийном двойничестве мифического плута-добытчика, не брезгующего воровством, с культурным героем высокого плана (то есть с прямым наследником демиурга): Мелетинский Е. М. *Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона*. М.: Наука, 1979. С. 184–186.

КУЛЬТУРА
МОДЕРНОСТИ
REVISITED

наизнанку *creatio ex nihilo*, соответствуя тем самым существу недолжного поступка, заслуживающего отместки (*ex nihilo nihil fit*). Так Адам и Ева обрекаются творцом на тленность после их беззаконного приобщения божественному знанию, а Прометей, укравший у Гефеста божественный огонь, чтобы отдать его людям, наказывается Зевсом², принуждающим переметчика к периодически возобновляемым физическим страданиям.

Если в логосфере воровство составляет негативную альтернативу рассказу о мирозидательной деятельности, то в ранней социальной практике оно становится антиритуальным поведением – оскорблением почитаемых в обряде предков, разграблением могил, как о том свидетельствуют опустошенные гробницы фараонов и древнеегипетской знати. Кошунственная апроприация имущества покойников не прервалась с выходом на социокультурную сцену христианства: в византийском житии Андрея Цареградского (конец IX – начало X века) фигурирует некий «тать гробный», промышленный на кладбище кражами одежды, в которую были облачены умершие. В то время, как ритуал разыгрывает возвращение пангенезиса, обворовывание захоронений предполагает невозобновляемость жизни после смерти, придает обратный ход второму рождению усопших (древнеегипетские охотники за могильными сокровищами неспроста наносили намеренные повреждения мумиям, нарушая таким образом сохранность тел, мыслившуюся необходимой для загробного существования их владельцев). Обрядовый спектакль, репродуцировавший становление бытия, был призван, среди прочего, убедить своих актеров в том, что каждый из них вправе рассчитывать на *afterlife*. Руша заупокойный культ, антиритуал отнимал смысл у ритуала.

Мифопоэтическая традиция сберегает память о первоначальном толковании воровства. Раскаиваясь в «Исповеди» (397–401) в совершенной в подростковом возрасте краже груш, Аврелий Августин включал себя в ряд подпавших под дальное действие первородного греха, довлеющего человеку, который начал свою историю, вкусив запретные плоды с дерева познания. В «Божественной комедии» (1307–1321) воры помещены в восьмой круг ада: они брошены в ров и обвиты там жалящими их змеями, сродными с тем проклятым Господом существом, что совратило в Эдеме Адама и Еву с пути праведного. По мере поступательного движения социокультуры мифогенное понимание воровства сходит, однако, на нет, уступая место такой интерпретации, которая усматривала в нем прежде всего

2 На воровство в его базисной индоевропейской версии пускается противник Громовержца, угоняющий у того рогатый скот (у славян эту пару составляют Велес и Перун). См. подробно: Иванов В.В., Топоров В.Н. *Исследования в области славянских древностей*. М.: Наука, 1974. Миф о краже стада станет одним из архетипических мотивов, положенных в основу вестерна.

возмещение несправедливости. Нараставшая смена эпох выявляла непостоянство обладания истиной и вместе с тем ненадежность всякого имения, оправдывая перераспределения собственности, присваиваемой себе до того обездоленными. В своей «Исповеди» (1764–1770), полемизировавшей с автобиографическим текстом Августина, Жан-Жак Руссо извинял затеянное им похищение яблок (оно адресует читателей сразу и к краже груш, и к нарушению господней заповеди в Ветхом Завете) из кладовой хозяина-гравера тем, что был в праве отплатить учителю за жестокое обхождение с беззащитным подмастерьем. Сообразно с этой нововременной трактовкой воровства (как отпущенного греха³) переиначивается и представление о расправе, какой оно заслуживало. В сочинении «О преступлениях и наказаниях» (1764) Чезаре Беккариа опознал в воровстве следствие нищеты и предложил карать жуликов (бедняков, которых нельзя же подвергнуть уместному в данном случае денежному взысканию) принудительным физическим трудом, компенсирующим обществу понесенную им утрату. Компенсаторный взгляд на кражу требовал такого же воздаяния за нее. Раз распоряжение имуществом может переходить под усиленно историческим углом зрения от одних лиц к другим, разница между апроприатором и владельцем собственности постепенно оказывается вовсе стертой. На вынесенный в заголовок своего трактата вопрос «Что такое собственность?» (1840) Пьер-Жозеф Прудон ответил одним словом – «кража»⁴.

ИГОРЬ СМЕРНОВ
КИНОИСКУССТВО
И ИСКУССТВО КРАЖИ

Устойчивая сосредоточенность фильма на наблюдении за изъятием чужой собственности не возникла бы, если бы он не был к тому внутренне предрасположен как особого рода медиальное средство.

Новоявленное среди традиционных искусств кинозрелище попало в ту же самую позицию, какую занимало в мифе обретение ценностей с помощью воровства, опустошительно снижавшее примарное творческое деяние демиурга. Вряд ли случаен тот факт, что воровство находит дорогу на российский экран в ленте Кая Хансена «Роман с контрабасом» (1911), снятом по одноименному чеховскому рассказу: тематизация кражи происходит в фильме, заимствующем сюжет из литера-

3 К амбивалентности подхода социокультуры Нового времени к воровству ср.: GEHRLACH A., KIMMICH D. *Einleitung* // IDEM (Hrsg.). *Diebstahl! Zur Kulturgeschichte eines Kulturgründungsmythos*. Paderborn: Wilhelm Fink, 2018. S. 9 ff.

4 Прудон развил идеи Руссо, высказанные им в «Рассуждении о происхождении неравенства среди людей» (1754). См. подробно: THUMFART A. *Von Dieben und Räuberbanden. Wiedergänger in der politischen Theorie der Moderne* // Ibid. S. 54–57.

турного источника⁵. Вопреки всей своей новизне фильм был зависим от давно вошедших в обиход художественных средств (прежде всего как повествование и сценическое представление) и поэтому не мог не рефлексировать по поводу исходно всеохватных и секундарных творческих начинаний, волей или неволей оглядываясь при этом на архаику. Она дала себя знать в фильме Хансена в выборе такого литературного текста, в котором похищение одежды у купающихся завершалось явлением полуодетой героини перед гостями, съехавшимися на дачу, — недвусмысленной отсылкой к ветхозаветной сцене познавших свою наготу и стыдящихся ее Адама и Евы⁶.

Отступая в глубокое мифогенное прошлое, фильм, однако, отнюдь не разделял архаическую оценку кражи как непростибельного греха, влекущего за собой высшую меру наказания. Киноискусство снимало вину с зарившихся на чужую собственность в *pendant* ко всей релятивизировавшей свое отношение к воровству социокультуре Нового времени — и зачастую даже более решительно, чем это случалось до возникновения движущейся фотографии, напрашивавшейся возглавить эстетическое развитие. Ленинский лозунг «Грабь награбленное!» (1918), легитимировавший имущественный передел, был не только вульгарным выводом из доктрины Прудона (а также из политэкономической философии Карла Маркса), но и откликом на наступление века киномышления. Уолш вознаграждает в «Багдадском воре» умелого мошенника, отдавая ему в жены дочь халифа, на руку которой претендуют сразу несколько принцев. Прибегающий к разного рода трюкам (например показывающий в концовке персонажей летящими на волшебном ковре), этот фильм ассоциировал себя с ловкими воровскими манипуляциями в исполнении своего главного героя. И кражи, изображенные в фильме, и он сам сопряжены с магией (для своих проделок вор пользуется похищенным у факира чудо-

- 5 Связь экранного воровства с литературным прослеживается и в других ранних кинокартинах. В многосерийном фильме Юрия Юрьевского «Сонька Золотая ручка» (1914–1916) авантюристка, умудрившаяся украсть часы даже у собственного защитника во время судебного перерыва, становится в шестой серии агентом полиции по образцу «Описания добрых и злых дел [...] Ваньки Каина» (1779). Как и Каин, сделавшийся в сочинении Матвея Комарова сыщиком, но не бросивший преступного ремесла, Сонька остается воровкой и ведя расследование об убийстве генеральши Медведевой. На это сочетание кино с литературой Алексей Крученых отозвался, разглядев его, пародийно-абсурдным «уголовным романом» в стихах «Разбойник Ванька-Каин и Сонька-маникюрщица» (1925). Стоит заметить, что Сонька у Юрьевского — репрезентант съемочного искусства: в одном из начальных сюжетов фильма она представлена зрителю с фотоаппаратом в руках перед витриной, на которой лежит дорогое ожерелье (оно будет подменено подделкой).
- 6 Еще раз чеховский «Роман с контрабасом» был экранизирован в 1926 году в Германии Александром Разумным в фильме «Лишние люди» (об этом кинопроизведении см. подробно: Урупин И. *Фотогения и семиотика в экранизациях русской классики в 1920-х годах* // *Киноапофатика* / Под ред. Л.Д. Бугаевой. СПб.: Петрополис, 2018. С. 102–110). В своей увязке с природой кинематографии воровство становилось одной из тех тем, которыми определялся репертуар фильмических ремейков (точно так же в 1940 году был переснят в цвете «Багдадский вор» Уолша). Ремейки выносят оправдательный приговор плагиату, посягательствам на интеллектуальную собственность.

канатом, поднимающимся – к изумлению зрителей – с земли, подобно шесту). Играющий хваткого плута Дуглас Фэрбенкс полуобнажен – он оппонирует облекающемуся после грехопадения в одежды Адаму (а заодно, будучи ненаказанным, – и брошенным в ров голыми ворами в дантовском аде). Проведший параллель между виртуозными кражами и фильмическим мастерством в изображении невероятных ситуаций⁷, «Багдадский вор» закономерно сделался источником для заимствования, предпринятого в кинопроизведении с совсем иной, чем воровская, тематикой: полет на ковре над городом у Уолша был апроприирован – *mutatis mutandis* – Григорием Александровым в героической комедии об ударнице социалистического труда «Светлый путь» (1940), где в финальной, как и в оригинале, сцене героиня парит над Москвой в автомобиле (илл. 1, 2).

ИГОРЬ СМЕРНОВ
КИНОИСКУССТВО
И ИСКУССТВО КРАЖИ

Илл. 1, 2. Заразительное воровство: ковер-самолет из «Багдадского вора», ставший автомобилем в «Светлом пути».

⁷ Согласно Жан-Пьеру Вернану, миф творения дублирует *physis*, не предлагая технического решения проблемы генезиса (VERNANT J.-P. *Mythe et pensée chez les Grecs. Études de psychologie historique, II*. Paris: Maspéro, 1971. P. 101 ff). К этому наблюдению следует добавить, что *techné*, однако, включается в мотивный репертуар мифов о притязании на принадлежащее демиургу, в которых фигурируют такие цивилизационные средства, как огонь или наряд: «И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные, и одел их» (Бт. 3: 21).

Прощающий воровство фильм ищет его идеальную форму, которую противопоставляет прочим его видам, подлежащим в сравнении с ней осуждению. В комедии Чарли Чаплина «Администратор универмага» («The Floorwalker», 1916)⁸ заглянувший в торговый центр бродяга бесцеремонно пользуется лежащим на прилавке бритвенным набором, возвращая вещи на место, с чем контрастирует злокозненное воровство – массовая kleptomania покупателей, попытка директора магазина украсть выручку, ограбление директора-растратчика его пособником, распорядителем продаж. Оборванец Чарли, сторонник анархо-коммунистической утопии, демонстрирует зрителям, как можно было бы избежать ущерба от воровства, которое процветает в собственническом рыночном обществе, если бы материальные блага принадлежали сразу всем и каждому. Присвоение чужого декриминализуется и в других лентах Чаплина. В «Мальше» (1921) герой подбирает на улице и затем воспитывает ребенка, выброшенного ворами из украденного ими автомобиля.

В зондировании того, как преподнести кражу удовлетворяющей правовое сознание, киноискусство извещает нас о ее реверсируемости, самоотрицании. В «Генерале» (1926) Бастера Китона она, удваиваясь, перерастает из хищения имущества в его возвращение законному владельцу: угнанный северянами у южан во время гражданской войны в США паровоз угоняется снова – на этот раз его машинистом, доставляющим свой трофей в лагерь конфедератов. Обе враждующие стороны, хочет сказать нам создатель фильма, как бы они ни были непримиримы друг к другу, одинаково охотятся во взаимном преследовании за тем объектом, который зарождавшийся в прославленной ленте братьев Люмьер «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота» (1896) кинематограф нашел для того, чтобы заявить свое отличие от фотографии, фиксирующей мир в застылом состоянии. («Генерал» подтверждает это отталкивание динамической визуальности от статической: перед началом паровозных погонь машинист Джонни Грей дарит возлюбленной фотоснимок своего локомотива.)

Подводя в 1931 году, на заре звуковой эры в кино, итог до того явленному на экране воровству, фарсовый фильм «Украденные драгоценности» (поставленный Уильямом МакГэнном совместно с другими режиссерами) рассказывает о пропаже на ежегодном голливудском празднике бриллиантов актрисы Нормы Шерер. Подозрение в воровстве падает на всех участников бала, представленных в фильме голливудскими знаменитостями – Стэном Лорелом, Оливером Харди, Бастером Киттоном и многими другими. Киноиндустрии в целом недостает

8 Я уже анализировал однажды этот фильм: Смирнов И. *Киноунивермаг: как фильм программирует зрителя* // *Кинематография желания и насилия* / Под ред. Л.Д. Бугаевой. СПб.: Петрополис, 2016. С. 34–35.

здесь алиби. Но инкриминированная ей преступность нейтрализуется. В финале драгоценности передает инспектору полиции девочка, нашедшая коробку с ними, оставленную без присмотра на балу. (Голливудский фильм пародирует концовку «Голема, как он пришел в мир» (1920) Карла Бёзе и Пауля Вегенера, где ребенок обезвреживает ставшего опасным робота: киноиндустрия аттестуется, таким образом, как производство, фабрикующее искусственного человека.) Как бы прочно ни был сцеплен киномедиум с кражей, воровство в нем – внушают нам «Украденные драгоценности» – теряет свое сугубо отрицательное значение.

Если похищение объектов владения так или иначе обеляется фильмом, который обнаруживает в качестве аппаратного искусства общность с требующим изощренного технического умения воровством, то разбой, соединяющий кражу с физическим насилием, выступает на экране, как правило, подвергнутым непреложному отрицанию. Первый же фильм о налетчиках – «Большое ограбление поезда» (1903) Эдвина Портера – карает грабителей, не останавливающихся перед убийствами, смертью. В «Бродяге» («The Tramp», 1915) Чарли Чаплина главному герою картины удается защитить дочь хозяина фермы, а затем и ее отца от разбойного нападения. Насилие само по себе всегда было и остается в центре внимания киномедиума, один из важных разделов которого – жестокое кино (*cinema of cruelty*). В свою немую пору фильм восполнял таким способом отсутствие звука, заставляя посетителей киносеанса быть не только наблюдателями экранного действия, но и сопереживать его телесно, побуждая их посредством устрашения к соматической реакции на кинопоказ, к замиранию и содроганию. Раннее кино программировало зрителей как реагирующих на экранную пантомиму мимически же, пусть только и в их воображении. Многожды интерпретировавшийся заключительный кадр в «Большом ограблении поезда» с крупным планом бандита, нацеливающим револьвер в зрителей, имеет среди прочего тот смысл, что являет собой самотолкование, предпринимаемое фильмом, который объясняет нам, зачем он обращается к изображению насилия: затем, чтобы повергнуть реципиентов в трепет, вселить в них *tremendum*, как если бы они предстали перед лицом грозного божества⁹. На-

ИГОРЬ СМЕРНОВ
КИНОИСКУССТВО
И ИСКУССТВО КРАЖИ

9 Кинонасилие, наводящее страх на зрителей, вряд ли способно быть тем орудием катарсиса, которое исцеляющим образом отвлекает их от фактических социальных конфликтов, переводя подобного рода ситуации из реальности в сферу воображения, как иногда полагают (см., например: ANRENS J. *Einbildung und Gewalt. Film als Medium gesellschaftlicher Konfliktbearbeitung*. Berlin: Berz + Fischer, 2017. S. 21 ff). Не следует также думать, что увлечение насилием происходит из внутренней организации киномедиума. Так, Рольф Шнель считает, что оно коррелятивно соотносено с принципом монтажа (SCHNEL R. *Gewalt als Problem filmischer Ästhetik* // ИДЕМ (Hrsg.). *Gewalt im Film*. Bielefeld: Aisthesis Verlag, 1987. S. 7–15). Но, как свидетельствует «Большое ограбление поезда», насилие проникает на экран еще до того, как параллельный монтаж будет

следующее архаической ломке ритуала, упразднявшей загробное царство, воровство, отнимающее не только собственность, но и жизнь ее владельцев (впрочем, здесь и сейчас, а не там и потом, как в древности), сразу и получает отпор в киноискусстве, и неудержимо притягивает его к себе, входя в состав той стратегии, которую оно разрабатывает, дабы добиться максимального эстетического воздействия на своих потребителей. Своей кульминации установка на встряску адресатов достигала в фильмах ужаса вроде «Кабинета доктора Калигари» (1920) Роберта Вине.

Воровство, отнимающее не только собственность, но и жизнь ее владельцев, сразу и получает отпор в киноискусстве, и неудержимо притягивает его к себе, входя в состав той стратегии, которую оно разрабатывает, дабы добиться максимального эстетического воздействия на своих потребителей.

Внедрение звука в кинозрелище не снизило уровня насилия, поставляемого на экран. Напротив, аудиовизуальный медиум получил возможность усилить шоковый эффект, вызываемый в кинозале брутальными сценами. По меткому суждению Стивена Принса, звук позволил передать на экране (в крике и столах) присутствие боли¹⁰, сделав тем самым причастность реципиентов к происходящему на их глазах насилию более полным, чем раньше. Завоевав эту законченность в достижении цели, фильмическое насилие стало подчеркнуто отделяться от воровства, замыкаться на себе, выступая в виде не-приобретения, чистой траты (я имею в виду не строгое правило, а тенденцию). Кража у русского генерала бесценной статуэтки в «Мальтийском соколе» (1941) Джона Хьюстона – пустое действие, не приносящее охотникам за ней никакой выгоды, поскольку, как выясняется, похищен не оригинал, а ничего не стоящая копия изготовленной из золота и усеянной драгоценными камнями птицы. Сама кража, о которой мы узнаем лишь со слов персонажей, отодвигается у Хьюстона на второй план, на первый же (наблюдаемый) выходят разные формы насилия, которое первой развязывает Бриджид О’Шонесси, застрелившая в начале

с ошеломительным успехом применен Дэвидом Гриффитом в «Рождении нации» (1915). Скорее монтаж, рвущий на куски последовательное изложение событий на экране, отражает в себе склонность фильма к воспроизведению насилия, а не наоборот. Во всяком случае у Гриффита монтаж пускается в дело там, где «Рождение нации» информирует нас о насилии.

10 PRINCE S. *Classical Film Violence. Designing and Regulating Brutality in Hollywood Cinema, 1930–1968*. New Brunswick; London: Rutgers University Press, 2003. P. 67 ff.

киноповествования Майлза Арчера, партнера частного сыщика Сэма Спейда (Хамфри Богарт), главного героя фильма, влюбляющегося в преступницу. Аналогично в «Бешеных псах» («Reservoir Dogs», 1991) Квентина Тарантино гангстеров, чей план выдает замешавшийся в их ряды тайный агент полиции, ждет во время ограбления ювелирного заведения засада – фильм сосредотачивается в основном на последствиях этой неудачи, подытоживаемой насильственной смертью большинства членов банды, в которой был посеян разлад. На свою вершину жестокость в фильме Тарантино поднимается в сценах пыток, которым подвергает взятого в плен полицейского гангстер по кличке Блондин (Майкл Мэдсен). Отрезание полицейскому уха совершается под музыку (Блондин включает запись зонга «Stuck in the Middle with You») и сопровождается танцем изверга. Перед нами не просто эстетизация насилия¹¹, но его превращение в *Gesamtkunstwerk*. Придав травмированию зрительской психики завершенный характер, кино закономерно постаралось центрировать на калечении тела синтез искусств, которому Рихард Вагнер предназначал увенчать их историческое бытование и который принял в приложении к насилию пародийно-ироническую окраску.

Инсценированный аудиовизуально тотальный разгул насилия может контрастировать в кино с отбрасывающим нас к его немому периоду гашением звука при показе кражи без пролития крови. В выдающемся фильме-нуаре «Стычка» («Rififi», 1955) Жюль Дассена ограбление ювелирной лавки, длящееся на экране ни много ни мало 26 минут, проходит в полной тишине. Этому эпизоду предшествует сцена, в которой грабители в мельчайших деталях опробуют свою будущую акцию, причем самой каверзной задачей, какую им надлежит решить, оказывается выведение из строя звукового сигнального механизма, защищающего лавку (трюковый выход из затруднительного положения находит глава группы Тони, предлагающий залить сирену пеной из огнетушителя). Прослеживая репетицию ограбления и погружая зрителей в его технологию, Дассен явно отождествляет его с постановкой фильма, отводя Тони роль режиссера, отыскивающего возможность реализовать сценарий, несмотря на как будто непреодолимое препятствие. Воровство, сделавшееся аналогом кинопроизводства, становится творческой работой, подобием, а не расточительным вырождением демиургического труда. Это креативное начинание обесмысливается у Дассена – после того, как экран снова делается звучащим, – в серии насильственных действий (включая киднеппинг), вызванных попыткой соперника Тони

ИГОРЬ СМЕРНОВ

КИНОИСКУССТВО
И ИСКУССТВО КРАЖИ

11 KAUL S. *Ästhetisierte und medienreflexive Gewaltdarstellung bei Kubrick, Tarantino und Haneke* // PREUSSER H.-P. (Hrsg.). *Gewalt im Bild. Ein interdisziplinärer Diskurs*. Marburg: Schüren Verlag, 2018. S. 298–299.

в любовных делах, хозяина кабаре «Золотой век», отнять добычу у похитителей драгоценностей. В результате кровавого конфликта гибнут все криминальные участники драмы. Раздвоение криминальной аферы на репетицию и, так сказать, премьеру будет стереотипным для воровских фильмов (так, к примеру, строит свой развлекательный боевик «Западня» («Entrapment», 1999) режиссер Джон Эмиел).

Воровство, сделавшееся аналогом кинопроизводства, становится творческой работой, подобием, а не расточительным вырождением демиургического труда.

2

Возмущая систему бывших узаконенными искусств, народившееся кино стало эстетическим образованием, спроецировавшим свою зависимость от аппаратуры на планы содержания и выражения фильмов и поставившим тем самым во главу угла *modus operandi*. Репрезентированные на экране тела – одновременно собственность и их владельцев, и кинокамеры, воспроизводящей то, что происходит на съемочной площадке. Переход собственности из рук в руки, в том числе, если не в первую очередь, воровство, был изоморфен такому предзаданному фильмам двойному правообладанию. В сопоставленности с этой техноэкзистенциальной ситуацией насилие над телами, угрожающее их существованию либо прекращающее его, подрывает, с одной стороны, конститутивный для киноискусства принцип двойного правообладания, а с другой – соответствует диктату видеомашины, отчуждающей плоть от самости. Снисходительное отношение фильма к воровству оборачивается применительно к физическому насилию обличительным упоеванием таковым. Господствующий в фильме *modus operandi* не подавляет здесь *modus vivendi* – тот и другой формируют внутренне противоречивое единство: бытующий может потерять свои субституты, но желательно, чтобы он не был вышиблен из бытия, пусть даже камера и стремится распоряжаться сущим. Деидентификация обладателя вещей контрарна в кино телесной деидентификации (если последняя не знаменует собой возмездие за злодеяние, что оценивается положительно).

Как бы ни хотелось фильму заставить зрителей содрогнуться, в кино формируется даже особый жанр (я имею в виду вестерн), специфика которого состоит в том, чтобы засвидетельствовать, что насилие, пусть хотя бы и локально, может быть безвозвратно искоренено, претерпевая «конец в самом себе», как выра-

зился Ли Кларк Митчелл¹². В отдельных случаях кино подразумевает, что оно вовсе отрекается от насилия. Во французском фильме с английским названием «Pickpocket» («Карманник», 1959) режиссер и сценарист Робер Брессон, отдаленно следуя сюжету романа Федора Достоевского «Преступление и наказание», переиначил убийцу двух женщин Раскольникова в вора, действующего по нужде, дабы помочь больной матери¹³. В своей подоплеке этот фильм отвергает жестокость как предмет художественного исследования. Заботясь о чужом ребенке, втянувшийся было в кражи, Мишель готов начать честную жизнь (девиантность вора, согласно Брессону, обратима, может быть искуплена его самоотдачей), и только рецидивное нарушение закона становится для героя фильма роковым – его хватает полиция. Брессон не преминул раскрыть приемы карманных краж в кадрах, в которых опытный вор обучает Мишеля своему мастерству. Покоящийся на различении видимого и невидимого и стремящийся сообщить динамической визуализации действительности максимальный охват киномедиум еще и потому прельщается воровскими историями, что они предоставляют ему возможность сделать незаметную для жертв кражи пропажу вещей наглядной для зрительного зала.

Прибавление звука к зримому образу выявило самоотчуждаемость экранного тела, удаляющегося от себя в голосе. Это обстоятельство побудило Рене К्लэра установить в своем первом звуковом фильме «Под крышами Парижа» (1930) эквивалентность между вором и исполнителем песен (олицетворяющим собой и вообще авторство¹⁴): во время выступлений уличного певца Альбера перед толпой карманник обчищает его слушателей. Клар не просто регистрирует, но и подчеркивает равносильность отторжения собственности у ее хозяев и артистического владения голосом (который – значимым образом – подхватывается в хоровом пении, покидает индивида и передается от него коллективу): по ходу сюжета полиция ошибочно принимает Альбера за его приятеля-вора и заключает певца в штрафной изолятор. Опасность быть безвинно наказанным подается в фильме как незначительная; подлинно рискованна для Альбера поножовщина, затеянная на все готовым главарем воровской шайки Фредом, но насилие предотвращается другом певца Леоном. Найденный в «Под крышами Парижа» смысло-

ИГОРЬ СМЕРНОВ
КИНОИСКУССТВО
И ИСКУССТВО КРАЖИ

12 MITCHELL L.C. *Violence in the Film Western* // SLOCUM D.J. (Ed.). *Violence and American Cinema*. New York; London: Routledge, 2001. P. 181.

13 О соотношении романа и его экранной адаптации см. подробно: Лысаков П. *Достоевский, деньги и кино в «Карманнике» Робера Брессона* // *Кино и капитал. Альманах Центра исследований экономической культуры* / Под ред. А.А. Погребняка, Н.М. Савченковой. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара, 2019. С. 155–168.

14 Как обработку мифа об Орфее я анализировал фильм Клар в другом месте: СМЕРНОВ И. *Архетипы и история*. Бостон; СПб.: Academic Studies Press, 2024. С. 406–408.

вой ход Клэр с некоторыми изменениями повторит в следующем своем фильме «Миллион» (1931). Вор-патриарх по кличке Тюльпан крадет у художника Мишеля пиджак, не ведая, что в пиджачном кармане лежит выигрышный лотерейный билет. Потрепанный пиджак покупает в комиссионном магазине, торгующем краденым, тенор Амброзио Сопранелли, который ищет подобающий наряд, чтобы выйти на сцену в опере «Богема». Как и в «Под крышами Парижа», певец в «Миллионе» параллелен вору, надевая на себя украденную одежду (вместе с лотерейным билетом она возвращается Тюльпаном на исходе фильма Мишелю).

В той степени, в какой фильм, отходя от ранних фониических экспериментов (от искусства в-себе), старался доказать свою верность социальной действительности, он выставил вора в парадоксальном освещении, так что тот оказывался сходным со своим антиподом. Опрокидывание киномедиума, претендующего на совластие над экранным телом, в действительность, в принципе противоположную манипулятивному видению мира съемочной камерой, влекло за собой сопоставление воровства с тем, что было полярно ему, озеркаливало его. Такое совмещение несовместимого стало устойчивой чертой в изображении мелкой преступности итальянским неореализмом. В «Полицейских и ворах» (1951) режиссеров Стено (Стефано Ванцини) и Марио Моничелли мошенник Тото (одурачивающий интересующихся нумизматикой американцев, возможно, взяв себе в пример «Фальшивую монету» Шарля Бодлера) и преследующий обманщика сержант Боттони сходятся друг с другом, поощряемые ко взаимной симпатии их семьями. Тото объявляет, в конце концов, что готов сесть на три-четыре месяца в тюрьму, чтобы спасти полицейского от дисциплинарного взыскания за упущенного им во время погони вора. Фильм Роберто Росселини «Генерал Делла Ровере» (1959) рассказывает о вымогателе и самозванце Эмануэле Бардоне, выдающим себя за полковника Гримальди (роль авантюриста исполняет Витторио Де Сика – кому как не известнейшему кинорежиссеру и следовало перевоплощаться в вора!?), чтобы обирать родственников тех, кто попал в гестапо по подозрению в участии в сопротивлении немецкой оккупации. В свой черед очутившись в тюрьме, Бардоне героически гибнет, войдя в навязанный ему оберштурмбанфюрером Мюллером образ одного из руководителей сопротивления – Делла Ровере. В фильме самого Де Сика «Похитители велосипедов» (1948) зеркальная симметрия, соотносящая вора и его некриминального двойника, принимает такой вид, что преступником оказывается жертва ограбления. Но в изображенном Де Сика мире невозможной убыли и нехватки попытка расклейщика афиш Антонио Риччи

вернуть себе украденный велосипед с помощью того же воровства заканчивается ничем.

Погружение киномедиума в политико-социальную реальность могло реверсироваться, забираться фильмом назад. Комедия Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля» (1966) воссоздает близость правонарушителя и стража закона, известную по «Полицейским и ворам». Однако в фильме Рязанова благородный угонщик автомобилей Юрий Деточкин (Иннокентий Смоктуновский), карающий несправедливо обогатившихся и жертвующий выручку от преступлений детским домам, и ведущий его дело следователь Максим Подберезовиков (Олег Ефремов) добавляют к своим главным занятиям одинаковое увлечение искусством – оба участвуют как актеры в постановках народного театра. Вплетая в сюжет мотив артистической натуры вора и подавая театр как аналог состязания сыщика с преступником, Рязанов оборачивает фильм лицом к пойезису, к художественной условности демонстрируемого на экране. В сходной манере превращен в авторефлексию искусства и воровской сюжет в комедии Уильяма Уайлера «Как украсть миллион» (1966). За воровской промысел принимается здесь тот, кому надлежит с ним бороться, – частный детектив Саймон Дермот (Питер О’Тул), специалист по поиску украденных произведений живописи. Увлечшись Николь (Одри Хепбёрн), дочерью изготовителя художественных подделок, Саймон решается выкрасть с выставки одну из этих фальшивок – «Венеру», изваянную якобы Бенвенуто Челлини. Представленный на всеобщее обозрение фальсификат должен быть застрахован и, соответственно, подвергнут экспертизе на аутентичность, что неизбежно повлекло бы за собой разоблачение отца Николь. Совершая кражу, детектив выказывает чрезвычайную изобретательность: он использует детский бумеранг, чтобы заставить охранников отключить сигнализацию, вводит с помощью магнита извне ключ в замочную скважину запертой снаружи двери, за которой сидит в ловушке, и так далее. Особенно успешен и умен в воровстве, по Уайлеру, знаток, способный отличить художественный подлинник от подделки, ценитель изобразительного искусства. Кража выступает в «Как украсть миллион» подобием магии, преобразовавшейся в техническое умение (Николь видит в Саймоне волшебника). Так же, как воровство в мифе было вторично касательно миротворения, архаические общества постольку верили во «всесилие мысли» (Зигмунд Фрейд), поскольку оно наследовало демиургическому чуду. Между магией и кражей была проложена связь, которую принято называть (по Людвигу Витгенштейну) «фамильным сходством», что фильм интуитивно уловил и реконструировал уже на раннем этапе своей истории. Возможно, с оглядкой на пересечение ролей факира и

ИГОРЬ СМЕРНОВ

КИНОИСКУССТВО
И ИСКУССТВО КРАЖИ

жулика в «Багдадском воре» в «Чертовом колесе» (1926) Георгия Козинцева и Леонида Трауберга демонический фокусник (Сергей Герасимов) из Народного дома оказывается по совместительству предводителем налетчиков.

Киноэстетика – внутренне подвижная система, семантические узлы которой наделены, с одной стороны, постоянным ценностным содержанием, но, с другой – поддаются ревалоризации, зависящей от того, в какую комбинацию с другими смысловыми комплексами они втягиваются. В оппозиции к физическому насилию кража для кино – более или менее безобидный проступок. Но, если она обуславливается в кинопроизведении кризисом общества, дюркгеймовской аномией, болезненным расстройством социального порядка, ее квалификация делается отрицательной (хотя и сохраняет в себе некий след той завоженности, с какой фильм обычно вглядывается в воровство). В «Воре» (1997) Павла Чухрая захват чужого достояния вписан в исторический контекст, который складывается из послевоенных бедствий в советской стране и финального регресса сталинского режима (основное действие фильма приурочено к 1952 году). Вор-домушник Толян умело маскируется под боевого офицера (фильм не порывает с традицией, обязывавшей кино ассоциировать воровство с артистизмом) и становится для главного персонажа картины, шестилетнего Сани, «заместителем» отца, погибшего на фронте. Толян – воплощение подмены, неаутентичности, потери ролевой определенности, характерной для общества в момент слома его устойчивого состояния. Чем далее заходило развитие киномедиаальности, тем более она, бывшая когда-то революционным обновлением искусства, направляла внимание на периоды истощения исторической энергии, испытывая опасение и самой стать исчерпанной. Порыв ребенка возместить безотцовщину рушится, когда он узнает, чем на самом деле занимается мнимый офицер, и когда тот заставляет его самого принять в качестве форточника участие в квартирной краже. В отместку повзрослевший Саня убивает случайно встреченного им Толяна. В фильме об украденном детстве – даре жизни – Павел Чухрай трактует воровство как противодаяние (каково оно и есть в своей сущности): чтобы обчистить коммунальную квартиру, Толян дарит населяющим ее жильцам билеты в цирк и, пока их нет дома, умыкает их немудреный скарб. Непростой по семантическому строю фильм Чухрая прототипически соотносит лжедарителя с зиждителем и вождем тоталитарного государства: «Отец он мне», – говорит о Сталине Толян¹⁵. В связи с кризисно-пере-

15 В контексте, в котором уголовщина скрепляется с мотивами дарения и его отрицания, фильм и в прочих случаях отказывается снимать вину со своих криминальных протагонистов. В «Мошенниках» («The Grifters», 1990) Стивена Фрирза (и продюсера Мартина Скорсезе) зарабатывающая аферами на скачках мать уби-

ходными этапами в историческом движении общества остается заметить, что они на деле попустительствуют росту противоправного поведения, запечатлевающего в себе примат индивидуальной воли над поколебавшимися социальными установлениями. Когда фильм преследует цель прежде всего объективно отразить эти обстоятельства с некоей внешней по отношению к ним позиции (а не с внутренней, занятой Чухраем), он избегает порицания в адрес похитителя чужого добра, подхватывая регулярную для кино пощадку воровства. В «Москве» (2000) Александра Зельдовича (сценарий этой кинокартины написал Владимир Сорокин) герой, присвоивший себе часть противозаконно переправляемых за границу денег, одерживает победу над их собственником Майком, свежее испеченным предпринимателем-утопистом, надеющимся, что Россия войдет в полосу процветания.

ИГОРЬ СМЕРНОВ
КИНОИСКУССТВО
И ИСКУССТВО КРАЖИ

Чем далее заходило развитие киномедиальности, тем более она, бывшая когда-то революционным обновлением искусства, направляла внимание на периоды истощения исторической энергии, испытывая опасение и самой стать исчерпанной.

Неизменную (а не историко-ситуативно мотивированную, как в «Воре» Чухрая) отрицательную оценку отторжение собственности получает там, где оно неотличимо от физического насилия, не просто сопровождается им, а с ним совпадает, – в тех случаях, когда фильм обращается к теме заложничества. Взятие в заложники отнимает у жертв последнее имущество – владение телами по собственному желанию и разумению. В одной из первых лент такого плана, «Часах отчаяния» (1955) Уайлера, трое сбежавших из тюрьмы заключенных заневоливают в доме на окраине Индианаполиса семейство Дэниэла Хилларда (Фредрик Марч) в ожидании денег, которые должна привезти им невеста их заводилы Глена Гриффина (Хамфри Богарт). Фильм Уайлера зиждется на идее обмена ролями: незаконно освободившиеся узники лишают свободы тех, кому она дана по праву; в свою очередь ставший невольником, Дэн берет, благодаря смекалке, верх над своими порабощателями. Негативный обмен, вершимый преступниками, сталкивается с позитивным – с самозащитой заложника, которая делает Глена беззащитным (его пистолет разряжен) перед полицией, окружившей дом.

вает сына, унаследовавшего ее криминальные способности; перед этим она навязчиво повторяет, что его жизнь – это ее подарок, и пытается оплатить его счета.

Узурпирование тел дает фильму повод заняться самокритикой. Лента Дона Сигела «Вторжение похитителей тел» (1956) рассказывает, как инопланетяне завладевают плотью землян, чтобы превратить людей в послушные орудия злой космической воли. Теряя жизнь (в мертвых подобиях) и вновь обретая ее в виде механических исполнителей заданий, навязанных извне (проходя через своего рода обряд инициации), жертвы эксперимента сходятся с актерами в кино, чья сценическая игра на съемочной площадке попадает в подчинение камере и обрабатываемому отснятый материал режиссеру. «Вторжение похитителей тел» допустимо толковать и социально-политически (как предупреждение об опасности, которую влечет за собой тоталитарная нивелировка индивидуальностей), и эстетически (как обвинение в киднеппинге, брошенное искусству фильма в фильме же). Второе прочтение предпочтительней, ибо спасение от космического зла если и возможно, то только за рамками киноповествования: в его открытой концовке зрителям лишь обещают, что повальному распространению мутации из маленького калифорнийского городка (эта холмистая местность – аналог Голливуда) должна будет помешать федеральная полиция. Перед тем, как прийти к завершению, «Вторжение похитителей тел» показывает развозку по всей Калифорнии гигантских бобовых стручков, из которых вываливаются трупы (вероятно, Сигел напоминал зрителям об описании царства мертвых в «Бобке» Достоевского). В самом фильме, творящем суд над кинотехнологией, та сила, которая прекратила бы переделку человеческих тел, отсутствует.

Раз киномедиум может понимать себя как подобие киднеппинга, не удивительно, что фильм в процессе эволюции движется к тому, чтобы вложить двойную оценку в тему заложничества, поначалу бывшего для него чистым беззаконием. Где самокритика, там и самооправдание – ее диалектико-исторический переворот. В кинокартине Ридли Скотта «Все деньги мира» (2017) тройка калабрийских бандитов, похитивших внука нефтяного короля Пола Гетти, тоже Пола, отнюдь не сплошь отталкивающе неприемлема в своем поведении, как те же по числу преступники в «Часах отчаяния». Один из злоумышленников по кличке Чинкванта (Полтинник), испытывая симпатию к юному заложнику, однажды дает ему возможность бежать из-под стражи (попытка вырваться на свободу заканчивается неудачей) и затем спасает его от верной смерти. Вину за невзгоды, которые приходится терпеть Полу-младшему, разделяет с его притеснителями Пол-старший, расчетливый скупец, дорожающий своей коллекцией изобразительного искусства более, чем жизнью любимого внука. Полемика Скотта с обычным в кино подходом к киднеппингу проводится на фоне многочисленных

отсылки к фильмам, посвященным взятию заложников и воровству. Гейл Харрис, мать подростка, попавшего в беду, вызывает в полицию, чтобы опознать его труп, – на самом деле под приподнятым покрывом покоятся останки одного из бандитов, угрожавшего Полу-младшему и застреленного поделеньником. Этот эпизод перекликается с одной из сцен во «Вторжении похитителей тел», в которой доктор Майлс Беннелл осматривает неизвестное тело, неведомо как очутившееся в доме его друга Джека Белисека (илл. 3, 4). Оно, копия Джека (в обоих фильмах мертвое находится в ложном двойничестве с живым), доставлено на Землю инопланетянами – Пол-младший хвастливо сравнивает себя с внеземным существом. Отрезание уха Полу по приказу босса ндрангеты (во власть этой криминальной организации юный заложник попал после того, как полиция разыскала первоначальное укрытие, где он был заточен) повторяет истязания полицейского, захваченного в «Бешеных псах» гангстерами. К сюжету фильма «Как украсть миллион», а заодно и к «Мальтийскому соколу» Скотт отправляет нас, включая в передаваемую им на экране историю мотив подложной художественной ценности: Пол-старший дарит своему внуку фигурку Минотавра (она темного цвета, как и драгоценный

ИГОРЬ СМЕРНОВ
КИНОИСКУССТВО
И ИСКУССТВО КРАЖИ

Илл. 3, 4. Обманчивое сходство мертвого с живым: опознание трупа во «Вторжении похитителей тел» и во «Всех деньгах мира».

Илл. 5, 6. Две подделки
черного цвета: сокол
Джона Хьюстона и Мино-
тавр Ридли Скотта.

фетиш в криминальном кинорассказе Хьюстона), выдавая ее за античный раритет; в поисках денег для выкупа Гейл пробует продать в Риме (там же, где разыгрывается действие в картине Уайлера) статуэтку, которая оказывается дешевым сувениром (илл. 5, 6).

Чрезвычайная отзывчивость позднего фильма с воровской тематикой на предшествовавшие ему ленты сходного плана являет собой сразу и апологию киномедиума, и сигнал, предупреждающий о его возможном истощении в повторях. Набор комбинаций, в которых воровство сочетается с соприродными ему действиями, вообще говоря, ограничен, и, стало быть, лимитированы также созначения, модифицирующие его. Феноменально оно не может оскудеть в фильме, но в своей ноуменальности не позволяет трактовать себя в бесконечном числе версий.

Вышедший на экраны накануне событий 1968 года фильм «Вор» (1967) Луи Маля глорифицировал происходящего из зажиточной семьи грабителя Жоржа Рандалья (Жан-Поль Бельмондо), который выравнивает постигшую его несправедли-

вость, изымая богатства у буржуазного общества так же, как сам был лишен капитала из-за плутовства своего дяди Урбана. Жорж устраивает свои воровские проделки одно время в паре с аббатом Феликсом ла Маржелем. Смена статусного (по рождению ли, по принадлежности ли к церковной иерархии) положения в обществе на полное выпадение из нормы рисуется Малем как рискованный, но все же более органичный и более допустимый вид поведения, нежели попытка насильственного анархо-террористического подрыва застывшего социального строя в конце XIX столетия, когда происходит действие фильма (который, стоит заметить, переворачивает формулу Прудона, отождествлявшего собственность с кражей, так, что кража становится собственностью кино). В преддверии молодежной революции, давшей старт постмодернистской эпохе, Маль перспективировал воровство, концептуализовал его на фоне борьбы (индивидуалистической vs организованной и идеологической) за будущее. В сравнительно недавнем фильме «Король воров» (2018) Джеймса Марша ограбление хранилища драгоценностей и денег в Хаттон-Гардене, напротив того, отбрасывает нас в прошлое, будучи осуществленным отошедшими от дел, состарившимися преступниками. Дележ добычи ведет к раздору в группе взломщиков, кража века завершается их арестом. От него спасается только молодой специалист по электронной сигнализации Бэзил, соблазнивший своих пожилых коллег на вторжение в надежно защищенное депо в Хаттон-Гардене. Киномедиум в «Короле воров» осознает исчерпанность ресурсов всегда занимавшего его воровского сюжета, ввергая своих протагонистов в обветшалость, упирая на неуспех их предприятия и откликаясь на появление многочисленных соперников кинематографии (телесериалов, стриминга, компьютерных игр, программ по обработке медиафайлов и тому подобное) в фигуре знатока новейших технологий, которому даруются свобода и будущность. Так же, как на заре своего существования кино старалось восторжествовать над традиционными искусствами, производя их «кинофикацию»¹⁶ (по терминологии Адриана Пиотровского), оно само теперь устаревает под натиском изобретений в области визуальности, переставая быть социально значимым событием и теряя семантическую вариативность. Переменчивость ушла с содержательного уровня кино, став разнообразием соревнующихся с фильмом видеомедиаальных инструментов.

ИГОРЬ СМЕРНОВ
КИНОИСКУССТВО
И ИСКУССТВО КРАЖИ

16 Надо думать, что эстетизация воровства в русской литературе 1920-х неспроста становится актуальной в ту же самую пору, когда в моду входит жанр кинороманов. В «Воре» (1926) Леонида Леонова герой гражданской войны, перевоплотившийся в легендарного грабителя, Дмитрий Векшин, сведен в пару с сочиняющим о нем роман писателем Федором Фирсовым. В стихотворении Ильи Сельвинского «Вор» (1922) лирическое «я» поэта отдано громиле, грабщему «буржуя».

Первые кинотеатры и трансформация городского пространства в Российской империи

Вера Устюгова (р. 1967) – историк, профессор кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета.

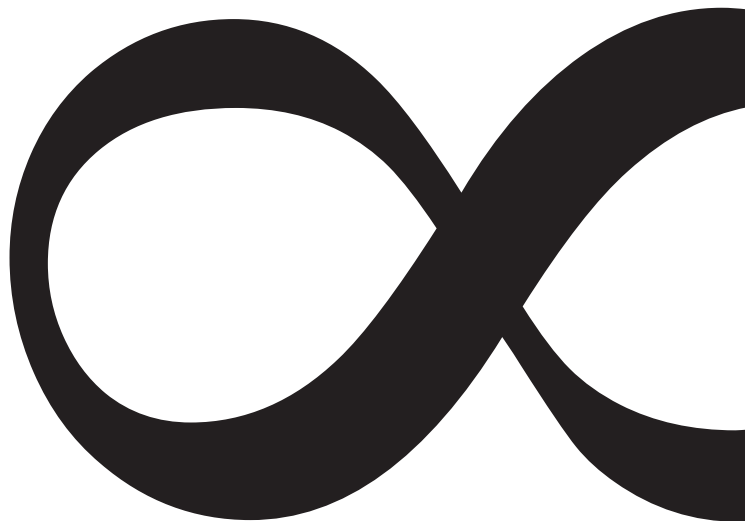
ВСТУПЛЕНИЕ

Первые синематеатры в Российской империи открывались как самые красивые здания в городах и губерниях, однако судьба этих иллюзионов сразу оказалась драматичной.

Кино первого десятилетия своего существования отвечало традиции ярмарочных площадок, цирков и театров варьете. Тип визуального удовольствия от примитивного кино относился к ненарративным жанрам; аудитория популярных представлений была привычна к менее логоцентрическим формам зрелища. Среди особенностей кинопоказов в те годы можно назвать эгалитарную рассадку, открытый в течение сеанса вход, нефильмовые мероприятия, шумную атмосферу.

Условия содержания и обслуживания временных иллюзионов отклонялись от стандартов, привычных для среднего класса. Антипатия респектабельных слоев к кино усугублялась отсутствием комфорта и качеством проекции (изображение дрожало, мерцало и так далее), банальным содержанием ранних

CASE STUDY

фильмов. Однако передовые силы в киноиндустрии стремились привлечь «приличную» аудиторию. Логика рынка стала двигаться в сторону кинодворцов и художественных фильмов: в предвоенные годы и Первую мировую формируется классическое повествовательное кино. Ранняя киноиндустрия пыталась научить публику спокойно сидеть на своих местах и смотреть фильм¹.

В данной статье мы постараемся проследить историю строительства первых кинотеатров в Российской империи, их «джентрификации» накануне Первой мировой войны, а также дальнейшую судьбу памятников киноархитектуры. Главное внимание будет сосредоточено на российской провинции. Основные источники исследования – старые фотографии, губернские газеты, дореволюционные кинематографические журналы, имевшие отделы провинциальных хроник («Сине-фоно», «Вестник кинематографии», «Прозектор»), редкие местные архивные источники, материалы Российского государственного архива литературы и искусства, Музея кино в Москве, где в фонде Вениамина Вишневецкого сохранились воспоминания кинематографистов, наблюдавших первые ростки киносети в провинции.

Модели распространения, демонстрации фильмов, зрительская оптика сегодня находятся в фокусе внимания социальной истории кино. Тема раннего кино обрела нынешний научный статус благодаря Ноэлю Бёрчу, Тому Ганнингу, Мириам Хансен, Чарльзу Массеру, Юрию Цивьяну, Томасу Эльзессеру и другим ученым². Внимание исследователей привлекли инфраструктура и социальная среда кинотеатров: рабочего класса, женской аудитории, иммигрантов, аудитории небольших населенных пунктов³. Вышло немало историй первых кинотеатров в Российской империи: в Казани, Ярославле, Пензе, Астрахани и других городах⁴.

- 1 Эльзессер Т. *Путь раннего кинематографа к повествовательному кино* (www.cinematheque.ru/post/139698/print/).
- 2 BURCH N. *Life to Those Shadows*. Berkeley: University of California Press, 1990; IDEM. *Early Cinema: Space, Frame, Narrative*. London: British Film Institute, 1990; HANSEN M. *Babel and Babylon: Spectatorship in American Silent Film*. Cambridge: Harvard University Press, 1991; MUSSEY C. *The Emergence of Cinema: The American Screen to 1907*. Berkeley: University of California Press, 1994; Цивьян Ю. *Историческая рецепция кино: кинематограф в России, 1896–1930*. Рига: Зинатне, 1991.
- 3 KOSZARSKI R. *An Evening's Entertainment: The Age of the Silent Feature Picture, 1915–1928*. Berkeley: University of California Press, 1994; FULLER K.H. *At the Picture Show: Small-Town Audiences and the Creation of Movie Fan Culture*. Washington: Smithsonian, 1997; RABINOVITZ L. *For the Love of Pleasure: Women, Movies, and Culture in Turn-of-the-Century Chicago*. New Brunswick: Rutgers University Press, 1998; STAMP S. *Movie Struck Girls: Woman and Motion Picture Culture after the Nickelodeon*. Princeton: Princeton University Press, 2000; STOKES M., MALTBY R. *Hollywood Spectatorship: Changing Perceptions of Cinema Audiences*. London: British Film Institute, 2001; BILTEREYST D., MALTBY R., MEERS P. (Eds.). *Cinema, Audiences and Modernity: New Perspectives on European Cinema History*. New York: Routledge, 2013.
- 4 СИРОТИН О.В. *В начале киновека. Кино в Пензенском крае (1896–1932 гг.)*. Пенза: Типография № 1, 2009; Луговая А.В. *Ярославские обыватели и кинематограф в начале XX в.* // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 3 (<https://cyberleninka.ru/article/n/yaroslavskie-obyvateli-i-kinematograf-v-nachale-xx-v>);

Вместе с тем не меньший интерес представляет изучение визуальной истории мест, где показывали кино. Каковы были киноархитектура, организация пространства и дизайн кинотеатров⁵, освещение и колористика иллюзионов (особенно в эру немых черно-белых фильмов), стилевые решения в оформлении плакатов и афиш, кинозала и киноэкрана? Наконец, интерес представляет сам зритель и то, во что он был одет. Еще Зигфрид Кракауэр называл кинотеатры своего времени «оптическими сказочными странами», «оптическими и акустическими калейдоскопами», «тотальным искусством эффектов», которое атакует «каждое из чувств, используя все возможные средства»⁶.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ КИНО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Стационарные кинотеатры стали массово возникать в городах Российской империи в 1907–1908 годах. Кинематографы открывались в купеческих и коммерческих клубах, в общественных и семейных собраниях, в городских зимних и летних театрах, в клубах приказчиков и народных домах, работали в пассажах и ресторанах, летом – в садах и парках. В южных городах Российской империи кино показывали на открытом воздухе: в Баку, Тифлисе, Ашхабаде, Коканде, Севастополе, Воронеже.

Синематографы работали в деревянных строениях цирков, скетинг-рингов или во временных помещениях выставок: Южно-русской в Екатеринославе, Спортивно-промышленной выставки в Варшаве, на ярмарках Нижнего Новгорода, Иваново-Вознесенска, Ирбита. Такие временные постройки могли вмещать значительное число зрителей. Например, кинематографический журнал «Сине-фоно» писал, что в 1909 году во время двухнедельной ярмарки в Иваново-Вознесенске работала «туча элек-

Зубатенко И.Б. *Кинематограф в структуре городского досуга в конце XIX – начале XX веков* (по материалам Ярославской губернии) // *Музей в культурном пространстве исторического города: материалы научной конференции, 20–21 ноября 2014 г.* Углич, 2017 (https://clib.yar.ru/wp-content/uploads/2024/12/kzd_2025.pdf); Петрушкин В.К. *История астраханских кинотеатров. 1908–2016*. Астрахань; Элиста: Джангар, 2016.

- 5 Алексеева Е.П. *Интерьеры казанских кинотеатров в дооктябрьский период* // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015 (<https://cyberleninka.ru/article/n/interiery-kazanskih-kinoteatrov-v-dooktyabrskiy-period>); Рыжкова Н.В. *Историко-архитектурные особенности городских кинотеатров Удмуртии начала XX века в материалах Центрального государственного архива Кировской области* // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020 (<https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-arhitekturnye-osobennosti-gorodskih-kinoteatrov-udmurtii-nachala-hh-veka-v-materialah-tsentralnogo-gosudarstvennogo-arhiva>); Юдина Е.А. *Процесс распространения и условия открытия стационарных кинотеатров в городах Тобольской губернии в начале XX века* // Научный журнал. 2021. № 1 (<https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-rasprostraneniya-i-usloviya-otkrytiya-statsionarnyh-kinoteatrov-v-gorodah-tobolskoy-gubernii-v-nachale-xx-veka>).

- 6 KRAKAUER S. *Cult of Distraction: On Berlin's Picture Palaces* // *New German Critique*. 1926. № 40. P. 91–96.

тричек-балаганов», а громадный ярмарочный балаган вмещал чуть ли не две тысячи человек⁷.

В городах первые стационарные кинематографы открывались в частных помещениях. Владельцы сдавали в аренду дома, полностью или частично, квартиры или помещения магазинов, куда зрители попадали с общей лестницы. Целые этажи подвергались реконструкции. Вместе с тем для кинотеатров стали строить специальные здания. В 1909 году были построены здания кинотеатров в Ковно, Тифлисе, Ташкенте, Батуми, Уфе, Перми (илл. 1).

ВЕРА УСТИЮГОВА

ПЕРВЫЕ КИНТЕАТРЫ
И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Илл. 1. Астрахань.
Электротееатр «Модерн»,
фотография из журнала
«Прозектор» за 1915 год⁸.

Социальная топография распространившихся в городской застройке кинотеатров имела различия. Электротееатры отличались по своему месторасположению, обслуживанию и репутации, привлекая «простую» или «чистую» публику, «интеллигентную» или «дешевую». Так, «Пассаж» в Казани посещала публика «интеллигентная», «Олимп» являлся полудемократическим театром, располагался на бойкой Большой Проломной улице, «Свет» находился в татарской части города: «Театр –

⁷ По городам и театрам // Сине-фоно. 1909. № 24. С. 12.

⁸ См.: <https://hum.hse.ru/ditl/kino/cinema>.

маленький, плохонький, с крошечным экраном»⁹. То же можно сказать и о других городах: Пензе, Кинешме, Ярославле, Астрахани, Саратове, Баку, Грозном, Коканде. Так, в Коканде имелись три кинематографа, из них «Модерн», с общедоступными ценами, посещался «исключительно сартами»¹⁰. В Пензе «Иллюзион» был рассчитан на «уличную» публику, плата за вход составляла 10 копеек; в театре Троицкого также собирался народ «низовой»; в «Аванс» чаще заглядывали обитатели верхних районов города, его владельцем была семья Цеге. В литературно-художественном салоне «футуристического», по выражению Василия Каменского, дома Цеге бывали Владимир Бурлюк, Владимир Татлин, Аристарх Лентулов, а у входа в кинотеатр «Аванс» располагалось большое панно работы Лентулова¹¹.

Динамика кинодела накануне и в начале 1910-х имела тенденцию к расширению, кинотеатры открывались стремительно и повсеместно. Они возникали не только в больших промышленных городах, центрах губерний, но также в небольших уездных городках, при заводах. Временные помещения сменялись специально построенными для показов электрическими театрами. В Российской империи кинотеатры работали с расчетом на публику по ее классовому и этническому ранжированию, имели ту или иную негласную славу среди городского населения.

АРХИТЕКТУРА И ДИЗАЙН ИЛЛЮЗИОНОВ ЭПОХИ МОДЕРНА

Только ли показом фильмов стремились произвести впечатление на зрителей владельцы новых кинотеатров? Не успели постоянные электротeatры открыться, как они стали добавлять к своей рекламе следующие сообщения: «после ремонта», «шикарное устройство», «сравнится со столичными». Мерилом благоустроенности кинотеатра считалось фойе. В залах появились ложи и покатые полы, чтобы большие шляпы некоторых зрителей не мешали остальным видеть происходящего на экране¹²; отдельные ниши для оркестров; в фойе – водяные или электрические фонтаны, мягкая мебель, зеркала, зелень, картины, статуи; в кинотеатрах играли румынские, военные, струнные оркестры. Кинотеатры открывались с кофейнями, террасами, садами, балконами; так, в саратупльских кинотеатрах

⁹ По городам и театрам // Сине-фоно. 1909. № 1. С. 12; 1910. № 2. С. 17.

¹⁰ Так в те годы называли некоторые категории оседлого населения Хорезма и Ферганской долины. В некоторых контекстах слово «сарт» могло звучать пренебрежительно и даже оскорбительно. – *Примеч. ред.*

¹¹ Сиротин О. В начале киновека. Кино в Пензенском крае (1896–1932 гг.). Пенза: Типография № 1, 2009. С. 38–39.

¹² MAGGIE H. *Women's Hats and Silent Film Spectatorship: Between Ostrich Plume and Moving Image* // Film History. 2016. Vol. 28. № 3.

с балконов открывался вид на Волгу. Владельцы иллюзионов старались удивлять публику не столько новинками кинолент, сколько отделкой и обстановкой помещений, интерьерами и дизайном, привлекать разными возможностями приятно провести время (илл. 2).

ВЕРА УСТИГОВА

ПЕРВЫЕ КИНОТЕАТРЫ
И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Илл. 2. Астрахань. Электротئاتр «Модерн», открыт в 1909 году, фасад не сохранился¹³.

В оживленном торговом городке Острогожске Воронежской губернии в электротеатре «Чары» фойе было обставлено и декорировано в персидском стиле, в Тамбове новый синематограф под названием «Большой Художественный Биоскоп» открылся на Большой улице в доме Пантелеймонова:

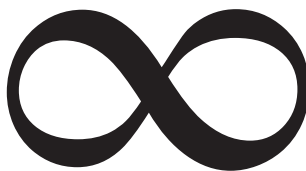
«Первое, что бросается в глаза при входе в новый театр и что составляет его гордость и украшение, – это фойе-грот. С большим умением, вкусом и оригинальностью отделаны стены, дающие полную иллюзию пещеры-грота со светящимися сталактитами, надвинувшимися скалами, ползучими растениями и просачивающейся водой. Остальная часть фойе красиво убрана пальмами и другими тропическими растениями. Посредине находится небольшой фонтан. Наконец, маленькая комната-грот для чтения газет и журналов»¹⁴.

В казанском «Аполло» по обе стороны экрана были сделаны большие белые ниши, в которых находились гипсовые статуи в человеческий рост; в Борисоглебске зал «Художественного театра» украсила картина, изображавшая Льва Толстого за плугом¹⁵.

¹³ См.: <https://dergachev-va.livejournal.com/118742.html>.

¹⁴ По городам и театрам // Сине-фоно. 1910. № 5. С. 21–22.

¹⁵ USTUGOVA V. *The Opening of Electric Theaters, or "Entr'acte de Relâche": Commerce and Control in the Entertainment Culture of the Provinces of the Russian Empire* // Apparatus. Film, Media and Digital Cultures in Central and Eastern Europe. 2023. № 16 (www.apparatusjournal.net/index.php/apparatus/article/view/283).

Все эти дизайнерские уловки применялись для дополнительных визуальных и эмоциональных эффектов, воссоздавая привычную клубную или театральную обстановку, делая кинотеатры средой благоустроенности и уюта, приспособливая для разных форм досуга.

После трагедии в Бологом в 1911 году, когда во время празднования Масленицы сгорел кинотеатр Вольно-пожарного общества и погибли люди, стали обращать внимание на пожарную безопасность зданий, комфорт и гигиену залов. В кинотеатрах появились запасные выходы, курительные комнаты, в залах устанавливались вентиляторы, делались широкие проходы между рядами.

Деревянные иллюзии

В начале 1910-х новые здания кинотеатров в Российской империи строились повсеместно. Постройки были как каменные, так и деревянные. Строительство деревянных общественных зданий было распространено в XIX и начале XX века, продолжалось в советское время. Из дерева строили театры, клубы дворянских и купеческих собраний, биржи, железнодорожные вокзалы. Яркими примерами являются Благородное собрание в Перми (постройка 1830-х в стиле классицизма по проекту Ивана Свиязева, в настоящее время отреставрирована), Городской театр в Вологде (построен в 1874–1875 годах на манер северной русской избы, театр сгорел), Городской театр в Вятке (1876–1877 годы, постройка выглядела как обыкновенный двухэтажный дом с мезонином, разобрана в 1920-е). Деревянные кинотеатры появились в Ново-Николаевске, Белостоке, Гродно, Ковеле, Старой Руссе, Тамбове, Мологе, Тюмени, Царицыне, сооружались на базарных площадях Иркутска, Астрахани, Архангельска.

Типичны для Российской империи были летние деревянные театры и клубы в городских садах: летний клуб в Александровском саду Вятки, летние театры в Видинеевском саду Уфы, в саду «Аркадия» в Астрахани, на Приморском бульваре в Севастополе, театр Соболящикова-Самарина в городском саду Екатеринодара. В основном это были театры в русском (так называемом ропетовском) стиле. В садовых театрах кинематограф демонстрировался в летние сезоны.

В Вятке, как и в других городах, электротeatры первоначально работали в Мещанском собрании, торговых рядах, частных домах. Также там были построены несколько деревянных кинотеатров¹⁶, из которых представляет интерес зимнее здание

16 Вятка – город деревянных театров (<https://tornado-84.livejournal.com/194724.html>).

«Прогресса» на Никитской улице (ныне Володарского). Несмотря на простую планировку деревянной постройки, здание содержало элементы провинциального модерна (изогнутый фронтон крыши, оформление окон в стиле «омега»). Об открытии кинотеатра газеты писали:

ВЕРА УСТЬЮГОВА

ПЕРВЫЕ КИНОТЕАТРЫ
И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

«Вчера состоялось открытие кинематографа “Прогресс” в новом, красивом, стильном, прекрасно обставленном здании, специально построенном для этих целей. Зал рассчитано на 350 мест. Высокий потолок, вентиляция, много места на наклонном полу»¹⁷.

«Новое здание значительно просторнее и удобнее летнего электро-театра. Большой и высокий зрительный зал с обилием воздуха, хорошо обставленный, позволяет и при значительном наплыве публики не задыхаться от духоты. Фойе театра просто, но не без вкуса убрано»¹⁸.

Журнал «Сине-фоно» также обращал внимание на фойе театра, украшенное искусственной тропической растительностью и красиво убранное. Театр освещался электричеством с городской станции, были освещены все комнаты и место подъезда; кинематограф выстроили с несколькими широкими выходными дверьми, каменной аппаратной будкой. При открытии театра играл струнный оркестр, в дальнейшем духовой, во время демонстрации картин – пианино, иногда оркестр. На открытой площадке, окружавшей театр, был устроен фонтан (илл. 3)¹⁹.

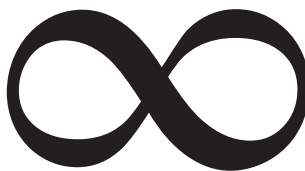
Илл. 3. Вятка. Кинематограф «Прогресс», построен в 1911 году, не сохранился²⁰.

17 Северное слово. 1911. 25 сентября. № 132. С. 3. Цит. по: МАРКОВ А.А. «Прогресс» – первый кинотеатр города Вятки // Герценка: вятские записки (https://herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number5&ELEMENT=gerzenka5_2_6).

18 Вятская речь. 1911. 28 сентября. № 207. С. 3. Цит. по: Там же.

19 По городам и театрам // Сине-фоно. 1911. № 3. С. 24; 1912. № 21. С. 24.

20 См.: <https://rodnaya-vyatka.ru/blog/7967/129876>.

В 1913 году в Вятке открылся «Колизей» с двумя затейливыми башенками, балконами, деревянной аркой с вывеской и афишами. Внутри, по воспоминаниям современников, кинотеатр был оформлен богато. Выпускница Вятской женской гимназии писала в своем дневнике:

«Село Коковалово, мы приехали сюда вчера, и на новоселье мне снились странные, причудливые сны. Я видела себя и Тоню Малышеву в зале нашего нового кинематографа, нового, диковинного»²¹.

В Томске в начале 1910-х было не более десяти кинематографов, среди них «Мефистофель», «Иллюзион» («Глобус»), «Фурор», «Заря», «Комета» («Метеор») и другие. Театр «Заря» размещался в «большом и довольно красивом деревянном здании в стиле древнерусском»²². В Тобольске в 1911 году было построено деревянное здание для электротeatра «Модерн» на Большой Архангельской улице «в характерном для Тобольска стиле». В архитектурном отношении он перекликался со стоявшим неподалеку деревянным театром-теремом – Народной аудиторией²³, возведенной по проекту губернского архитектора Федора Маркелова в 1898–1899 годах²⁴. Там тоже демонстрировали кино, приспособив для этого специальный зал. Оба здания сгорели в конце XX века.

Деревянные театры и электротeatры отдавали дань распространенному ропетовскому стилю, в котором строились тогда биржи, вокзалы, цирки, дачи, выставочные павильоны и который нес на себе печать временных или сезонных зданий. Вместе с тем в декоре этих построек сочетались как черты традиционного деревянного зодчества, так и претензии на модное разнообразие, разностилье.

Каменные кинотеатры

Каменные кинотеатры строились в различных частях Российской империи, причем не обязательно в крупных городах: в Пинске, Кременчуге, Гродно, Владикавказе, Севастополе, Вологде, Уфе, Туле, Нижнем Новгороде, Саратове, Канске Енисейской области, Козлове Тамбовской губернии, Петровске Дагестанской области, Балакове, Хвалынске и селе Сорочинском Самарской губернии, в других местах. Обычно это были электротeatры на 300–400 мест; однако в Нижнем Новгороде было

21 Цит. по: Козак Д. *Первые вятские кинотеатры как вид прибыльного дела* // Наблюдатель. 2015. 23 ноября (<https://nabludatel.online/2015/11/23/vid-pribyl'nogo-dela/>).

22 *По городам и театрам* // Сине-фоно. 1911. № 21. С. 24.

23 *Первые кинотеатры в Тобольской губернии* (<http://safe-rgs.ru/3099-pervye-kinoteatry-v-tobolskoy-gubernii.html>).

24 *Вятка – город деревянных театров.*

построено каменное здание под кинематограф на 700 человек; в Саратове – на 600. Помещения электротeatров рекламировались как специально выстроенные роскошные здания, однако благоустроены они были по-разному. Общими проблемами театров были сырость и недостаточная вентиляция.

Одним из самых необычных в архитектурном отношении являлся электротeatр «Художественный» в Красноярске, в Почтамтском переулке (современная улица Перенсона). Его построил купец-золотопромышленник Николай Гадалов, как писала газета «Енисей», «по плану, заказанному в Париже»²⁵. Доработку производил красноярский архитектор Сергей Дриженко (илл. 4).

ВЕРА УСТЬЮГОВА

ПЕРВЫЕ КИНОТЕАТРЫ
И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Илл. 4. Красноярск.
«Художественный»,
построен в 1912 году,
фасад не сохранился²⁶.

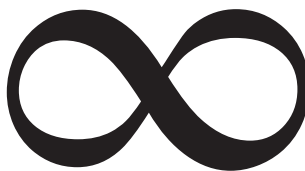
«Художественный» открылся в 1912 году: зал на 400 мест, красиво отделанное фойе, выложенные цветным кафелем полы, много лепнины, эффектно установленная касса, обширный буфет, прислужники у дверей. Здание сравнивали с дворцом²⁷. Архитектор и исследователь Юлия Гринберг писала:

«В композиции фасадов здания удивительным образом переплетались мотивы петербургских строений начала XX века, на которых учился С.Г. Дриженко, и произведений европейского модерна с торжествующими аккордами мощи и пышности ориентала. Пластику главного фасада здания определяла яркая палитра разно-

²⁵ Енисей. 1910. 29 июня. Цит. по: Здание кинотеатра «Художественный» в Красноярске (www.krasplace.ru/zdanie-kinoteatra-xudozhestvennyj).

²⁶ См.: [www.kraskompas.ru/component/k2/itemlist/user/481-vladimip.html?start=450#prettyPhoto\[gallerya8f025632c\]/0/](http://www.kraskompas.ru/component/k2/itemlist/user/481-vladimip.html?start=450#prettyPhoto[gallerya8f025632c]/0/).

²⁷ История кино: с чего все начиналось в Красноярске. Первый фильм и неудача первого здания кинотеатра (<https://ngs24.ru/text/culture/2018/10/19/65465241/>).

образных лепных деталей и узоров, характерных для модерна: напругенные маски, “по-барочному” выступающие из драпировок раковин и листьев, цветы лотоса на извивающихся стеблях, диски и гирлянды, орнамент из диковинных растений»²⁸.

В 1913 году театр был переименован в «Кинемо», в советское время – в «Совкино». В середине 1950-х вышло постановление ЦК КПСС об устранении излишеств в архитектуре, и в 1955-м в Красноярске приняли решение о расширении здания вместе с перedelкой главного фасада. В 1964–1966 годах под предлогом борьбы с «вредным мещанско-купеческим наследием» прежний фасад кинотеатра забетонировали.

Внутренний мир кинотеатров – это не только и не столько просмотр фильмов, сколько возможность с комфортом провести время в фойе, послушать музыку, посмотреть живые выступления артистов. Прилагательные «роскошные» и «шикарные» сменились в начале 1910-х эпитетами «художественная отделка», «художественная роспись», «масса света, воздуха», «лепная работа, богатые люстры, дорогие художественные картины». Мерилом теперь выступала не роскошь фойе сама по себе (их порой было три и больше), а наличие в фойе и кинозале струнных оркестров. Они играли в кинотеатрах Киева, Одессы, Риги, Тамбова, симфонические – в электротeatрах Сарапула, Мелитополя. Кинотеатры работали вместе с кондитерскими, в них имелись зимние сады, как в заведениях Баку, Киева, Белостока, Ашхабада, Воронежа. В некоторых кинематографах были оборудованы сцены для театральных представлений, синематограф совмещался с театром миниатюр в Одессе, Феодосии, Иркутске, Тифлисе, Воронеже, Борисоглебске, Минске, Александровске, Острове Псковской губернии. Характерными примерами городских театров для совместного использования – концертно-театральных, цирковых и синематографических программ – являлись выстроенный в 1907 году и вскоре сгоревший «Одеон» в Перми, «Кино-Палас» (потом «Руж») в Ростове-на-Дону, «Олимп» в Самаре.

Интерьеры фойе кинематографов украшали электрические пианино со световыми эффектами, фотографии кинозвезд. В екатеринбургском кинотеатре «Лоранж» проводили досуг, в гостиной встречались со знакомыми, играли в карты, кинотеатр выполнял роль клуба. Офицер местного гарнизона вспоминал:

«Здесь [в Екатеринбурге], имея вечерами много свободного времени, я часто играл в шахматы с офицерами гарнизона в кинотеатре “Лоранж”. Играли мы в фойе, на внутреннем балконе, высоко под

28 Гринберг Ю. И. *Сергей Дриженко: мастер модерна*. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-2464. 1975–1998 годы. 12 ед. хр. (цит. по: Здание кинотеатра «Художественный» в Красноярске).

потолком, за несколькими столиками, попивая, кто пиво, кто кофе, а я предпочитал лимонад»²⁹.

Один из кинотеатров Донателло в Иркутске по своему внутреннему устройству, как писали репортеры, «ничем не отличается от обыкновенного драматического театра»: «Имеет один ярус, на котором помещаются 36 лож и амфитеатр. Общая вместительность театра 800 человек»³⁰. Барнаул Томской губернии – оживленный город Сибири – имел в зимний сезон «труппу, драму или оперетку», «два хороших не только по Сибири, но и для России кинематографа», картины брали у разных прокатных контор: Аргасцева, Саввы, «Глобуса», Либкена, Донателло (илл. 5).

ВЕРА УСТЬЮГОВА

ПЕРВЫЕ КИНОТЕАТРЫ
И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Илл. 5. Саратов. Электротейтр, построенный в 1909 году, в советское время кинотеатр «Рабочий», здание снесено³¹.

В 1913 году в Самаре состоялось открытие «Художественного» театра и заканчивалась постройка «Кино-Паласа». «Кино-Палас» представлялся «наподобие московского», о «Художественном» было замечено: «Театр великолепный, фойе отделано художниками, причем одно сделано в японском вкусе и представляет поистине чудный уголок Японии. Зал отделан в сиренево-фиолетовом тоне, что приятно ласкает взор»³².

В Тамбове кинотеатр «Аквариум» в клубе Семейного собрания приказчиков имел десять лож для публики, «шикарно» отделанные ложи для губернатора и вице-губернатора, декорации, выполненные художниками, в большой пристройке фойе, обращенное в зимний сад, играл струнный оркестр: «По отделке другого такого помещения в Тамбове нет»³³.

29 «Солдаты выбивались из сил»: воспоминания Михаила Павловича Матвеева, младшего офицера // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания / Науч. ред. Н.В. Суржикова. М.: Политическая энциклопедия, 2019.

30 По городам и театрам // Сине-фоно. 1912. № 8. С. 18.

31 См.: <https://oldsaratov.ru/tags/modern?page=86&qt-comments=2#gsc.tab=0>.

32 По городам и театрам // Сине-фоно. 1913. № 2. С. 44.

33 По городам и театрам // Сине-фоно. 1913. № 4. С. 38.

Здания под кинотеатры в Российской империи строились повсеместно. В зависимости от средств и амбиций владельцев городских частных усадеб и фантазии местных архитекторов некоторые кинотеатры представляли собой редкие образцы архитектуры, другие отвечали моде на *art nouveau*. Юрий Цивьян называет время строительства роскошных кинотеатров с «блестящими» названиями периодом кинематографического ампира, вместе с тем можно добавить – кинематографического *art nouveau*, кинематографического барокко, кинематографического русского, рококо, стиля. Кинемо оспаривало славу классических театров, оперных и драматических, с ложами, партерами, балконами, вместе с тем электротeatры оформлялись и в персидском, японском и прочих экзотических вкусах, согласуясь с эстетикой начала века и досуговыми практиками клубов и ресторанов. Зимние сады, эстрады с ресторанными дивертисментами, фойе с замысловатыми электромеханическими пианино и живыми оркестрами дополняли атмосферу иллюзионов того времени.

Кино возникает как мультимедиаальный ресурс, который производил впечатление на публику визуальной архитектурой, живописным и скульптурным убранством, физическим пространством внутри и снаружи зданий, электрическими эффектами, хитроумными техническими новинками, возможностями коммуникативной среды. Кино возникает как феномен, эстетически многогранный, при этом широко распространившийся в провинции и привлекавший разные слои публики.

КИНОТЕАТР В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Вновь выстроенные здания электротeatров были порой весьма значительных размеров. Например, в Царицыне зимний театр «Конкордия», где показывали кино, принимал тысячу человек; в Ярославле Григорий Либкен открыл «Гигант» в пустующем цирке на две тысячи мест (цены от пяти копеек, публика хлынула в общедоступный театр); в Енисейске электротeatр «Комета», разместившийся в здании «Народной читальни», вмещал тысячу человек; в Новочеркасске здание скетинг-ринга было переделано под кинематограф на полторы тысячи мест. В начале 1910-х некоторые губернские города не имели специально построенных для синематографа зданий, что, возможно, было связано с застройкой городского центра – таким примером являлась Казань.

Синемо-театры своим появлением и нарядными фасадами меняли улицы городов, создавали вокруг себя приметную визуальную среду. Открывающиеся кинематографы ярко освеща-

лись электрическим светом, электрическими фонарями у входа, световой рекламой. При уличном «безфонарии» большинства некрупных городов империи электротeatры представляли собой яркое, эффектное пятно на общем темном фоне улиц. Во всех городах Российской империи кинотеатры строились на главных городских артериях, торговых, оживленных, где находились модные магазины, престижные рестораны и гостиницы, дома состоятельных горожан. Так, в Ташкенте электротeatры были расположены около излюбленного горожанами городского сада, и по вечерам эта местность на фоне тихой ташкентской жизни производила, по замечанию кинокорреспондентов, «впечатление Елисейских полей в Париже», здесь собирались «тысячные толпы»³⁴ (илл. 6).

ВЕРА УСТЬЮГОВА

ПЕРВЫЕ КИНОТЕАТРЫ
И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Илл. 6. Ташкент. Кино-театр «Хива», открыт в 1909 году³⁵.

Подобная ситуация наблюдалась в городах центральной России. Все главные электробиографы Ростова-на-Дону размещались на Большой Садовой. Только пять лучших кинематографов находились в одном небольшом районе центра Казани.

В Ровеньках Донской области электричеством от иллюзиона «Синема» был освещен местный памятник Александру П³⁶. Что видели пассажиры пароходов, подплывающих по Волге к небольшому костромскому городку Юрьевец³⁷, – «приветливо мелькающие огоньки электрических вывесок» нового кинематографа³⁸. Специально построенные под кинотеатры здания наряду с пассажирами, вокзалами, заметно меня пространственную городскую среду, выступали локомотивами модерности.

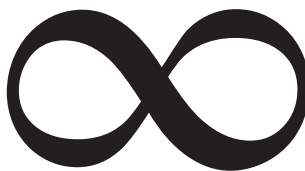
³⁴ По городам и театрам // Сине-фоно. 1912. № 23. С. 24.

³⁵ См.: <https://fishki.net/1346079-kinoteatr-quotmolodaja-gvardija-tashkent.html>.

³⁶ По городам и театрам // Сине-фоно. 1913. № 2. С. 44.

³⁷ В настоящее время Ивановская область.

³⁸ По городам и театрам // Сине-фоно. 1912. № 19. С. 22.

В Опочке Псковской губернии один для небольшого городка иллюзион «Кинь-грусть» имел специальное здание, свой оркестр, огромный сад с буфетом, галереей для танцев, где дирекция устраивала гуляния с иллюминацией, фейерверками и танцами; несмотря на «безжелезнодорожье» этого места, «дело убытку не давало»³⁹.

Кино возникает как мультимедиаальный ресурс, который производил впечатление на публику визуалью архитектурой, живописным и скульптурным убранством, физическим пространством внутри и снаружи зданий, электрическими эффектами, хитроумными техническими новинками, возможностями коммуникативной среды.

У входов в электротeatры вывешивалось большое количество объявлений, рекламы, афиш, плакатов, что само по себе привлекало внимание праздных зевак. Толпы зрителей у кинотеатров стали неожиданным фактором городской среды во всей Российской империи. Во время премьер популярных картин и в праздничные дни билеты брались с боем. У кинотеатров уездных и губернских городов возникала толкучка, мешавшая проезду экипажей. Корреспондент из Козлова Тамбовской губернии писал, что у единственного кино по праздникам тротуар «запружен публикой»⁴⁰. Из Минска сообщали: «За вечер в “Гиганте” проходит по 1500 чел. [...] У входа... постоянно огромная толпа, ожидающая очереди. В праздничные дни билеты берутся с боя»⁴¹. В Екатеринославе при населении в двести тысяч человек трех театров было мало: «Функционирующие три биографа всегда полны. В праздничные дни буквально яблоку некуда упасть. Часто уходят без билетов»⁴².

Новые здания кинематографов в Перми или Астрахани были оригинальны и красивы: эффектные фасады в стиле модерн, обстановка внутри была «блестящей», освещение лучше, чем каких-либо других зданий (кинотеатры освещались электричеством от собственных или городских станций). Электротeatры на базарных площадях мало чем отличались от балаганов. На окраинах и в слободках помещения музеев-паноптикумов, вольно-пожарных обществ, железнодорожных мастерских, ам-

³⁹ По городам и театрам // Сине-фоно. 1912. № 23. С. 24.

⁴⁰ По городам и театрам // Сине-фоно. 1910. № 2. С. 15–16.

⁴¹ По городам и театрам // Сине-фоно. 1911. № 4. С. 22.

⁴² По городам и театрам // Сине-фоно. 1913. № 3. С. 43.

баров, где располагались электробиографы, – это гнилые скамейки, грязь, земляной пол, керосиновое освещение. В глухих местах российской провинции только кинематограф мог конкурировать с распивочными.

И действительно, основная масса кинематографов в российской провинции на момент их открытия и в первое десятилетие существования – временные, непрезентабельные помещения с примитивной обстановкой. Кинотеатры, которые функционировали в заводских поселках, выглядели скромно, но вместе с тем манили к себе фонариками у входа. В окраинные театры могли заглянуть представители богемы – буржуазная публика их никогда не посещала. Театры окраин посещала публика рабочих слободок, близлежащих сел, туда ходили мастеровые, ломовые извозчики, по базарным дням – съехавшиеся крестьяне.

В некоторых провинциальных иллюзиях кино показывали только по выходным и праздникам (а то и два раза в месяц, как на фабрике Сергея Рябушинского в Вышнем Волочке). Отсутствие кинематографа в том или ином поселении в 1910-е ощущалось уже очень остро. Поэтому и ситуация с кинематографами при заводах не была ровной. В Мотовилихе (где находились сталелитейный, чугунно-плавильный и пушечные заводы; поселок насчитывал около 30 тысяч жителей, имелся Народный дом) были выстроены два специальных здания под электротeatры.

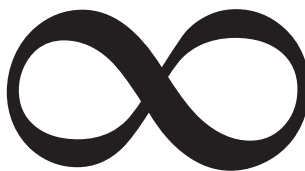
Появление кинематографа стало настоящим визуальным шоком в городах Российской империи. Здания кинотеатров оказались самыми приметными, необычными в провинциальных городах, где было не так много красивых общественных построек. Кинотеатры можно сравнить с железнодорожными вокзалами: задуманные как царства пространств и света вокзалы затрещали из-за наплыва пассажиров и переселенцев. Официального деления на классы (как у вагонов поездов) у кинотеатров не существовало. Вместе с тем кино в начале XX века – это, с одной стороны, изысканные, порой камерные театры в плотной городской застройке центральных улиц, с другой стороны, гигантские деревянные балаганы на ярмарках, перестроенные амбарные, складские помещения в рабочих кварталах.

Большие кинотеатры на главных торговых улицах привлекали смешанную публику, подрывая своей общедоступностью сословное неравенство в повседневных практиках городской жизни. Шок новизны состоял еще и в том, что кинотеатр был пространством эмансипации от разных норм – социальных, гендерных, речевых. Напротив, окраинные кинотеатры формировали вокруг себя сообщества, располагались неподалеку от мест жительства и работы заводчан, вчерашних крестьян.

Диковинность кинотеатров с названиями «Как в Париже» или «Мулен-Руж» может разочаровать современного человека, при-

ВЕРА УСТЬЮГОВА

ПЕРВЫЕ КИНОТЕАТРЫ
И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ВЕРА УСТЮГОВА

ПЕРВЫЕ КИНОТЕАТРЫ
И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

выкшего к современным османизированным городам, но в начале XX века кинотеатры в ярком электрическом свете поражали воображение обывателей. Скромные электротeatры на манер деревянных изб также – по контрасту с окружающей жизнью – манили открывающимся в них магическим зазеркальем.

«ДЕКАДАНСЫ» И «КИНО-ПАЛАСЫ» ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. РЕВИТАЛИЗАЦИЯ СЕГОДНЯ

При советской власти кинотеатры переименовывались, перестраивались, сносились, разрушались, но только ли она была виновницей этого?

Здание кинотеатра «Парнас» в Царицыне было построено в 1915 году, во время Первой мировой войны, разрушено – во время Второй мировой. Построил «Парнас» местный купец – меценат, меломан Владимир Миллер, владевший театром «Конкордия». Продав его за сто тысяч рублей, он вложил их в строительство и оборудование «Парнаса». Роскошный кинотеатр в стиле модерн был расположен в удачном месте, трехъярусный зрительный зал вмещал 800–1200 человек, среди зелени и цветов обширного фойе бил фонтан, ложи были спроектированы с отдельным входом. Особенностью архитектуры и интерьера кинотеатра являлось отсутствие лестниц – на верхний этаж вел широкий пандус, и имелась возможность въехать прямо с улицы на машине или в карете с лошадьми и смотреть кино из авто или повозки⁴³ (илл. 7).

Илл. 7. Волгоград.
Кинотеатр «Парнас»,
фотография 1930-х⁴⁴.

⁴³ История кинотеатра «Парнас» (<http://царицын.рф/2022/09/1008-istoriya-kinoteatra-parnas.html>); Тогда и сейчас: царицынский кинотеатр «Парнас» – еще одно здание-призрак в Волгограде (<https://bloknot-volgograd.ru/news/togda-i-seychas-tsaritsynskiy-kinoteatr-parnas-esch-1426920>).

⁴⁴ См.: <https://riac34.ru/news/142152/>.

До 1933 года кинотеатр назывался «Красноармеец», в 1933-м здесь открылся Сталинградский театр юных зрителей. Здание было разрушено во время Сталинградской битвы, после войны не восстанавливалось.

В 1950–1960-е кинотеатр «Художественный» в Красноярске потерял свой уникальный современный архитектурный облик. В конце 1990-х в бывшем кинотеатре открылся кинопарк «Пикра», была проведена очередная реконструкция – образ кинотеатра венчал врезающийся в фасад здания самолет, как бы прорывающийся в мир развлечений. В 2006 году здание кинотеатра было продано, произведен демонтаж макета самолета на фасаде⁴⁵ (илл. 8). С тех пор у бывшего театра несколько раз менялись собственники, там открывались офисы и общепит, «Пятерочка», кафе и бар⁴⁶.

ВЕРА УСТЬЮГОВА

ПЕРВЫЕ КИНОТЕАТРЫ
И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Илл. 8. Красноярск. Бывший «Художественный», 1990-е⁴⁷.

Электротheater «Мираж» в Перми в 1950–1960-е постигла судьба, аналогичная красноярскому «Художественному». В Перми иллюзии в начале XX века размещались в частных домах, гастролировали в городском саду, Благородном и Общественном собраниях. В 1909 году в Перми были построены сразу три специально предназначенных под кинотеатры здания (илл. 9).

⁴⁵ Здание кинотеатра «Художественный» в Красноярске; История кино: как чиновники делали из кинотеатров рынки в 90-е (<https://ngs24.ru/text/culture/2019/01/27/65874191/>).

⁴⁶ От роскошного электротheaterа до жалкого рынка: история знаменитых кинотеатров Красноярска (<https://newslab.ru/article/1059411>).

⁴⁷ См.: https://pikabu.ru/story/istoriya_odnogo_kinoteatra_zheto_let_6340486.

ВЕРА УСТЮГОВА

ПЕРВЫЕ КИНОТЕАТРЫ
И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Илл. 9. Пермь. Кинематограф «Мираж», построен в 1909 году, фотография из журнала «Прозектор» (1915), памятник архитектуры утрачен⁴⁸.

В усадьбе купчихи Шаниной по Кунгурской улице открылся «Аполло». Он был одним из самых красивых кинотеатров в Российской империи. Согласно архивным документам, электротheater «Аполло» принадлежал уроженцу посада Колпино Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии Розенталю (Розетти)⁴⁹. Однако уже в феврале 1910 года «Аполло» закрылся – по причине, со слов его владельца, «технической трудности вести дело с конкурентами»⁵⁰. В это здание переехал электротheater «Модерн», ранее размещавшийся в доме купчихи Марии Барановой⁵¹. В 1913-м, накануне Первой мировой войны, здесь вновь поменялись владельцы и вывеска – теперь место называлось «Мираж». Этот кинотеатр сыграл примечательную роль в становлении советской власти в Перми: именно там большевиками было принято решение взять власть в городе в свои руки⁵². В 1917 году в кинотеатрах бурлила политическая жизнь так же, как и в театрах, где проходили митинги, или на вокзалах, где провожали и встречали депутатов. Кинотеатры в начале века – средоточие культурной, клубной, общественной жизни, в том числе потому, что других площадок для выброса энергии масс и концентрации разных форм политической деятельности в провинциальных городах было мало.

В советское время кинотеатр «Мираж» получил название «Красная звезда», далее просто «Звезда». Кунгурская улица была переименована в Комсомольский проспект. Согласно постановлению ЦК КПСС середины 1950-х об устранении из-

⁴⁸ См.: <https://hum.hse.ru/ditl/kino/cinema>.

⁴⁹ Дело о строительстве в г. Перми государственных и частных зданий. 1878–1911 гг. Государственный архив Пермского края. Ф. 35. Оп. 1. Д. 27. Л. 532–534, 537.

⁵⁰ Закрытие электро-театра «Аполло» // Пермские губернские ведомости. 1910. 18 февраля. № 39.

⁵¹ Электротheater «Модерн» принадлежал пермскому купцу А.И. Кудряшову и мещанину Троице-Сергиева посада Московской губернии А.С. Рякину: Дело о строительстве в г. Перми государственных и частных зданий. 1878–1911 гг. Л. 532–534, 537.

⁵² Пермская жизнь. 1917. № 564, 566; 1917 год в Пермской губернии. Сборник документов. Пермь: Пушка, 2007; Обухов Л.А. Пермь 1917 год (www.permarchive.ru/index.php?page=perm-1917-god).

лишеств в архитектуре, фасад кинотеатра, оформленный некогда в стиле *art nouveau*, был так же, как и фасад красного кинотеатра, забетонирован. О «Звезде» сохранились воспоминания зрителей, например, фотохудожника Валерия Заровнянных:

«В 1963–1964 годах он был нашим подшефным кинотеатром (17 школа). Парни крутили перед сеансами документальное кино, девочки стояли на контроле. Помню, “Гусарскую балладу” смотрели десятки раз!»⁵³

Игорь Кирьянов – многолетний декан историко-политологического факультета Пермского университета, чья мать была сотрудницей кинотеатра «Звезда», – также вспоминает свои детские походы в кинотеатр⁵⁴. В начале 1970-х случилось происшествие: упала люстра, кинотеатр закрыли и снесли⁵⁵. На его месте открылся магазин «Океан» (здания «Океана» сейчас тоже нет).

Большие кинотеатры на главных торговых улицах привлекали смешанную публику, подрывая своей общедоступностью сословное неравенство в повседневных практиках городской жизни. Шок новизны состоял еще и в том, что кинотеатр был пространством эмансипации от разных норм – социальных, гендерных, речевых.

Каковы же действительные причины сноса зданий старых кинотеатров? Их судьбу предрешили прежде всего технические параметры строительства, организации внутреннего пространства помещений, отопительных систем. Так, при открытии пермского «Аполло» газеты писали о красивом внешнем фасаде здания – «в особенности по вечерам, при электрическом освещении», – но одновременно и о тесноте зрительного зала, духоте, «банной» атмосфере. Тесным находили также вестибюль с буфетом и вешалками, к тому же «здание строили в спешке, и оно не успело просохнуть»⁵⁶. Утомительными для публики признавались антракты (необходимые для перезарядки киноаппарата), хотя и сопровождавшиеся концертами на балалайках.

⁵³ Из личных разговоров автора с Валерием Заровнянных.

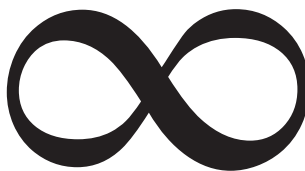
⁵⁴ Из личных разговоров автора с Игорем Кирьяновым.

⁵⁵ *Пермский кинотеатр «Красная звезда»* (<https://klavdii1955.livejournal.com/332451.html>).

⁵⁶ *По городам и театрам* // Сине-фоно. 1909. № 5. С. 14; *Обилие кинематографов* // Пермские губернские ведомости. 1909. 12 ноября. № 242.

ВЕРА УСТЬЮГОВА

ПЕРВЫЕ КИНОТЕАТРЫ
И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В залах построенных тогда электротeatров работали вентиляторы, но с духотой они справлялись слабо. Недостатком была сырость помещений, свойственная новым строениям. Иллюзионы отапливались печами, меры пожарной безопасности не соблюдались. Кинотеатры горели – деревянные и каменные, заново построенные и перестроенные. После катастрофы в феврале 1911 года в Бологом были введены новые правила содержания кинематографов и многие электротeatры закрылись. Например, пермский «Прогресс»⁵⁷, где в мае 1911-го произошел пожар, закончил свою работу, а его содержатель ликвидировал кинематографическое предприятие, предпочтя заняться банным делом.

Кинотеатром, дожившим до сегодняшних дней в Перми, является «Триумф» на Покровской улице (ныне Ленина). Здание тогда вмещало 300 человек, в фойе были поставлены стереоскопы для развлечения публики, стены дамской комнаты оформлены зеркалами⁵⁸, в зрительном зале – скамейки, обитые плюшем; три ложи, стены расписаны в духе «Русская сказка»⁵⁹. В советское время кинотеатр назывался «Художественный», но потом он был переименован обратно. Сегодня здесь проходят концерты, гастроли, премьерные показы фильмов, спектакли Дягилевских сезонов.

В позднесоветское время при решении судьбы дореволюционных театров принимались и неординарные решения. Театр-цирк «Олимп» в Самаре был построен в 1907 году, архитектор постройки – Платон Шаманский. Здание сразу поразило горожан своими гигантскими размерами. Двух-трехэтажная купольная конструкция, декоративная лепнина на фасадах – женские маскароны с пилястрами, барельефы пегасов. Центральное угловое трехчастное огромное окно уравнивали круглые окна с балконами на боковых гранях фасада. Постройку венчала аллегорическая скульптурная группа – бог света, покровитель искусств Аполлон со свитком и муза любовной поэзии Эрато с лирой в руке. Это было самое современное и элегантное здание в городе⁶⁰ (илл. 10).

В «Олимпе» разместились ресторан, балкон-ресторан, курительные комнаты, гостиничные номера, бильярдная и сцена

57 Заявка на строительство электрического театра «Прогресс» поступила в городскую управу от пермского мещанина К.Э. Готша, а каменной пристройки к существующему зданию кинематографа «Прогресс» на углу Большой Ямской и Кунгурской улиц – от владельца земельного участка С.Ф. Зенкова: *Дело о строительстве в г. Перми государственных и частных зданий. 1878–1911 гг.* Л. 548, 585, 586.

58 В архивном фонде пермской городской управы есть документ, подтверждающий существование в 1910 году электротeatра на месте усадьбы жены пермского мещанина Веры Журавлевой. Речь идет о возведении «каменного пристроя к существующему электро-театру», документ датируется 13 октября 1910 года: Там же. Л. 588.

59 *По городам и театрам* // Сине-фоно. 1909. № 4. С. 14.

60 Архитектор Платон Шаманский и театр-цирк «Олимп» (https://drugoigorod.ru/theater_circus_olympus/).

ВЕРА УСТЬЮГОВА

ПЕРВЫЕ КИНОТЕАТРЫ
И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Илл. 10. Самара. Театр-цирк «Олимп», построен в 1907 году⁶¹.

с балконом для оркестра. Театр вмещал 1100 человек, но говорили, что он мог принять вместе с галеркой до 2500 посетителей. Здесь проводились концерты, театральные, цирковые, кинематографические представления, костюмированные балы. Арена цирка с помощью сложных приспособлений трансформировалась в театральную площадку. Газетчики писали: «Цирк, наконец, открылся и не провалился. Вот чудо!»⁶² В «Олимпе» функционировал биоскоп «Royal Vio», выступали Федор Шаляпин, Владимир Маяковский, Александр Блок, Леонид Собинов, Иван Козловский. После революции «Олимп» был переименован в театр имени Карла Маркса, в 1930-е в здании размещались театр оперетты, театр оперы и балета, а в 1940-м открылась филармония. В середине 1970-х здание было признано опасным из-за возможного обрушения, но ценным с архитектурной и исторической точки зрения. И все же «Олимп» был снесен. Сейчас на его месте находится Самарская государственная филармония, здание которой повторяет модерновые архитектурные элементы «Олимпа», является его примерной копией с сохранением лепнины на фасаде, скульптур и купола⁶³. Здание хорошо «держит» сохранившуюся застройку исторического центра Самары.

Из самарских кинотеатров в советское время функционировал «Фурор», размещавшийся на Садовой, само же здание имело черты стиля модерн⁶⁴. После революции кинотеатр получил название «Первомайский», в начале 1990-х здание было

⁶¹ См.: https://drugoigorod.ru/october_revolution/.

⁶² Городской вестник. 1907. 8 декабря. Цит. по: Архитектор Платон Шаманский и театр-цирк «Олимп».

⁶³ Архитектор Платон Шаманский и театр-цирк «Олимп».

⁶⁴ Электротheater «Фурор» сызранского мещанина М.Е. Антонова. Ч. 1 (<https://kraeham.livejournal.com/123985.html>); Ч. 2 (<https://kraeham.livejournal.com/123837.html>).

передано театру «Самарская площадь». Это также исторический центр Самары.

В Тамбове кинематограф показывали в Дворянском собрании («Колизей»), музыкальном училище («Художественный»), Собрании приказчиков («Аквариум»), гостинице «Славянская» («Люкс»). Кинотеатр «Модерн» открылся в здании, выстроенном в XIX веке (в формах эклектики с элементами модерна)⁶⁵. Усадьба была приобретена на имя Марии Лапицкой, которая занялась реконструкцией театра: к зданию была сделана пристройка с парадными дверями и каменной лестницей, буфетом и туалетами, в вестибюле поместили эстраду для оркестра. Внутренняя планировка и отделка интерьеров здания сохранялись вплоть до 1940-х. В фойе располагалась эстрада и действовал фонтан. С конца 1930-х в кинотеатре играл джаз-оркестр под управлением Победоносцева – о нем писал Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ». Во время кампании по борьбе с космополитизмом оркестр разогнали, кинотеатр переименовали в «Звезду». С началом 1990-х здание переходило из рук в руки, его состояние было плачевным. Объявлялся конкурс на реконструкцию, планировалось открыть музей Льва Кулешова, родившегося в Тамбове. Козырек в виде аиста, несущего в клюве светильник – символ кинематографа, – появился на здании «Модерна» в 1911 году (илл. 11). Аист стал одним из символов Тамбова. Фигура птицы стальная, в крылья были вставлены витражи. Сегодня фигура аиста восстановлена, однако без исторических витражей⁶⁶. В бывшем кинотеатре находятся торгово-офисные помещения.

Илл. 11. Тамбов. Бывший «Модерн», в настоящее время здание отреставрировано, находится в частном владении⁶⁷.

⁶⁵ Тамбов теряет свое лицо (<https://vetumtrud.livejournal.com/628482.html>).

⁶⁶ В Тамбове на здание кинотеатра «Модерн» вернули исторического аиста (<https://tambov-media.livejournal.com/106251.html>).

⁶⁷ См.: <https://tambov.bezformata.com/listnews/zdanie-bivshego-kinoteatra-modern/56292003/>.

Как мы видим, судьба старых кинотеатров оказалась в XX веке незавидной. После 1917 года кинотеатры перестраивались под лозунгом борьбы с купеческо-мещанским наследием, разрушались под влиянием времени. Между тем и сами кинотеатры на момент их постройки, хотя и отвечали некоторым современным строительным требованиям, возводились с использованием железобетонных конструкций и щедро освещались, все-таки в массе своей возникали как временные постройки, как пассажи или выставочные павильоны. Тем более, что синематограф был не более чем аттракционом, наряду с другими формами зрелищ, которые культивировались в тех же кинемо-театрах. Дореволюционные кинотеатры погубило само кино, которое в XX веке пережило несколько революций – технологических, медиальных, антропологических.

В советское время кинотеатры оставались самыми популярными местами развлечений и досуга в городах и в сельской местности, и некоторые постройки дожили до сегодняшних дней. Отреставрированные здания отвечают и моде на ретро-стили, и взглядам современной урбанистики на гуманизацию и коммеморацию городского пространства. Маргинализированная в СССР архитектура *art nouveau* в настоящее время удовлетворяет запросам на культурную идентичность, реконструируется, выступает объектом историко-художественной рефлексии. Приютившиеся на перестроенных центральных улицах, в старинных кварталах здания старых кинотеатров участвуют в формировании концепции исторического городского центра как многослойного пирога архитектурных памятников разных времен. Бывшие синема являются «местами встреч» с модерном как временем синтеза и социальной утопии, в них функционируют рестораны, концертные площадки, они напоминают о старом синематографе как о живом, по-настоящему народном искусстве.

ВЕРА УСТЬЮГОВА

ПЕРВЫЕ КИНОТЕАТРЫ
И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ТАТЬЯНА
ВОРОЖЕЙКИНА

Аргентина-2025: крипто- жюльничество и китайская ваза

В 2023 году Аргентина в очередной раз столкнулась с глубочайшим кризисом представительной системы. Два основных политических блока, которые чередовались у власти в предшествующие двадцать лет, оказались не в состоянии предложить обществу выход из тяжелейшей социально-экономической ситуации. Главная ответственность лежала на перонистской партии, точнее, на ее левоцентристском – киршнеристском – крыле, которое находилось у власти в 2003–2015-м и 2019–2023 годах. В интервале между этими периодами перонистов сменила правоцентристская коалиция, сформированная президентом Маурисио Макри вокруг созданной им партии «Республиканское предложе-

**ПРЕВРАТНОСТИ
МЕТОДА**

ние» («Propuesta Republicana»). Приход к власти в декабре 2023-го нынешнего президента Хавьера Милея означал радикальное изменение всего политического и институционального ландшафта страны, подобного которому не происходило со времени возвращения страны к демократии в 1983 году. В предыдущих статьях я останавливалась на идеологических установках новой власти, экономических результатах первого года преобразований и социальной цене, заплаченной за них аргентинским обществом¹. В этом материале мне хочется коснуться институциональных и политических сдвигов, которые наметились в Аргентине в последнее время.

Главной мишенью избирательной кампании Милея в 2023 году было государство и наживающаяся на нем своекорыстная «каста» политиков, бизнесменов, профсоюзных руководителей, журналистов и им подобных, ответственных, по его мнению, за катастрофическое состояние экономики, бедность, скатывание Аргентины в разряд второсортных стран. Первые меры нового президента были направлены на ликвидацию ряда государственных институтов, прежде всего в сфере социального обеспечения, культуры, образования. Главная цель этих мер была экономической: предполагалось сначала сократить, а затем и ликвидировать дефицит государственного бюджета. Но параллельно решалась и задача институциональной трансформации: надо было сохранить – в идеале – только те государственные институты, которые не искажали бы функционирование свободного рынка, с одной стороны, и структур безопасности, которые, несмотря на стремление к экономии, получили мощные финансовые вливания, с другой.

Законодательно эти реформы осуществлялись главным образом с помощью чрезвычайных президентских декретов (Decreto de necesidad y urgencia). Собственная партия Милея «Свобода наступает» («La Libertad Avanza») располагает лишь 42 местами из 257 в Палате депутатов и 6 из 72 в Сенате Национального конгресса. Кроме того, правительство имеет союзников – депутатов и сенаторов от «Республиканского предложения» и некоторых мелких партий (42 депутата и 14 сенаторов), а также может договариваться с так называемой «сотрудничающей оппозицией» – депутатами (70) и сенаторами (18) от региональных и неперонистских партий, главной из которых является Гражданский радикальный союз (Unión Cívica Radical). В сумме представители всех этих партий составляют неустойчивое большинство в обеих палатах, которое никогда не достигает двух третей, необходимых для конституционных изменений, утверждения международных договоров, назначения на высшие государственные и судебные должности (или, наоборот, снятия с них). И хотя на протяжении шестнадцати месяцев своего правления Милею удалось провести через парламент практически все важнейшие законопроекты, это требовало компромиссов с «сотрудничающей оппозицией» и, главное, времени для их выработки. Поэтому Милей предпочитает декреты, которые или предоставляются на утверждение парламента, или не предоставляются, и тогда для их отмены требуется две трети голосов обеих палат, чего также при существующей расстановке сил достичь практически невозможно.

Этот чрезвычайный, хотя и не противоречащий Конституции страны стиль

¹ См.: Ворожейкина Т. *Аргентина и мир: эра Милея?* // Неприкосновенный запас. 2024. № 6(158). С. 247–255; Она же. *Аргентинская бензопила: год первый* // Неприкосновенный запас. 2025. № 1(159). С. 94–107.

правления, к которому прибегали и предыдущие аргентинские президенты, в особенности Нестор (2003–2007) и Кристина (2007–2015) Киршнеры, несомненно, нарушает баланс властей и ослабляет законодательную власть, отводя ей роль института, вынужденного одобрять (или отвергать с неясными последствиями) решения власти исполнительной. Ярким примером этого служит утверждение Палатой депутатов 18 марта 2025 года президентского декрета, предоставляющего правительству полномочия на ведение переговоров с Международным валютным фондом (МВФ) о получении нового кредита. При этом на обсуждение депутатов был представлен проект, в котором говорилось, что полученные от МВФ средства будут направлены на оздоровление резервов Центрального банка и выполнение обязательств по предыдущим кредитам, а также обозначался срок амортизации кредита (десять лет). Ни суммы кредита², ни условий погашения, ни предполагаемых процентов по долгу в тексте декрета не содержалось, поскольку по этим вопросам все еще велись переговоры. Тем не менее Палата утвердила этот декрет большинством в 129 голосов при 108 против и 6 воздержавшихся³. Таким образом депутаты выдали правительству карт-бланш на ведение переговоров о сумме и услови-

ях получения кредита. Исполнительная власть одержала очень важную для себя победу над перонистской оппозицией, особенно учитывая историю взаимоотношений Аргентины с МВФ и восприятия их общественным мнением. Только 34,2% аргентинцев, согласно опросам агентства «Zuban Córdoba», поддерживают обращение к МВФ за новым займом, а 63,8% опрошенных высказываются против. Две трети (68,9%) согласны с утверждением, что кредиты МВФ всегда приносили Аргентине вред⁴.

Аргентина в настоящее время является крупнейшим должником МВФ, на ее долю приходится треть (!) всего кредитного портфеля этой организации. Самый большой в истории МВФ кредит (45 миллиардов долларов) был получен правительством президента Макри в 2018 году, что, однако, не уберегло его от провала на следующих президентских выборах. Выигравший их перонист Альберто Фернандес получил в 2022 году еще один кредит на такую же сумму, чтобы рефинансировать предыдущий. По последнему кредиту долг Аргентины составляет 41 миллиард долларов, основные выплаты по которому начинаются в 2027 году. Во второй половине президентского срока Милея выплаты по процентам и капиталу составят 14 миллиардов долларов⁵. Именно на эти цели пойдет часть обсуждаемого с МВФ кредита.

2 В начале апреля 2025 года исполнительный директор МВФ Кристилина Георгиева сообщила, что размер запрашиваемого Аргентиной кредита составляет 20 миллиардов долларов, из которых Фонд готов выдать в качестве первого транша 40%, то есть 8 миллиардов. См.: MATIUS RUIZ R. *Kristalina Georgieva dijo que le parece “razonable” un desembolso inicial del 40% del nuevo programa del FMI* // La Nación. 2025. 1 de abril (www.lanacion.com.ar/economia/kristalina-georgieva-dijo-que-le-parece-razonable-un-desembolso-inicial-del-40-del-nuevo-programa-nid31032025/).

3 *Qué dice el DNU de Javier Milei por el acuerdo con el FMI que aprobó Diputados* // La Nación. 2025. 19 de marzo (www.lanacion.com.ar/politica/que-dice-el-dnu-de-javier-milei-por-el-acuerdo-con-el-fmi-que-aprobo-diputados-nid19032025/).

4 См.: *La Inseguridad Avanza. Informe Marzo 2025* (<https://zubancordoba.com/portfolio/informe-nacional-marzo-2025/>).

5 MAZA A. *La Argentina recibió en los últimos setenta años USD 182.457 millones a través de 22 acuerdos con el FMI* // Infobae. 2025. 11 de marzo (www.infobae.com/economia/2025/03/11/la-argentina-recibio-en-los-ultimos-setenta-anos-usd-182457-millones-a-traves-de-22-acuerdos-con-el-fmi/).

Ирония истории заключается в том, что одной из центральных фигур правительства Макри на переговорах с МВФ в 2018 году был Луис Капуто – тогдашний министр финансов, а ныне министр экономики Милей, также отвечающий за получение нового займа. Кредит 2018 года был бездарно потрачен на бесплодные попытки удержать курс национальной валюты в условиях всеобщего от нее бегства и стремительно нараставшей инфляции. Милей, бывший тогда мало кому известным экономическим комментатором, многократно и гневно высказывался против внешних заимствований:

«Метод, который использует самый бессердечный, самый популистский, самый варварский и самый лживый политик, – это задолженность. Задолженность есть абсолютно аморальный способ справиться с ситуацией. Потому что государственный долг не что иное, как будущие налоги. Иначе говоря, сегодняшний праздник оплачивается трудом людей в будущем. Людей, которые не голосовали за это и которые даже еще не родились. Это глубоко аморально»⁶.

Двигаясь теперь в том же направлении – добиваясь получения кредита на поддержание заниженного курса доллара, – президент Милей уже не беспокоится о морали и ответственности перед будущими поколениями, поскольку перед ним стоит гораздо более важная задача: любой ценой не допустить роста инфляции до промежуточных выборов в Национальный конгресс в октябре 2025 года.

Милей отводит этим выборам роль плебисцита по отношению к политике

своего правительства – экономической в первую очередь. Его важнейший электоральный ресурс имеет экономическую природу: это падение инфляции и связанное с ним снижение уровня бедности. Именно эти показатели обеспечивают ему поддержку избирателей⁷. Как ни парадоксально, но, в отличие от Трампа, Милей, подаривший Илону Маску позолоченную бензопилу и претендующий на мировое первенство в деле разрушения государства, до сих пор вынужден действовать в институциональных рамках. Он и хотел бы выйти за их пределы, но пока у него слишком мало сил, поэтому предстоящие выборы имеют для него исключительное значение. От их результата будет зависеть парламентская конфигурация правящего блока в течение второй половины президентского срока Милей и перспективы его переизбрания в 2027 году. Иначе говоря, успех экономической программы, обсуждаемой с МВФ, зависит от состава и размера депутатских блоков, которые сформируются в результате октябрьских выборов⁸. Если «Свобода наступает» одержит победу, то правительство сможет проводить радикальные социально-экономические реформы, требующие поддержки законодательной власти, без оглядки на «сотрудничающую оппозицию», без проволок и вынужденных компромиссов.

Задача Милей на этих выборах – подчинить себе правоцентристское и центристское политическое пространство, которое до сих пор контролировали «Республиканское предложение» и Гражданский радикальный союз. На протяжении всего демократического

6 Tenenbaum y Sietecase analizan el anuncio de Caputo sobre el acuerdo con el FMI // Radio Con Vos 89,9. 2025. 28 de marzo (www.youtube.com/watch?v=kQrMAbnAyIg&t=2s).

7 См.: Ворожейкина Т. *Аргентинская бензопила: год первый*.

8 PAGNI C. Javier Milei en el corazón de la doble incertidumbre // La Nación. 2025. 27 de marzo (www.lanacion.com.ar/politica/javier-milei-en-el-corazon-de-la-doble-incertidumbre-nid27032025/).

периода выборы в Аргентине осуществлялись по одному и тому же сценарию, предполагавшему противостояние двух блоков – перонистского и антиперонистского, – причем водораздел не всегда проходил между левыми и правыми. Если в XXI веке перонисты (киршнеристы) действительно представляли левоцентристскую часть политического спектра, то в 1990-х и перонистский президент Карлос Менем (1989–1999), и перонистский кандидат на выборах 1999 года Эдуардо Дуальде занимали более правые позиции по отношению к антиперонистской коалиции, сформированной радикалами и левыми. На предстоящих выборах Милей намеревается сломать этот алгоритм и изменить поляризованное пространство трехчастным. Милей хорошо понимает, что ядро киршнеристского электората, примерно 30–35% избирателей, не будет голосовать за него ни при каких обстоятельствах. Поэтому его цель – перетянуть на свою сторону антиперонистских избирателей, с 2015 года голосовавших за правоцентристские коалиции, которые складывались во круг «Республиканского предложения». Именно эта партия и ее лидер Макри стали главной мишенью атаки Милей и его подручных в условиях фактически начавшейся избирательной кампании.

За последние полтора года политические позиции Макри существенно ослабли. В начале нынешнего президентства Макри, обеспечивший Милею голоса для победы во втором туре, явно рассчитывал если не на общее руководство политическим высочкой, не имевшим ни организационной структуры, ни собственной команды, то на равноправный союз. Этого не случи-

лось. Несмотря на то, что представители «Республиканского предложения» в Национальном конгрессе поддерживали все экономические реформы правительства и безотказно – до последнего времени – голосовали за все правительственные законопроекты и декреты, Макри быстро терял влияние и позиции. Он справедливо обижается на то, что Милей и в первую очередь его всеильная сестра Карина, занимающая посты генерального секретаря президентской администрации и председателя партии «Свобода наступает», решили дать бой единственной партии, которая им безоговорочно содействовала.

«Была ли когда-нибудь партия, которая, не будучи правящей, делала бы то, что сделала за эти полтора года PRO [“Республиканское предложение”] для нынешнего правительства? История такой партии не знает. Мы не только публично поддерживали [Милей] во втором туре и осуществляли наблюдение на выборах. После того, как орки [по-видимому, перонисты. – Т. В.] пять раз почти опрокинули правительство и его экономический план, именно PRO вытаскивала каштаны из огня»⁹.

Макри обижается напрасно: в политике не существует благодарности, а выглядит он жалко. Карина Милей, которую брат-президент называет «шефом» (*El Jefe*, в мужском роде) и которая отвечает за предвыборную стратегию правящей партии, руководствуется холодным расчетом. Согласно опросу, опубликованному в конце марта текущего года, партию «Свобода наступает» готовы поддержать на предстоящих выборах 36,7% против 5,5% у «Республиканского предложения» и 32,5% у перонистской коалиции «Союз за Родину»

9 Mauricio Macri apuntó contra Karina Milei y dijo que no entiende la actitud del Presidente // La Nación. 2025. 31 de marzo (www.lanacion.com.ar/politica/mauricio-macri-apunto-contrakarina-milei-y-dijo-que-no-entiende-la-actitud-del-presidente-nid31032025/).

(«Unión por la Patria»). В случае, если «Свобода наступает» и «Республиканское предложение» образуют коалицию, вместе они получают 40,4% голосов против 32,2% у перонистов¹⁰. Иначе говоря, союз правящей партии с «Республиканским предложением» существенно не улучшит ее положения в электоральном раскладе, который показывает, что партия Милей уже завоевала практически все политическое пространство правее центра, который съехал до 5,5% у макристов и 1,3% у радикалов. Конечно, до общенациональных выборов остается еще полгода, за которые ситуация может измениться, однако общее соотношение сил, если не случится экономического обвала, по-видимому, останется неизменным.

Союза «Республиканского предложения» с правящей партией, к которому так стремился Макри, не получилось ни в одной из семи провинций страны, где уже сформированы списки кандидатов в региональные законодательные собрания. Здесь выборы состоятся в апреле–июне 2025 года – раньше, чем в Национальный конгресс. Важнейшие из региональных выборов с точки зрения политического веса провинций в определении курса страны и результатов последующих общенациональных голосований пройдут в автономном городе Буэнос-Айрес и в провинции Буэнос-Айрес. В столице они состоятся 18 мая. Глава столичного правительства Хорхе Макри (двоюродный брат бывшего президента) принял

решение развести региональные и национальные выборы с тем, чтобы ослабить воздействие общенациональной повестки на региональную и не допустить потери влияния «Республиканского предложения» в городе, где оно возникло и с 2007 года непрерывно контролирует городскую власть. Для всех участников столичные выборы имеют ключевое значение, поскольку на них должно определиться соотношение сил между тремя основными игроками: либертарианцами, перонистами и сторонниками «Республиканского предложения». Будущие результаты этих выборов воспринимаются как прогноз в отношении общенационального голосования в октябре¹¹.

В Буэнос-Айресе Карина Милей ввела в бой тяжелую артиллерию: список партии «Свобода наступает» возглавляет Мануэль Адорни – пресс-секретарь и доверенное лицо президента, руководитель Секретариата по коммуникациям и средствам массовой информации Аргентины. Согласно опросам, он занимает второе или третье место после лидера перонистской коалиции во главе с радикалом Леандро Санторо и списком «Республиканского предложения», возглавляемым депутатом Национального конгресса Сильвией Лоспеннато. Все это фигуры первого ряда федеральной политики. Если победит перонистское объединение «Час настал, Буэнос-Айрес» («Es ahora Buenos Aires») или «Свобода наступает», а «Республиканское предложение» останется на третьем месте,

10 См.: *La Inseguridad Avanza. Informe Marzo 2025*. Другой показатель – индекс политических предпочтений, ежемесячно определяемый агентством «D'Alessio-IROL/Berensztein», – свидетельствует о существенно ином соотношении политических сил: «Свобода наступает» – 25%, перонистская партия – 19%, «Республиканское предложение» – 18%, «Гражданский радикальный союз» – 8%. См.: BERENZSTEIN S. *Una elección clave que expone cambios profundos en nuestro sistema político* // La Nación. 2025. 28 de marzo (www.lanacion.com.ar/opinion/una-eleccion-clave-que-expone-cambios-profundos-en-nuestro-sistema-politico-nid28032025/).

11 MORALES SOLÁ J. *A todo o nada entre Milei y Macri* // La Nación. 2025. 30 de marzo (www.lanacion.com.ar/opinion/a-todo-o-nada-entre-milei-y-macri-nid30032025/).

то это будет означать ее тяжелейшее поражение в собственной колыбели и вотчине. Оно может оказаться началом конца партии, создавшей двадцать лет назад жизнеспособную правоцентристскую альтернативу и превратившей господство перонистов и радикалов в аргентинской политике.

В последние месяцы, по мере того как уменьшались шансы на предвыборное объединение «Республиканского предложения» и партии «Свобода наступает», Маурисио Макри начал менять курс, постепенно дистанцируясь от Милея. Политические издержки зависимости партии от политики либертарианцев, от их успехов и провалов становились все более очевидными. Близость – до неразличимости – макристов к правительству разрушала социальную базу «Республиканского предложения»: в нем не осталось места для антиперонистских противников Милея, о чем во всеуслышание заявил один из лидеров партии – бывший мэр Буэнос-Айреса (2015–2023) и кандидат в президенты на праймериз 2023 года Орасио Родригес Ларрета¹². Критика Макри, направленная против Хавьера и Карины Милей, сосредоточилась на их «слабой чувствительности к институциональным проблемам»¹³:

«Мы, аргентинцы, должны понять, что без правил, без институтов нет будущего. Нужны правила, и их необходимо выполнять: если любой во время игры может схватить мяч рукой, игры нет. А если нет игры, у аргентинцев нет будущего»¹⁴.

Опытный и искушенный политический боец, Макри почувствовал изменение политической конъюнктуры, начавшееся с февраля 2025 года. Уровень позитивного отношения к Милею снизился, согласно опросам, с 45,2% в январе до 41,7% в феврале и до 41,1% в марте. Соответственно, 53,8% опрошенных в январе, 58,0% в феврале и 58,5% в марте заявляли о своем негативном восприятии президента. Примерно такая же динамика отношения к общему управлению страной – в марте его одобряли 41,6% и не одобряли 58,4%. После в целом удачного для Милея окончания первого года (рейтинги ноября были на уровне 46,6% позитивные, 52,5% негативные) показатели снова начали расходиться¹⁵. Причин растущего недоверия правительству несколько. Одна из них – начавшееся бегство от национальной валюты, вызванное усиливающимся расхождением официального и параллельного обменного курса. Разница между ними (*brecha cambiaria*), сокращение которой было предметом гордости правительства в 2024 году, вновь достигла 20%. Неясность относительно условий будущего кредита МВФ, ожидание вероятной девальвации и крайне неудачные и противоречивые комментарии властей, включая самого президента, усугубляют неопределенность. Импортеры стремятся ввезти как можно больше товаров, используя пока еще дешевый доллар. Экспортеры в ожидании его удорожания приостанавливают или прекращают экспорт, что еще больше

12 Родригес Ларрета вышел из «Республиканского предложения» и возглавляет собственный список на выборах в Законодательное собрание Буэнос-Айреса, что еще больше усугубляет электоральную ситуацию партии.

13 PAGNI C. *Un cristal astillado* // La Nación. 2025. 1 de abril (www.lanacion.com.ar/politica/un-cristal-astillado-nido1042025/).

14 “El PRO quería colaborar y no nos dejaron”: Mauricio Macri en exclusiva con Cristina Pérez // LN+. 2025. 1 de abril (www.youtube.com/watch?v=zxa32gJVZNY&t=1234s). В 1995–2007 годах Маурисио Макри был президентом футбольного клуба «Бока Хуниорс» («Boca Juniors»).

15 *La Inseguridad Avanza. Informe Marzo 2025*.

сокращает валютные запасы, направляемые Центральным банком на поддержание курса доллара. И все, у кого есть позиции в песо, стремятся купить доллары в ожидании неминуемого изменения правил установления валютного курса¹⁶. Эта ситуация, неоднократно возникавшая в Аргентине за последние сорок лет, порождает общую нервозность, которая в свою очередь сказывается на уровне доверия населения к правительству.

Вторая причина возросшего недоверия лично к президенту связана с так называемым «делом *\$Libra*» («Caso *\$Libra*»), или «криптогейтом» (*Criptogate*). Это история, с одной стороны, из ряда вон выходящая, а с другой стороны, вполне тривиальная. В пятницу 14 февраля 2025 года, в 15:37 никому не известная фирма, занимающаяся криптовалютой, открывает зарегистрированный в тот же день веб-сайт, на котором сообщает о проекте под названием «Да здравствует свобода» («Viva La Libertad»), ориентированном на финансирование мелких предприятий в Аргентине. В 16:58 компания объявляет о создании блокчейна (цифровой валюты) *\$Libra*, которую можно купить, пройдя по соответствующей ссылке. В 19:01, то есть через минуту после закрытия нью-йоркской биржи и в преддверии трехдневных биржевых каникул в США, президент Аргентины Хавьер Милей опубликовал пост, посвященный этому проекту:

«Либеральная Аргентина растет!!! Этот частный проект посвящен стимулированию роста аргентинской экономики, финансированию малого бизнеса и стартапов. Мир хочет инвестировать в Аргентину».

Пост Милей включал электронный адрес проекта, где любой человек, обладающий необходимыми знаниями для покупки криптовалюты, мог это сделать. Ну и, как водится: «Да здравствует свобода, черт подери!». Важно подчеркнуть, что Милей не только опубликовал этот пост, но и закрепил его в своем профиле. До этой публикации президента Аргентины никто не знал о запуске новой криптовалюты, поскольку фирма никак ее не продвигала.

Сразу после публикации Милей *\$Libra*, цена которой до этого была равна нулю, начала стремительно расти по мере того, как увеличивалось число покупателей. Поскольку все транзакции такого рода публично регистрируются, очень быстро удалось установить, что несколько человек (или автоматизированных счетов) купили эту криптовалюту немедленно по практически нулевой цене, что свидетельствовало об их привилегированном доступе к информации. В 19:42 цена *\$Libra* достигла максимума в 5,2 доллара США, после чего те, кто купил ее по низкой цене, начали продавать. К этому времени 80% эмитированной криптовалюты находились на счетах четырех человек. В 00:51 15 февраля цена упала до 0,2 доллара, потеряв 96% от максимума. В итоге владельцы девяти счетов получили 87 миллионов долларов США за счет 44 тысяч человек, которые купили криптовалюту, полностью обесценившуюся за несколько часов¹⁷. В полночь, через пять часов после запуска *\$Libra*, Милей стер свое первое сообщение и опубликовал новое:

«Несколько часов назад я опубликовал сообщение, как я это делал бесчисленное множество раз прежде, в поддержку пред-

16 PAGNI C. *Un cristal astillado*.

17 TELECHEA J.M. *Crónica de una estafa anunciada: el minuto a minuto de la memecoin que promocionó Milei* // Cénital. 2025. 15 de febrero (<https://cenital.com/el-minuto-a-minuto-del-memecoin-que-promociono-milei/>).

положительно частного предприятия, с которым я, несомненно, никак не связан. Я не был в курсе подробностей проекта, а узнав о них, решил не продолжать распространять его [и поэтому удалил сообщение]»¹⁸.

История с *\$Libra* представляет собой мошенническую схему, известную в мире криптовалют под названием *rug pull*¹⁹. Она заключается в создании криптовалюты, раскручивании спроса на нее – через влиятельных лиц, знаменитостей или, как в данном случае, президента страны, – а затем несколько человек, которые обладают львиной долей этой валюты, массово продают ее, фиксируя прибыль за счет ничего не подозревающих покупателей; последние остаются с активом, потерявшим всякую ценность²⁰. Именно сообщение президента сыграло решающую роль в раскручивании этого мошенничества, без него оно не имело бы шансов реализоваться. Очень быстро выяснилось, что Милей, говоря о своем неведении относительно подробностей проекта, лукавит: в октябре 2024-го он встречался с его организаторами, главного из них, американца Хайдена Дэвиса, который называет себя «помощником Милея», принимал в президентском дворце *Casa Rosada*, а с аргентинским трейдером Маурисио Новелли знаком по крайней мере с 2021 года. Все сказанное подтверждается множеством совместных фотографий президента с действующими лицами аферы.

Милей молчал три дня, после чего вечером в понедельник, 17 февраля, дал на канале «*Todo Noticias*» интервью одному из своих любимых журналистов Джонатану Виале, после чего скандал разгорелся с новой силой. В разговоре президент отходит от своей первоначальной версии, согласно которой он не был в курсе подробностей. Он говорит о себе как о «фанатичном технооптимисте», который узнал об интересном предложении, позволяющем финансировать стартапы в Аргентине и превратить ее в технологический хаб. Понятно, что положение президента тяжелое: он или обманщик, принявший участие в жульнической схеме, которая без него не состоялась бы, или же обманутый, что свидетельствует о его некомпетентности именно в той сфере, где он всегда выступал как эксперт. (До того, как стать президентом, Милей читал платные курсы о вложениях в криптовалюты.) Поэтому глава государства выбрал третий вариант: он энтузиаст научно-технического прогресса и экономического развития Аргентины – хотя при этом никак не объясняет, как предложенная финансовая схема могла этому способствовать. При всем этом Милей, который обычно щедр на самые низкопробные ругательства в адрес своих противников и вообще тех, кто с ним не согласен, не говорит ни одного плохого слова о людях, втянувших его в скандал²¹. Другая используемая им линия защиты еще менее убедительна. По словам Милея, нет никаких 44 ты-

18 RUMI M.J. *Criptogate: analistas creen que podría impactar en los activos argentinos y en la brecha cambiaria* // La Nación. 2025. 17 de febrero (www.lanacion.com.ar/economia/cripto-gate-analistas-creen-que-podria-impactar-en-los-activos-argentinos-y-en-la-brecha-cambiaria-nid16022025/).

19 В английском языке словосочетание *rug pull* – «выдернуть коврик (из-под ног)» – означает «внезапно лишить кого-то поддержки».

20 ТЕЛЕСНЕА J.M. *Op. cit.*

21 Ernesto Tenembaum *sobre la nota de Jony Viale a Milei tras el escándalo de la criptomoneda \$Libra* // Radio Con Vos 89.9. 2025. 18 de febrero (www.youtube.com/watch?v=P_9OuPOx-do&list=PLShhAwfHBQP-TTocDoySk0-abaG_BB05T).

сяч аргентинцев, потерявших деньги, поскольку большинство пострадавших – боты. В самом крайнем случае, добавил он, лишились средств пять тысяч человек, среди которых аргентинцев очень мало (!), а в основном это американцы и китайцы:

«[Эти люди –] суперспециалисты в использовании подобных финансовых инструментов, они добровольно приняли в этом участие и очень хорошо понимали, что делают. [...] Ведь если ты идешь в казино [!] и теряешь деньги, в чем твои претензии? Те, кто принял во всем этом участие, не только действовали добровольно, это еще и отношения между частными лицами, государство не играло здесь никакой роли».

На вопрос интервьюера о том, правильно ли, что президент продвигает такие вещи, глава государства ответил: «Я не продвигал [*no lo promocioné*] – я распространял [*difundí*]²².

Как оказалось позднее, скользкий сюжет о казино на этом не закончился. Телеканал «Todo Noticias» выложил в эфир отредактированную запись разговора, а вот в ютубе – то ли по недосмотру, то ли, как хочется думать, по другой причине – появилась его черновая запись. На ней журналист спрашивает Милея, кто будет представлять его в суде, поскольку уже возбуждено дело и назначена судья, которой предстоит заниматься этим. Далее между Милеем и Виале состоялся такой диалог:

Милей: В юридических вопросах я не разбираюсь, было бы неосмотрительно с моей стороны высказываться на эту тему. В таких вещах, несомненно, лучше понимает наш министр юстиции Мариано Кунео Либарона.

Виале: Но в этом деле ты участвовал как гражданин и как президент!

Милей: Нет, только как гражданин. Это мой личный аккаунт. Видел же, что написано в моем сообщении?

Виале: Да, «Хавьер Милей, экономист». Но ты же президент!²³

На этом месте интервью прерывается, и в кадре появляется третье лицо – всесильный помощник Милея Сантьяго Капуто по прозвищу «кремлевский волшебник» (*el mago de Kremlin*)²⁴. Он наклоняется к уху президента и что-то ему шепчет, в то время как журналист, очевидно, чувствуя себя неловко, произносит следующую фразу: «Да-да, понял, я и сам заметил, что это может вызвать юридические проблемы. Ну, что будем делать?» – «Снова спроси меня о *\$Libra*, – советует ему Милей»²⁵. Этот трехминутный фрагмент мгновенно разошелся по интернету, и ошеломленные зрители увидели, что прямой якобы эфир на самом деле является отредактированным интервью, в котором вопросы определяет даже не сам президент, а его помощник: во время этой сцены Милей молча слушает Капуто, сложив руки на коленях.

Я не смогла удержаться от подробного описания этой истории, поскольку,

22 *Milei sobre el escándalo de la criptomoneda Libra: “Obré de buena fe y me comí un cachetazo”* // Todo Noticias. 2025. 18 de febrero (www.youtube.com/watch?v=AoFpg6cTp7s&list=PLShhAwfHBQP-TTocDoySk0-abaG_BB05T&index=3).

23 В Аргентине обращение на «ты» (*vos*) широко распространено. В данном случае оно не имеет неуважительного оттенка, поскольку собеседники давно знают друг друга; напротив, обращенное к президенту «ты» свидетельствует о доверительных отношениях первого лица и журналиста.

24 «Кремлевский волшебник» – название вышедшего в 2022 году романа итальянского писателя Джулиано да Эмполи, где прототипом главного героя, Вадима Баранова, выступает Владислав Сурков.

25 *Se filtró un momento donde la entrevista de Milei es interrumpida* // La Gaceta. 2025. 18 de febrero (www.youtube.com/watch?v=2RY0TmPYEOc&list=PLShhAwfHBQP-TTocDoySk0-abaG_BB05T&index=5).

как мне кажется, она и ее последующее развитие свидетельствуют о глубочайшей слабости и неустойчивости аргентинских политических институтов. Президент, который искренне не понимает, что, находясь на своем посту, он ни при каких обстоятельствах не может действовать как частное лицо. Казино, которое служит символом свободной и не контролируемой государством экономики, где нет правил и где каждый принимает риски на себя. Особая роль, которую, по свидетельствам журналистов-расследователей, в этом деле сыграла Карина Милей, контролирующая контакты президента и, по-видимому, получавшая деньги за допуск бизнесменов в президентский дворец. Хочется думать, что в так называемой «нормальной» стране подобная история неизбежно положила бы конец дальнейшей карьере любого политика – и тем более президента. Но в Аргентине этого не случилось и, похоже, уже не случится.

Тем не менее общественное мнение было впечатлено: в опросе, проведенном по горячим следам, 18–19 февраля, 59,9% респондентов поддержали утверждение, что в отношении инвесторов, купивших криптовалюту, которую продвигал президент Милей, было совершенно мошенничество. 66,7% согласились с тем, что «криптогейт» стал для главы государства самым большим кризисом с момента прихода к власти. При этом, однако, только 48,3% (против 49,4%) соглашались с теми политиками (в первую очередь киршнеристами), которые заявляли о необходимости начать процесс

отстранения Милея от должности (*juicio político*)²⁶. В марте на вопрос «Доверяете ли вы Милею сегодня, спустя более месяца после того, как разразился скандал с криптомошенничеством?» 57,6% ответили, что не доверяют, а 36% – что доверяют²⁷. Эти цифры находятся на уровне общего одобрения и неодобрения управления страной. На ядерный электорат Милея (30–35%) заведомо не действуют никакие разоблачения, даже связанные с его непосредственным вовлечением в жульническую аферу.

Против президента открыли судебное расследование, которое тут же было положено судьей и прокурором под сукно. У многих появилась надежда, что к каким-то результатам приведет уголовный иск, поданный в Департамент юстиции и Федеральное бюро расследований США, но если там и будет какая-то динамика, то точно не при Трампе. В феврале Сенат Национального конгресса Аргентины включил было в повестку дня вопрос о создании специальной комиссии по расследованию «криптогейта», но саму комиссию создать не смог, поскольку соответствующее решение было заблокировано сенаторами от Гражданского радикального союза и «Республиканского предложения» под давлением губернаторов провинций, от которых они были избраны²⁸. Администрация президента, поддержанная депутатами от этих двух партий, настойчиво работала над тем, чтобы вообще исключить неудобный вопрос из повестки дня и не допустить – вопреки стремлениям оппо-

26 *Informe Criptogate Febrero 2025* (<https://zubancordoba.com/portfolio/informe-criptogate-febrero-2025/>).

27 *La Inseguridad Avanza. Informe Marzo 2025*.

28 YBARRA G. *Radicales que responden a gobernadores y el macrismo no apoyaron la propuesta, que necesitaba 48 votos afirmativos; fracasaron también sendos pedidos de interpelación a Francos y Karina Milei* // *La Nación*. 2025. 20 de febrero (www.lanacion.com.ar/politica/senado-en-medio-de-tensiones-avanza-la-sesion-para-tratar-la-suspension-de-las-paso-nid20022025/).

зиции – создания комиссии по расследованию в Палате депутатов²⁹. Тем не менее, 8 апреля комиссия была создана и приступила к работе.

Еще один удар, ухудшивший политическое положение Милея, связан с выборами судей Верховного суда Аргентины, которых, по Конституции, должно быть пять. В 2021-м и 2024 годах два судьи ушли в отставку по достижении предельного, 75-летнего, возраста. Верховный суд в составе трех человек, к тому же расколотый по политическим основаниям, дееспособен лишь формально. В мае 2024 года по предложению судьи Верховного суда Рикардо Лоренцетти Милей внес на утверждение Сената кандидатуру федерального судьи Ариэля Лихо. Его юридическая и политическая репутация является одной из худших даже на общем фоне судебной системы Аргентины, скомпрометированной множеством скандалов. Против Лихо выдвинуто несколько серьезных обвинений в коррупции, незаконном обогащении и затягивании в интересах подсудимых громких судебных дел. Трудно, пожалуй, найти более хрестоматийный пример представителя «касты», столь ненавидимой Милеем. Расчет был на то, что его кандидатуру сочтут проходимой перонисты, которые занимают 24 из 72 мест в Сенате и без которых невозможно собрать две трети голосов, необходимых для утверждения судьи Верховного суда. Проще говоря, без договоренности с Кристиной Киришнер, которой не хватает лишь одного голоса до блокирующего пакета в 25 голосов, никакое назначение невозможно.

Одновременно другой кандидат в верховные судьи, весьма уважаемый – в отличие от Лихо – консервативный профессор конституционного права Мануэль Гарсия-Мансилья, поддерживался председателем Верховного Суда Орасио Росатти и его заместителем Карлосом Розенкранцем. Острая общественная дискуссия и закулисный политический торг шли на протяжении восьми месяцев, после чего потерявший терпение президент прибег к своему излюбленному ходу: он назначил обоих судей своим декретом. Гарсию-Мансилья действующие судьи Верховного суда немедленно привели к присяге, но Лихо в этом отказали, поскольку тот, понимая ненадежность своего положения, не ушел, как требует закон, с поста федерального судьи. Однако Сенат даже в такой ситуации не отступился от своих prerogatives и 3 апреля 2025 года провел голосование по обеим представленным кандидатурам, с треском их провалив. За Лихо проголосовали 27 сенаторов и 43 против. Гарсия-Мансилья, получив 20 голосов «за» и 51 «против», через четыре дня ушел в отставку, хотя по закону мог оставаться судьей по назначению до ноября³⁰.

Это голосование стало для Милея не только первым, но и самым тяжелым поражением за все время президентства. Против предложенных им кандидатур единым фронтом выступили сенаторы от всех основных политических партий – киришнеристов, радикалов, «Республиканского предложения» и даже провинциальных перонистов, зависящих от губернаторов. Здесь сошлись

29 CELICHINI D. *Diputados: el Gobierno busca frenar la comisión del criptogate y ofrece a Guillermo Francos para dar explicaciones a la oposición* // La Nación. 2025. 9 de marzo (www.lanacion.com.ar/politica/diputados-el-gobierno-busca-frenar-la-comision-del-criptogate-y-ofrece-a-guillermo-francos-para-dar-nido9032025/).

30 *Fracaso de Milei. Cómo votó cada senador los pliegos de Lijo y García-Mansilla para la Corte Suprema* // La Nación. 2025. 3 de abril (www.lanacion.com.ar/politica/lijo-y-garcia-mansilla-como-voto-cada-senador-en-la-sesion-sobre-la-propuesta-de-javier-milei-para-nido3042025/).

раздражение против авторитарных замашек Милея, политический расчет Макри (который с самого начала открыто выступал против кандидатуры Лихо), а также стремление Кишнер сохранить контроль над перонистской партией и максимально затянуть рассмотрение собственного уголовного дела в Верховном суде – последней инстанции, которая может ввести в действие или отменить приговор, вынесенный ей в декабре 2022 года и предусматривающий для бывшего президента шесть лет тюремного заключения и, главное, пожизненный запрет на выдвижение на какие-либо выборные должности. Если до 17 августа, когда заканчивается регистрация избирательных списков к выборам 26 октября, Верховный суд утвердит приговор, то Кишнер не сможет в них участвовать³¹. Теоретически суд может назначить рассмотрение этого дела или утвердить приговор без рассмотрения, но практическая вероятность этого сильно уменьшилась после разгромного голосования по кандидатурам судей в Сенате.

Уже более двадцати лет Кристина Кишнер остается ключевой без преувеличения фигурой аргентинской политики: сначала как сенатор от провинции Санта-Крус (2001–2005) и первая леди Аргентины, жена президента Нестора Кишнера (2003–2007), затем – в течение двух сроков – как президент страны (2007–2015), потом снова как сенатор, уже от важнейшей провинции Буэнос-Айрес (2017–2019) и, наконец, как всесильный вице-президент (2019–2023). Более успешной политической карьеры за последние сорок демократических лет в Аргентине не было. Казалось бы, что еще нужно человеку

в 72 года? Оказывается, нужно многое, и главное – нужна власть, стремление к которой не отпускает Кишнер на протяжении всей ее политической карьеры и даже после нее. Благодаря своей уникальной политической воле, эта деятельница, опирающаяся на треть электората, который ее безусловно поддерживает, остается главным противовесом правительству Милея. «Нужно поблагодарить Кристину за то, что без нее и ее сенаторов никто не остановил бы избрание Лихо в Верховный суд», – пишет либеральный публицист Карлос Пагни, отнюдь не являющийся сторонником перонизма³².

Однако главная политическая битва, которую ведет Кристина Кишнер, разворачивается в ее собственной партии. В декабре 2024 года она избралась партийным председателем – вопреки возражениям тех, кто считал, что ей пора на пенсию. Этот пост укрепил ее политический и аппаратный контроль над Хустисиалистской партией Аргентины, пошатнувшийся после поражения на президентских выборах 2023-го. В партии появились новые политики, которые понимают, что за двадцать лет позитивный политический потенциал кишнеризма если не исчерпан, то сильно растрочен; сегодня его хватает только на противостояние другим политическим силам и их блокирование. В отличие от Милея, у перонистов нет жизнеспособного экономического проекта, их последний провал еще у всех в памяти.

Лидером обновленческого течения в перонизме выступает 53-летний губернатор провинции Буэнос-Айрес Аксель Кисиллоф, который не только принадлежит к новому поколению, но и по иро-

31 Принятый Палатой депутатов в феврале 2025 года закон «Чистое досье», также отстраняющий Кристину Кишнер от выборов, не прошел и скорее всего не пройдет обсуждения в Сенате.

32 PAGNI C. *Un cristal astillado*.

нии судьбы является политическим «крестником» Кристины Кишнер, поскольку работал министром экономики и финансов в ее втором правительстве (2013–2015). По мнению многих аналитиков, Кишнер не возражала бы, чтобы он стал ее кандидатом на следующих президентских выборах 2027 года, но Кисиллофа явно не устраивает роль зиц-председателя, которой вынужден был довольствоваться предыдущий президент Аргентины Альберто Фернандес (2019–2023). Его президентство оказалось провальным во многом потому, что деятельность правительства была парализована из-за помех и препятствий, создаваемых всесильным вице-президентом. Кисиллоф не хочет повторения такой ситуации и с конца 2023 года все больше, хотя и не прямо, противопоставляет себя Кишнер, несмотря на громкие обвинения в неблагодарности и предательстве со стороны ее сторонников.

С начала 2025 года в центре противостояния, в котором сошлись Кисиллоф и Кишнер, оказался вопрос о дате региональных выборов в провинции Буэнос-Айрес. Ее губернатор выступает за то, чтобы развести по времени выборы в законодательное собрание провинции и в общенациональный парламент – подобно тому, как это было сделано в столичном городе. Кисиллоф справедливо полагает, что это позволит ему сосредоточиться на региональной повестке самого важного и самого населенного региона страны. Он хочет, чтобы провинциальные выборы стали плебисцитом по вопросу о том, как именно он справляется с управлением провинцией; он стремится выступать против Милея, опираясь на *свои* успехи и *свою* поддержку в регионе. Кишнер

желает прямо противоположного: выборы, по ее убеждению, должны стать плебисцитом по отношению к деятельности правительства Милея. Но этой цели невозможно достичь без мобилизации партийного аппарата провинции Буэнос-Айрес, главного оплота перонизма в стране, и поэтому она настаивает на одновременном проведении общенациональных и провинциальных выборов³³.

В центре этого, казалось бы, технического спора стоит вопрос о власти: в партии, провинции и, возможно, стране в целом. На словах обе стороны клянутся беречь единство, без которого перонизм проиграет выборы. Но каждый из оппонентов требует сохранения единства на собственных условиях. Идею, с которой выступает Кисиллоф, открыто поддержали 47 из 84 интендантов (мэров) провинциальных муниципалитетов, контролируемых перонистами, а также 27 интендантов, представляющих радикалов, что в сумме гарантирует ему поддержку 74 из 135 муниципалитетов. 7 апреля Кисиллоф, наконец, решил назначить выборы в провинции на 7 сентября 2025 года, официально объявив об этом. Согласно Конституции провинции Буэнос-Айрес, назначение даты провинциальных выборов – прерогатива губернатора. Однако Кишнер в ответ заявила, что «закон выше декрета», – имея в виду законопроект об одновременных выборах, поданный ее сторонниками в провинциальный Сенат. Первоначально она намеревалась – если, конечно, у нее сохранится такая юридическая возможность – баллотироваться в октябре в депутаты Национального конгресса от провинции Буэнос-Айрес. Но теперь же Кишнер грозит губернатору

33 MÚJICA DÍAZ J. *La disputa entre Kicillof y Cristina Kirchner llegó a un pico de tensión inesperado y corre riesgo la unidad* // Infobae. 2025. 28 de marzo (www.infobae.com/politica/2025/03/28/la-disputa-entre-kicillof-y-cristina-kirchner-llego-a-un-pico-de-tension-inesperado-y-corre-riesgo-la-unidad/).

тем, что в случае раздельных выборов выдвинет свою кандидатуру не в национальный парламент, а в региональную легислатуру – и тем самым сломает ему всю политическую игру. Бывший президент – региональный депутат! Ее, конечно, выберут; но интересно, насколько далеко способно завести человека неуменье вовремя расстаться с властью?

Действительно, от великого до смешного – один шаг. Аргентинский обозреватель Аляхандро Беркович приводит по этому поводу высказывание Фелипе Гонсалеса – председателя правительства Испании в 1982–1996 годах:

«Экс-президенты подобны китайским вазам, они слишком большие для маленьких квартир. Предполагается, что мы обладаем ценностью, но, куда нас ни поставь, мы везде мешаем. Китайская ваза загромождает жилище, но выбросить ее жалко. Втайне обитатели квартиры надеются, что какой-нибудь маленький мальчик, наконец, толкнет злосчастную вазу локтем и та упадет, рассыпавшись на кусочки»³⁴.

Многие перонисты, похоже, надеются, что таким «мальчиком» станет Аксель Кисиллоф. Но немало и тех, кто обвиняет его в своекорыстном стремлении отстранить бывшего президента от руководства ради власти. Можно подумать, будто противная сторона стремится к чему-то другому! Если же говорить

серьезно, то речь идет о судьбе важнейшей составляющей институциональной трансформации в Аргентине. Если перонизм не сможет быстро обновиться и перестроиться, то не останется никаких препятствий, сдерживающих авторитарные инстинкты Милей. И вопрос о том, жива ли еще аргентинская демократия – и если жива, то до какой степени, – повиснет в воздухе.

P.S.

Поздно вечером 11 апреля президент Аргентины Хавьер Милей выступил по национальному телевидению и торжественно сообщил о заключении соглашения с МВФ, предусматривающем выделение Аргентине 20 миллиардов долларов, из которых 15 миллиардов она может использовать уже в 2025 году. Цель кредита – капитализация Центрального банка и отмена множественного обменного курса (*серио cambiario*), который с 14 апреля заменяется на валютный коридор. Милей объявил, что теперь с валютным контролем «покончено навсегда», а инфляция «рухнет» (*«va a colapsar»*)³⁵. Так ли это будет на самом деле или же вновь, как это неоднократно происходило в аргентинской истории, инфляция начнет разгоняться, сейчас никто предсказать не сможет.

34 «Jarrones chinos» por Alejandro Bercovich. Editorial en Pasaron Cosas // Radio Con Vos 89,9. 2025. 1 de abril (www.youtube.com/watch?v=kwGjf7scm9c).

35 Cadena nacional: Javier Milei dijo que se eliminó el cepo “para siempre” y que la inflación “va a colapsar” // La Nación. 2025. 12 de abril (www.lanacion.com.ar/economia/el-mensaje-de-javier-milei-tras-los-anuncios-de-economia-eliminamos-el-cepo-para-siempre-nid11042025/).

Рецензии

Из глубины экрана: интерпретация кинотекстов

Вадим Михайлин

М.: Новое литературное обозрение, 2025. – 512 с.

В формулировке замысла и устройства обсуждаемой книги ее автор – филолог,

антрополог, теоретик культуры, переводчик Вадим Михайлин, состоявший в этой работе во всех перечисленных обликах, – максимально сдержан:

«Это... лоскутное одеяло, сшитое из текстов, часть из которых публиковалась когда-то в качестве отдельных статей, а часть просто проговаривалась перед небольшой, но заинтересованной публикой, имевшей (и до сих пор имеющей) обыкновение ходить на комментированные кинопоказы, которые я время от времени устраиваю на разных саратовских площадках» (с. 7).

Акцентируя внимание на пестроте своего «лоскутного одеяла», автор в некотором смысле отказывает ему в цельности – однако все сложнее. Действительно, в книге как будто нет речи ни о систематическом концептуальном моделировании кинематографа как явления (такая задача, конечно, была бы непомерной, но Михайлин, кажется, как раз из тех немногих, у кого получилось бы ее выполнить), ни о всеохватности материала (и даже пре-

НОВЫЕ КНИГИ

тензий на это): сплошь анализ отдельных случаев, каждый из которых, несомненно, характерен в том или ином интересующем автора отношении, но выбраны эти случаи, кажется, с известной степенью произвольности.

Вошедшие в книгу тексты распределены по трем разделам: «Кино как симптом», «Кино как жест» и «Авторские языки кинематографа». Каждому из разделов сопутствует (но вряд ли жестко к нему привязан) «Кинопоказ» с подробным анализом какого-нибудь фильма, а в случае «Авторских языков...» – целых четырех. Замыкается вся конструкция двумя приложениями: анализом советских языков умолчания (в основном, но не исключительно, в кино) и рецензией на англоязычную монографию Лиды Укадеровой «Кинематограф советской оттепели: пространство, материальность, движение». Основной предмет внимания автора в книге – кинематограф советский, с некоторыми немногочисленными инокультурными включениями («М» Фрица Ланга, «Барышни из Вилько» Анджея Вайды, «Дуэлянты» Ридли Скотта и «Четыреста ударов» Франсуа Трюффо). Кинематограф постсоветский представлен только мультипликацией Ивана Максимова.

Однако за всеми этими точечными случаями, за всей их как будто разнородностью стоит цельная, стройная и связанная система взглядов автора, которая выговаривается в связи с каждым из фильмов, создает им общую теоретическую основу. Она не формулируется открыто и последовательно (но легко вычленивается из всего, что говорится по конкретным поводам) и не особенно проблематизируется. Она скорее нечто вроде прочной металлической сетки, которая накладывается на всякий предмет – и он (как демонстрирует автор), без остатка в нее умещается.

Вадим Михайлин вообще написал чрезвычайно много на очень многие темы, и тексты, составившие этот пятисотстраничный том, – лишь небольшое избранное; сюда вошли даже не все его работы о кино: вспомним хотя бы изданный пять лет назад тем же «НЛО» сборник написанных им в соавторстве с Галиной Беляевой статей о советских школьных фильмах начала 1930-х – середины 1960-х¹. Наличие столь внушительной основы делает для автора возможной энциклопедическую ширину тематического диапазона – от литературы до разного рода социальных техник, практик и символических систем. Тематический диапазон широк даже в одной этой книге, посвященной как будто исключительно кинематографу – а на самом деле далеко не только ему. В каком-то смысле кино, «самое [...] антропологическое из искусств» (с. 7), как уже не в первый раз² говорит Михайлин, всего лишь предоставляет исследователю материал для выговаривания этой концептуальной основы – зато, пожалуй, материал наиболее выразительный.

В киноискусстве Михайлин усматривает «симптом» – скорее совокупность таковых (первый раздел книги так и называется, но то же восприятие лежит в основе и остальных ее разделов) или даже систему улик: то, в чем человек многократно, многосторонне и незаметным для себя образом проговаривается. Это с одной стороны. С другой (оставляя в стороне собственно художественные аспекты этого искусства, о которых тоже идет речь в книге), автор рассматривает кино как огромный, подробный и совершенно сознательно выстраиваемый манипулятивный механизм, с помощью которого режиссер – а в случае советских фильмов, в конечном счете, само государство – настраивает зрителей нужным для себя образом, вызывая у них требуе-

1 Михайлин В., Беляева Г. *Скрытый учебный план: антропология советского школьного кино начала 1930-х – середины 1960-х годов*. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

2 Эта его мысль уже знакома нам по «Скрытому учебному плану».

мые чувства и формируя у них в головах необходимые представления, ценности и установки – тем вернее, чем менее зрители в своей доверчивости это замечают (и все, относимое к эстетике, именно на манипуляцию и работает). «Самое антропологическое из искусств», таким образом, предстает как самое антропопластическое – задающее человеку форму, меняющее его свойства – и даже как самое антропоургическое, работающее с самой сущностью человека.

У теории же, лежащей в основе вошедших в книгу (и других, не вошедших) текстов автора, есть три взаимосвязанных уровня: антропология, теория исторического процесса (по крайней мере советского времени) и теория культуры в целом. Сформируем сначала антропологический ее уровень. Человек, согласно по умолчанию принимаемой Михайлиным модели, существо тотально символическое: буквально каждый шаг полон значениями, нет пустой породы; соответственно, каждый шаг его и характеризует, и выдает: на каждом шагу он неминуемо проговаривается. В человеке (и тут автор – верный ученик Фрейда) есть по меньшей мере два слоя, или уровня, существования: слой явного и слой неявного; в нем необходимо существуют некоторые содержания, которые не допускаются на поверхность, замалчиваются – поскольку не вписываются в доминирующий / предпочитаемый образ реальности. Но, не имея возможности быть высказанными прямо, эти подавляемые, запретные содержания высказываются косвенно, окольными путями, в шифрах, устройство которых возможно проследить, смоделировать процесс их образования.

В такой дешифровке, в выявлении истинных интенций художественных высказываний, их идеологической подоплеки, их подтекстов и умолчаний и состоит смысл исследовательской работы для автора (в этой модели интеллектуального поведения исследователь – отчасти детектив,

отчасти психоаналитик). А можно сказать и так – мы не зря упомянули, что автор в книге состоялся во всех своих профессиональных обликах, включая и переводческий: в каком-то смысле переводческая позиция здесь ведущая: автор только тем и занят, что переводит события искусства на рациональный язык исходя из презумпции их тотальной, без остатка, переводимости.

Историю советских десятилетий автор представляет как последовательность трех сменяющих друг друга мобилизационных проектов – сталинского, оттепельного и позднесоветского, – в свете которых кинематограф соответствующего времени форматировал своего зрителя, чтобы вовлечь его в свои проекты желательно как можно более целиком. Власть (в том числе посредством искусства) обращается к подвластному ей народу разными языками, которые (сохраняя свою сущность) меняются «с каждым очередным поворотом генеральной линии партии» (с. 11). В свою очередь у целевой аудитории существует система ожиданий – которой послания, чтобы быть усвоенными, должны соответствовать, при этом она в значительной мере сама поддается формированию, и кино, адресуясь к этой системе ожиданий, одновременно участвует в ее формировании как очень эффективный инструмент. В этом качестве оно тут и рассматривается.

Центральный концепт этой модели – *ситуативное кодирование* (собственно, к системе кодов и к практикам кодирования может быть сведена – фактически и сводится автором – культура как таковая, увиденная как фабрика по производству смыслов с отлаженными конвейерами). У кодирования есть публичный уровень и уровни микрогрупповые: индивидуально-эмоциональный, соседский, стайный (видимо, под «стаей» имеется в виду коллектив, не связанный ни кровным родством, ни устойчивой пространственной близостью) и, конечно, семейный:

«[Это] первый из собственно социальных уровней ситуативного кодирования. [...] О каком бы то ни было самосознании здесь также говорить еще рано, и мы становимся одновременно субъектами и объектами процесса нерелексированного и неподконтрольного “смещения кодировок”, где первичные аффективные реакции на (случайные) раздражители обрастают смыслами из семейного уровня ситуативного кодирования» (с. 32).

Эти уровни связаны друг с другом, власть использует в своих целях их все. На материале кино Михайлин показывает, как именно она это делает, добираясь, в конечном счете, до уровня самого-самого глубокого, изначального, дорефлективного, где складываются самые априорные смыслы:

«Весь получаемый нами опыт мы “приписываем” к одному из тех уровней ситуативного кодирования, которые формируются у нас на ранних этапах индивидуального существования. Формирование аффективных реакций относится к самым ранним стадиям психической деятельности и составляет основу индивидуально-эмоционального уровня ситуативного кодирования» (с. 31).

Поскольку этот «черный ящик» (с. 31) в силу своей дорефлективности не очень доступен, особенно эксплуатирует она уровень семейный:

«Именно он превращается в наилучший набор отмычек к первичным аффектам. И одно из базовых ноу-хау социальной манипуляции – научиться этими отмычками владеть. [...] Это ноу-хау открыто было достаточно давно: с ним работают уже в античности как в целях прямой политической манипуляции (Август), так и в аспекте деконструкции (Софокл)» (с. 32).

Символика, которую человек себе создает, моделируя реальность, овладевая ею, защищаясь от нее, создает – показывает автор – самого человека, причем, как пра-

вило, без того, чтобы человек сам отдавал себе в этом отчет. Михайлин (у которого очень важен также концепт «вмененного» – смыслов, значений и так далее, – то есть того, что не рефлектируется, принимается как само собою разумеющееся и тем вернее вертит человеком) создает средства к тому, чтобы такой отчет стал хоть в какой-то мере возможен. Его собственное дело состоит в том, чтобы сделать незаметное заметным, неосознаваемое – осознанным. В этом смысле он прямой наследник просветительского проекта во фрейдовской версии (недаром он на Фрейда не раз ссылается): где было (темное хаотичное) «оно», должно стать (ясное, критичное, рациональное) «я».

Демонстрируя максимально разные культурные формы как манипуляционные техники (в конечном счете, инструменты власти), Михайлин, несомненно, вкладывает в наши руки тщательно разработанный инструментарий для разрушения всяческих иллюзий. В каком-то смысле все это – о том, как люди обманывают и оболщают, обманываются и самообманываются; о структуре завесы, отделяющей от наших глаз реальность или, куда вернее, заменяющей нам ее; скорее о способах невидения, чем о способах видения. Вот характерный для автора ход мысли:

«Искусство паразитирует на одном из ключевых свойств нашей психики, категорически необходимом для того, чтобы сохранять иллюзию контроля в потоке информации, радикально превышающем возможности не только нашей памяти, но даже нашего внимания: на привычке к ситуативности восприятия, к необходимости “ставить рамку”, внутрь которой попадает информация, назначаемая нами релевантной. Вся прочая информация попросту “не замечается”. [...] Искусство [...] манит нас фантомом контроля непоколебимого: в пространстве, в обстоятельствах и во времени. [...] Именно по этой причине искусство несет на себе ответ

божественного. Идея Бога “впечатана” в наше сознание все той же невротической одержимостью неполнотой контроля. Если ситуативные рамки, которые мы в состоянии удерживать, не вмещают всей потенциально значимой информации, то одна из наиболее логичных стратегий коррекции подобного положения вещей как раз и заключается в изобретении всеобъемлющих внешних инстанций, способных если не контролировать все не учтенное нами, то во всяком случае выстраивать несравнимо более широкие когнитивные рамки» (с. 257–258).

Но чего же все-таки не хватило прирчивому автору этих строк в теоретическом построении Михайлина – спору нет, виртуозном, захватывающем и чрезвычайно, до неожиданного, насыщенном историческим материалом (вплоть до того, что в рассмотрение вовлекаются и глубокие античные корни европейской культуры, и алхимическая традиция, и карты Таро)? Пожалуй, зазора между теоретической схемой и веществом искусства, неполноты их совпадения, сопротивления искусства его тотальной – как показывает исследователь – инструментализации; того, чтобы на это вообще обращалось хоть какое-то внимание. Проблематизации самой схемы, принятой за априорную.

Интересно, что при анализе произведений зарубежного кино – немецкого, польского, британского, французского – Михайлин совершенно оставляет тему власти, манипулируемого ею народа и мобилизационных проектов, хотя было бы наивно предполагать, что власти соответствующих стран обходились вовсе без таковых. Идея манипулирования и искусства как его механизма сохраняется, но интерпретационные игры становятся гораздо интереснее, и анализ – существенно более тонким.

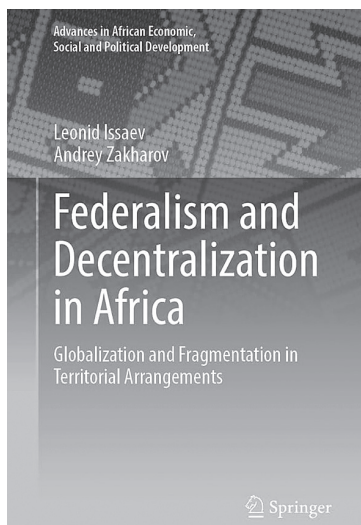
Ольга Балла-Гертман

ФЕДЕРАЛИЗМ НА ОЗЕРЕ ЧАД И В ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ

Federalism and Decentralization in Africa. Globalization and Fragmentation in Territorial Arrangements

LEONID ISSAEV, ANDREY ZAKHAROV

Cham: Springer, 2024. – 215 p.

Рост народонаселения и расширение экономики, фиксируемые в Африке в первой четверти XXI века, а также обусловленные ими вопросы институционального и инфраструктурного развития уже давно сообщили дискуссиям о будущем этого континента неослабевающую актуальность. Однако у повышенного интереса к африканским исследованиям имеется и иное, не столь заметное, но напрашивающееся основание: чем больше нюансов современной африканской жизни открывается перед любопытствующей читающей публикой, тем более отчетливо предстают перед ней неожиданные параллели и сходства с совсем неафриканскими контекстами. Действительно, формальных оснований для сравнения, например, Африки и России в настоящее время больше чем достаточно: ведь в обоих случаях речь идет о социумах с преимущественно сырьевой

экономикой, большим социальным расслоением, невысоким уровнем политико-правовой культуры, сложносоставным в этническом и религиозном плане населением. И там и здесь искусственность некоторых институтов, в фундаменте которых нет ничего, кроме наивной веры в надуманно-прекрасное будущее, проявляет себя во всей красе, создавая острейшие социальные проблемы. Иначе говоря, расширение исследовательского горизонта, допускающее сопоставление традиционно несопоставимого, рождается как бы само собой.

Именно такая попытка выйти за привычные компаративистские рамки представлена в рецензируемой книге, авторы которой сочетают умение пристально всматриваться в общественно-политические явления с искусством правильно выбрать, на что действительно стоит взглянуть. Проскальзывающие между строк отсылки к отечественному опыту не только продвигают федералистскую компаративистику как увлекательный жанр, но и втягивают политическую историю африканского континента в общемировой контекст. Федеративные эксперименты Африки благодаря этому перестают быть периферийной отраслью, поскольку в них вдруг обнаруживаются общезначимые закономерности, присущие любым многоуровневым системам независимо от того, кем, когда и как они учреждались. Постоянное обращение авторов к классическим текстам Дэниела Элазара, Дональда Горовица, Кеннета Уэйра или Уильяма Райкера помещает предлагаемые в работе нарративы в рамку общетеоретических представлений о федеративном строительстве в сложносоставных обществах. Тем самым новые знания о федералистских моделях встраиваются в устоявшуюся систему координат.

Тематически книга подразделяется на три части, которые посвящены конкретным типам федеративных экспериментов – либо уже канувшим в прошлое, либо развора-

чивающимся в настоящем, либо с вероятностью ожидаемым в будущем. Кейсы выстроены хронологически: в каждом из них излагается ретроспектива конкретного политического проекта с таящимися за ним конфликтами, его современное состояние, а также институциональные и внеинституциональные перспективы. Ниже будут проанализированы наиболее важные, на мой взгляд, авторские позиции, излагаемые поглавно.

В первом разделе книги в качестве африканских федеративных систем, на сегодня прекративших свое существование, рассматриваются Федерация Родезии и Ньясаленда (1953–1963) и Федеративная Республика Камерун (1961–1972). Авторский выбор пал на эти государства не случайно: их очевидное подобие дополняется столь же явной несхожестью, причем как в динамике федеративных отношений, так и в причинах отказа от таковых.

Если говорить о первом из этих образований, то Федерация Родезии и Ньясаленда создавалась в преддверии ухода британских колонизаторов из южной части континента для того, чтобы противодействовать политике апартеида, все более властно утверждавшейся в соседней ЮАР и угрожавшей выплеснуться за ее пределы. Подобные крайности британских политиков совсем не устраивали. Кроме того, к запуску федеративного строительства Лондон подталкивали нужды консолидированного и координируемого развития трех подчиненных британцам, но при этом разнородных территорий: самоуправляющейся Южной Родезии, несамоуправляющейся Северной Родезии и остающегося в статусе протектората Ньясаленда. При этом местные поселенческие элиты стремились навеки законсервировать превосходство белого меньшинства, отсекая черное население от участия в общегосударственной политике.

Получившийся на выходе расистский федерализм эмблематично именовался «парт-

нерством всадника и лошади» (р. 10–12). Фундаментальное несходство амальгамируемых обществ настораживало искушенных наблюдателей изначально; Кеннет Уэйр, например, делавший по запросу Уайтхолла экспертную оценку инициативы, изначально предупреждал, что будет очень трудно «создавать федерацию из территорий, которые отличаются столь разными уровнями конституционного развития» (р. 15). Получилось именно так, как предсказывал специалист, а может, даже и хуже: Федерация Родезии и Ньясаленда начала распадаться буквально на следующий день после провозглашения, оказавшись, по мнению авторов книги, выдающимся по своей бездарности продуктом политического творчества колонизаторов, в ходе изготовления которого «неоднократно и грубо попирались азы федералистской теории» (р. 23).

Федеративная Республика Камерун, напротив, затевалась уже в постколониальную эпоху, а ее создатели преследовали иные цели: им было нужно собрать единую нацию из двух больших сообществ, говорящих на языках ушедших колонизаторов – франкофонного и англофонного. Значение федерализма в данных обстоятельствах трудно переоценить: ведь носители более 250 местных наречий и диалектов, не делавших сколько-нибудь заметного вклада в становление будущей национальной идентичности, могли объединиться в новую политику, лишь приняв, как ни парадоксально, язык одной из бывших метрополий (р. 28–30). Поскольку франкофонные элиты в стране доминировали – Французский Камерун был крупнее Британского Камеруна и территориально, и демографически, – федерализм воспринимался ими лишь в контексте подтверждения собственной гегемонии: как полезный инструмент планируемого «дружественного поглощения» (*friendly takeover*) (р. 30–34). По этой причине, как

только цель была достигнута, поддерживать диковинное приспособление в исправности уже не требовалось – и федеративный проект в Камеруне был очень быстро свернут при полнейшем народном одобрении. Однако такой разворот обернулся другой крайностью: изгнанием английского языка из официального обихода и вытеснением его носителей из политической жизни государства, что закономерно поставило современный и теперь уже унитарный Камерун на грань гражданской войны, а возможно, даже и распада.

Во втором разделе книги рассматриваются четыре африканских государства, которые применяют федерализм на современном этапе – Нигерия, Эфиопия, Южно-Африканская Республика и Коморы.

История федерализма в Нигерии отчасти напоминает проблемный путь Федерации Родезии и Ньясаленда: здесь похожим образом противостояли друг другу три этнополитических субъекта – Север, Восток и Запад, – представлявшие наиболее крупные национальные группы (хауса-фулани, йоруба, игбо). Накануне предоставления нигерийцам независимости англичане, желая поддержать консервативные элиты мусульманского Севера, административно разделили южную часть страны на два сегмента, столкнув политические амбиции йоруба и игбо. Внедренное ими устройство породило гиперсубъект федерации, заведомо способный подавлять центробежные тенденции в регионах и тем самым предотвращать повторение родезийского казуса.

Но при этом, однако, и тут федерализм интерпретировался крайне специфично: как средство господства и угнетения партнеров по союзу. Неудавшаяся сецессия Би-афры заставила бывшего гегемона перетолковать федеративные начала нигерийской государственности³, наполнив их новым содержанием: поскольку титульные нации

3 Подробнее см.: ЗАХАРОВ А. А. *Биафра навсегда* // Неприкосновенный запас. 2023. № 5(151). С. 298–305.

в каждом из регионов Нигерии вели себя по отношению к этническим меньшинствам точно так же, как их северные братья по отношению к ним самим, было решено увеличить количество субъектов федерации с тем, чтобы ни в одном из них никакая этническая группа впредь не преобладала численно. Авторы реформы надеялись, что в результате «появятся предпосылки для подъема партий меньшинства, которые, не имея в прежней системе никаких шансов на доступ к бюджетному пирогу, теперь приобретут ощутимый вес и включатся в коалиционную политику» (р. 69).

Поддержание такого подхода к федеративному устройству не зависело от того, гражданское или военное руководство находится у руля государства. Тем не менее успех был довольно относительным; если бы дело обстояло иначе, то нынешним нигерийским авторам не пришлось бы неустанно рассуждать о «подлинном федерализме» (*true federalism*), что не только дискредитирует едва ли не весь предшествующий опыт, но и выглядит методологически некорректным – ведь настоящую «подлинность» федерализму сообщает не приближение живой практики к какому-то абстрактному идеалу, а его созвучие с нуждами политического сообщества в конкретный момент.

Федеративное устройство сегодняшней Эфиопии анализируется в книге в свете ее первой федерализации, состоявшейся в 1950-х. Тот забытый ныне проект, предполагавший слияние эфиопских и эритрейских земель, оказался нежизнеспособным из-за двух обстоятельств: во-первых, он беззастенчиво навязывался внешними силами в лице Организации Объединенных Наций, а во-вторых, эфиопский негус Хайле Селассие I видел в федеративном устройстве всего лишь способ присвоения соседней Эритреи и желанного выхода к морю (р. 84–92).

Переформатирование федерации в империю, последовавшее через несколько лет после «исторического воссоединения», спровоцировало долгую кровопролитную войну за независимость Эритреи, на деталях которой авторы, к сожалению, не останавливаются, хотя этот исторический эпизод добавил бы весомости аргументам, приводимым в пользу нового федеративного устройства Эфиопии в Конституции 1995 года. Здесь стоит напомнить, что этот учредительный документ не только вернул федерализм в разряд фундаментальных принципов государственного строя, но и наделил все населяющие Эфиопию «нации, национальности и народы» правом на самоопределение вплоть до отделения⁴. Благодаря этому весьма нетривиальному трюку, противостояние нескольких титульных наций в эфиопской федеративной системе было «подморожено», а крайне шаткое государство обрело способность поддерживать хотя бы минимальную стабильность. Поэтому, как точно подмечают авторы, Эфиопия, желая и дальше оставаться единой, «будет вынуждена сохранять федералистскую матрицу – в то же время не отказываясь ее культивировать, совершенствовать, а временами и радикально пересматривать» (р. 107).

Эволюция территориального устройства Южно-Африканской Республики рассматривается авторами в неразрывной связи с политикой апартеида, которая была принята белыми элитами после Второй мировой войны. С провозглашением в 1961 году независимости от Великобритании и преобразованием Южно-Африканского Союза в ЮАР черное население все более безоговорочно отстранялось властями от сколько-нибудь заметного участия в политической деятельности. Одной из форм этого курса выступало учреждение бантустанов – выделяемых из национальной территории се-

⁴ Подробнее об этой особенности эфиопской федерации см.: Erk J. «*Nations, Nationalities, and Peoples*»: *The Ethnopolitics of Ethnofederalism in Ethiopia* // *Ethnopolitics*. 2017. Vol. 16. № 3. P. 219–231.

гегрегированных зон, в которых чернокожим жителям ЮАР предписывалось «самоопределяться» расово, культурно, политически.

Вопреки фразе Уильяма Райкера о том, что идейные расисты иногда могут оказываться рьяными поборниками федерализма – классик, следует напомнить, обобщал в ней некоторые особенности политической истории США, – в южноафриканском случае вопрос о наличии хотя бы минимально федеративных отношений между «белой» республикой и искусственно выкраиваемыми из ее территории «черными» анклавами нельзя было ставить даже с формально-юридической точки зрения. Прикрываясь внешне идеей политического союзничества, лежащей, по сути, в основании любого федерализма, белые элиты, которые допускали в пределах создаваемых резерваций толику самоуправления – там, например, имелись собственные парламенты, президенты и правоохранительные структуры, – категорически не позволяли бантустанам участвовать в принятии решений на общегосударственном уровне.

Финальное превращение бантустанов в «негритянские гетто» самым негативным образом отразилось на восприятии федералистских принципов чернокожим большинством и репрезентирующими его политическими организациями. Именно эта дискредитация прочно склонила покончившую с апартеидом демократическую Южную Африку и доминирующий в ней ныне Африканский национальный конгресс к централизму, а также к изъятию из действующей Конституции 1996 года любых упоминаний о федерализме – при допущении, впрочем, частичного функционирования его важнейших институтов.

Федеративное устройство Союза Коморских островов покажется экзотичным не только российскому читателю; оно вдобавок до самого недавнего времени почти не интересовало и федералистов-компаративистов. Между тем рассмотрение малоизвест-

ных островных федераций в сравнительном ключе способно, вне всякого сомнения, обогатить теорию федерализма в целом и панораму африканского федерализма в частности. Среди проблем, довольно давно мучающих это маленькое государство, выделяются спорный статус острова Майотта, считающегося французским в Париже и коморским в Морони, а также вечные трения центрального правительства с сепаратистами малых островов – прежде всего Анжуана, уже не раз порывавшегося уйти из союза.

Если первая проблема не позволяет островной республике завершить деколонизацию (и в этом смысле она одна такая на всю Африку), то вторая проблема не дает коморским властям полноценно задействовать федералистский потенциал, ибо к дискурсу «самоуправления, сочетающегося с разделенным правлением», охотно обращаются и скрытые сторонники сецессии. Тем не менее именно складывающаяся в результате ситуация своеобразной «федералистской недомолвки» объясняет, почему «на Коморских островах федерализм остается “священной коровой” – бесполезной (из-за неспособности правящей элиты использовать его) и в то же время незаменимо ценной» (р. 152).

В третьем разделе книги представлены два кейса, где к федерализму обращаются нации, государственность которых пока не состоялась, но которые надеются с его помощью ею обзавестись. Федерация в Сомали, ставшая попыткой преодолеть последствия колониального прошлого и в то же время реакцией на поражение в войне с соседней Эфиопией, фактически привела к узурпации власти на местах вождями местных кланов (р. 160–163). С одной стороны, в контексте глубоко фрагментированного общества, не отличающегося высокой политико-правовой культурой, такой «недоделанный» федерализм блокирует сползание к общенациональному кровопролитию, уже

изведанному этой страной три десятилетия назад; но, с другой стороны, клановая федерализация по самой природе своей неспособна сформировать институциональные предпосылки для окончательного прекращения внутренней смуты. Так получается из-за того, что каждое из политических сообществ, присвоившее себе кусочек национальной территории, всеми силами стремится удержать за собой сделанные приобретения – и потому, не стесняясь, пугает правительство в Могадишо возможным объявлением независимости (р. 164–180).

Подобная динамика вполне закономерна: скажем, имея перед глазами пример более или менее успешно развивающегося Сомалиленда, провозгласившего себя суверенным еще в 1991 году, в самый разгар гражданской войны, о своей «независимости» (отвергнутой в столице) в 2022-м объявил и Пунтленд, властителей которого заботила не столько перспектива реального выхода из-под опеки центра, сколько возможность спекулировать своим «суверенным статусом» всякий раз, когда с федеративным торгом что-то не ладится (р. 171–173). Конечно, подобное обращение с принципами федерализма не характерно для стабильных федеративных систем, и оно, бесспорно, угрожает территориальной целостности, но Сомали – случай особый; несмотря на свою кажущуюся абсурдность, даже этот странноватый «федерализм взаимных угроз» вольно или невольно культивирует у всех участников сомалийского пасьянса культуру диалога и компромисса, заставляя их держаться вместе – и тем самым сохранять на международной арене такую эфемерную (пока) сущность, как Федеративная Республика Сомали.

В заключение в книге анализируется кейс туарегов, которых авторы красноречиво именуют «курдами Африки». Трагичность судьбы этого народа, так и не получившего собственной государственности в процессе деколонизации, поначалу усу-

гублялась искусственностью новых государственных границ, принудительно разделивших относительно целостную прежде общность, а затем расколом созданного им политического движения за независимость Азавада. Присоединение части борцов за независимость к радикальным исламским группировками дискредитировало не только их самих, но и все движение туарегов и как следствие – подорвало идею создания туарегского государства в глазах международного сообщества (р. 194–197). Туареги тем не менее продолжают генерировать федералистские проекты, либо предлагая их правительствам тех стран, где проживают, либо стремясь с их помощью разрешить собственные внутренние конфликты.

Показательно, что книга не содержит заключения: по-видимому, авторы тем самым намекают, что федерализация и децентрализация в Африке – история с открытым финалом. Тем не менее некоторые мысли, обобщающие изученные на ее страницах кейсы, можно извлечь из предисловия. Ученые отмечают, что после деколонизации в Африке утвердились по большей части централистские формы политического бытия, объясняя это так:

«Конструирование национальной идеи требовало сплоченности и преодоления внутренних размежеваний и разделений, а этому соответствовали нарративы “сильного лидерства” и “национального единства”. Применительно к государственному устройству такой подход выливался в доминирование унитаризма и централизма» (р. 3).

Однако, продолжают они, к середине 1990-х на Африканском континенте сформировался комплекс факторов, сделавших децентрализацию востребованной даже там, где вертикальные властные пирамиды прижились особенно прочно. Во-первых, завершение «холодной войны» обнажило

неустойчивость многих африканских диктатур, вдруг оставшихся без своих традиционных спонсоров. Во-вторых, примерно в то же время международные финансовые организации выделили «дурное правление» в качестве главной причины, не позволяющей молодым нациям идти вперед – и, следовательно, мешающей инвестировать средства в их развитие.

«В результате требование децентрализации управленческих моделей превратилось в императив, без учета которого на внешних рынках нельзя было получать заимствований. В итоге у многих африканских государств не осталось выбора: разрабатывать и внедрять проекты рассредоточения власти их в последние десятилетия заставляет сама жизнь. Иначе говоря, Африка продолжит освоение федералистского инструментария, подталкиваемая к тому как внутренними, так и внешними факторами» (р. 4).

Скрупулезный и разносторонний анализ опыта африканского федерализма, представленный в рецензируемой работе, наполняет жизнью некоторые теоретические выводы современной компаративистики⁵. В частности, рассмотренные выше кейсы подтверждают слова еще одного классика федералистской мысли, Уильяма Ливингстона:

«Институциональные структуры как по форме, так и по функциям являются лишь поверхностными проявлениями более глубокого федеративного качества общества, которое всегда остается менее очевидным. Суть федерализма заключается не в институциональной или конституционной структуре, а в самом обществе»⁶.

Институции, которые были навязаны тем или иным африканским странам в рамках федеративных экспериментов, приживались плохо, поскольку у них отсутствовала первооснова в виде соответствующих политических сообществ; однако там, где их активно поддерживали местные элиты, они продолжали существовать – пусть и в искаженном виде.

Исходя из сказанного перед общественными науками, занимающимися африканской государственностью, стоят две важные задачи: во-первых, надо оценить драматичный опыт федерализма в Африке и найти новые смыслы, которыми можно было бы наполнить его сохранившиеся институты; во-вторых, требуется спроектировать новые институты, имеющие более прочные социальные основания в политических сообществах и способные содействовать их дальнейшему развитию. Серьезная научная работа, проделанная авторами рецензируемой книги, вполне отвечает этим запросам. Кроме того, их труд можно рассматривать и как систематически организованный перечень фатальных ошибок, которых попечителям федеративных государств, включая и Россию, следует избегать. Последнее тем более верно в свете того, что Африка в последние годы становится нам все ближе и ближе.

Вадим Корольков, ассистент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, глава дискуссионного клуба федералистов

⁵ О методологических особенностях подобных сравнительных исследований см. мнение одного из видных исследователей федерализма: Эрк Ж. *Сделать сравнительный федерализм по-настоящему сравнительным: уроки и выводы из законодательства и практики федерализма в Африке* // *Федерализм в современном публичном праве: собрание трудов V Международной научно-практической конференции* / Под ред. С.А. Авакьяна, Э.О. Григорян, М.М. Ильчиковой, В.В. Королькова. М.: Блок-Принт, 2023. С. 238–250.

⁶ LIVINGSTON W.S. *A Note on the Nature of Federalism* // *Political Science Quarterly*. 1952. Vol. 67. № 1. P. 84.

НЕЗАВИСИМОСТЬ, НО ЧАСТИЧНАЯ

Governing Partially Independent Nation-Territories: Evidence from Northern Europe

JAN SUNDBERG, STEFAN SJÖBLOM (EDS.)

Cham: Palgrave Macmillan, 2024. – 320 p.

На современной карте мира можно найти политики самых разных типов, включая классические национальные государства, самоуправляемые территории, наднациональные интеграционные объединения. Естественно, что все это многоцветье, стимулируемое хаотичностью и спонтанностью нынешнего этапа мировой политики, привлекает внимание теоретиков и практиков. В этом плане рецензируемый коллективный труд, вышедший под редакцией исследователей Шведской школы социальных наук при Университете Хельсинки, кажется как своевременным, так и симптоматичным. В центре их внимания оказалась концепция «частично независимых территорий», предложенная одним из авторов сборника – преподавателем Дартмутского колледжа (США) Дэвидом Резвани, – который применяет ее к нескольким кейсам: к Шотландии, Гренландии, а также Фарерским и Аландским островам.

Из восьми глав работы первые три посвящены теоретическим аспектам осмысления проблемы, в четырех последующих рассматриваются конкретные территориальные примеры, а в заключительной – подводятся итоги исследования. Как заявляют составители в самом начале, им хочется понять, «удалось ли частично независимым территориям Северной Европы запустить региональное государственное строительство и повысить качество своего государственного управления» (р. 1). Интересно, что критериями успешности здесь выступают выгоды не только самой частично независимой территории, но и государства, в составе которого она пребывает.

Предваряя исследование, Дэвид Резвани и Ян Сундберг (Университет Хельсинки, Финляндия) в первой главе подвергают критической деконструкции концепты, которые обычно привлекаются для осмысления статуса частично независимых территорий: в ряду таковых оказываются «регионализм», «автономия», «деволюция». Авторы критикуют присущие названным понятиям слишком широкие концептуальные границы, которые не способствуют теоретической ясности; кроме того, эти термины никак не помогают отделить друг от друга случаи, когда властные полномочия распределяются суверенным государством самостоятельно и когда это делается под внешним давлением.

Здесь же читателю предлагается краткий эволюционный очерк концепта «суверенитет», в котором противопоставляются две позиции. С одной стороны, это констатация монолитности и неделимости суверенитета («все или ничего»), которая отличает классиков реализма: например, согласно Гансу Моргентау, суверенным может быть только национальное государство и никаких аспектов суверенитета отдельным регионам передать нельзя. С другой стороны, это отрицание какого бы то ни было суверенитета в принципе: по мнению, в частности,

Стивена Краснера, из-за многообразия политических в современном мире соответствующее понятие оказывается «фальшью» (р. 4). Третья группа теоретиков позиционирует себя между этими крайностями: для них суверенитет есть просто набор функций, теоретически распределяемых в любой конфигурации, как горизонтально, так и вертикально.

Авторам главы близка именно последняя парадигма, и они выделяют в суверенитете два основных элемента, власть и контроль, каждый из которых может быть внутренним и внешним. Комбинируя указанные параметры друг с другом, они получают четыре вида политий: суверенные государства, *de facto* государства, квазигосударства и частично независимые территории. Последние определяются как «этнически само-бытные и конституционно обособленные регионы, которые разделяют некоторые полномочия по принятию политически значимых решений с основным государством» (р. 8). Частично независимые территории могут существовать лишь в унитарных (прежде всего регионализированных) государствах и обладают четырьмя базовыми характеристиками: закрепленным самоуправлением, национальной специфичностью, конституционной асимметрией, ограниченной дееспособностью во внешней политике (р. 18). Главной движущей силой, генерирующей частично независимые территории, объявляется наличие выраженного этнического субстрата.

Во второй главе разбираются плюсы и минусы этнических автономий. В своем анализе автор – в этой роли снова выступает Дэвид Резвани – не слишком объективен, поскольку открыто симпатизирует подобным автономиям, а аргументы их противников представляет лишь бегло и вскользь. В частности, критиков этноавтономий он упрекает в том, что последние якобы специально фокусируются на случаях слабого автономизма, где плохо зафиксированная и

слабо гарантированная передача полномочий от центра к регионам провоцирует неопределенность и противостояние. Именно такими ситуациями объясняется большое количество этнополитических конфликтов в современном мире: если автономия не-мощна, а гарантии ее существования зыбки, то она готова защищать себя вооруженным путем – лишь бы только избежать полного поглощения (р. 47).

Автономии, стремящейся избежать насилия, нужно, опираясь на механизмы доверия, договориться с центром о том, чтобы передача ей полномочий была бы надежно закреплена. Наиболее простой, формально-легальный тип такого закрепления опирается на официальное разграничение прерогатив между частично независимой территорией и центром. Но, поскольку такой вариант достижим не всегда, вместо него может использоваться второй тип обеспечения нужных гарантий: общепризнанно-конвенциональный, опирающийся на установившиеся традиции, правила или другие неправовые формы фиксации взаимных обязательств. Наконец, самой сложной для идентификации формой считается политически-формальный тип, в котором полномочия гарантируются в силу политического влияния (давления), мешающего суверенному центру узурпировать права автономной территории.

В третьей главе происходит довольно неожиданный методологический разворот: в качестве теоретической рамки для обобщения эмпирики ее авторы – Ян Сундберг и Стефан Шёблом (Университет Хельсинки, Финляндия) – предлагают использовать концепцию политической системы, выдвинутую в свое время Дэвидом Истоном. Сегодня в политологических кругах эта старая теория воспринимается неоднозначно: признавая ее вклад в развитие мировой политической науки, ее критикуют за узость и абстрактность, и поэтому спрос на нее невелик. Классическая истоновская диада

«input – output» в обновленной интерпретации превращается в триаду «input – output – outcomes». Если «вход» символизируют партийно-электоральная, управленческая, административная и экономическая системы, то на «выходе» представлены полномочия региона, законодательные границы между ним и центром, а также гарантии автономии. Что же касается «результатов», то в этом качестве предлагается рассматривать уровни социально-экономического развития, общей удовлетворенности населения, уверенности граждан в самоуправлении.

Четвертая глава посвящена кейсу Шотландии. Здесь Малколм Харви (Университет Абердина, Великобритания) привлекает еще одну классическую теорию: противопоставление мажоритарной и консенсусной моделей демократии, которое предложил Аренд Лейпхарт. По мысли автора, британская политическая система со временем трансформировалась из мажоритарной в консенсусную, причем ведущую роль в этом сыграла деволюционная реформа, проведенная в 1990-х лейбористским правительством (р. 100).

Нынешнюю Шотландию предлагается анализировать в предложенной выше рамке «вход – выход – результат». В качестве элементов «входа» здесь предъясняются непосредственные следствия деволюции: становление шотландского парламента, трансформация региональной партийной системы, передача региону экономических, финансовых и социальных полномочий. Эффективное функционирование «входа» укрепило местные партии, особенно Шотландскую национальную партию, удвоившую с конца 1990-х представительство в парламенте и потеснившую лейбористов с лидирующих позиций. На «выходе» мы находим конституционно закрепленный раздел полномочий между центром и регионом, а также значительный рост местного ВВП и снижение безработицы. Говоря об

этом, автор опирается на опросы общественного мнения: по его мнению, цифры свидетельствуют об устойчиво позитивной оценке самоопределения. Вместе с тем он отдает себе отчет в наличии в шотландской ситуации очевидной исследовательской проблемы: что же конкретно надо видеть в широкой общественной поддержке автономии – одобрение функционирования института в текущий момент или же запрос на дальнейшую автономизацию вплоть до независимости? Однозначного ответа у автора нет, что едва ли удивительно.

По всей видимости, пятая глава, которую написали Мария Акрен и Уффе Якобсен (Гренландский университет), повысит рецензируемой книге рейтинги читаемости, ибо она посвящена автономизму Гренландии. Авторы подчеркивают, что Закон о самоопределении 2009 года позволяет острову выйти из состава «большого» государства, если будет проведен соответствующий референдум. В точке «входа» гренландская система, оставаясь многопартийной, довольно давно демонстрирует явный крен влево, дополняемый стремлением к независимости. Лишь одна местная партия, «Атассут», в настоящее время поддерживает идею территориального единства с Данией, да и то при сохранении широкой автономии; все остальные партии так или иначе склоняются к независимости, предлагая разные пути ее достижения. (В этом плане, кстати, показательны парламентские выборы, состоявшиеся в марте 2025 года, в ходе которых 90% мест в местном законодательном собрании достались сторонникам отделения.) Экономически Гренландия зависима от Дании: центр ежегодно выплачивает региону грант, размер которого был зафиксирован в 2009 году.

В свою очередь «выход» представлен иерархической конституционной структурой, в рамках которой положения Конституции Дании имеют безусловный приоритет перед Законом о самоопределении Гренлан-

дии. Хотя соблюдение указанного требования контролируется верховным комиссаром, назначаемым датским правительством, принятие законодательства Гренландии, а также контроль над исполнением законодательных норм остаются в ведении островного парламента. В плане социально-экономического развития Гренландия отстает от других северных стран – из-за высоких затрат, сложных природных условий, ограниченной инфраструктуры, отсутствия крупных населенных пунктов, – однако это отставание небольшое. Именно поэтому расширение автономии и обретение независимости не являются безусловными приоритетами: согласно опросам общественного мнения, местные жители считают, что для становления суверенного государства прежде всего нужна устойчивая экономика (р. 165). Исходя из этого граждане Гренландии, говоря о своем отношении к Дании, предпочитают *status quo* и не настаивают на независимости в ближайшем будущем (р. 168).

В шестой главе рассматривается другая датская территория – Фарерские острова. Как отмечает Халлбера Вест (Орхусский университет, Дания), здесь, в отличие от Гренландии, четкое конституционное закрепление самоопределения отсутствует; вместо него с середины XX века используется модель гомруля, предусматривающая различные вариации самоуправления зависимой территории. Политическая палитра региона напоминает гренландскую: тут тоже есть свои правые и левые, однако партии представлены более равновесно и наряду со сторонниками независимости имеются столь же внушительные лоялистские движения.

В связи с тем, что самоопределение закрепляется по большей части неформально, сфера полномочий Фарерских островов, которая расширялась постепенно, сегодня выглядит весьма обширной и включает в себя политические компетенции, налоги, образование, здравоохранение, социальную,

финансовую и промышленную политику. Значительная часть жизни региона регламентируется исключительно местным законодательством, а не нормами центрального правительства. Другой особенностью территории выступает усиливающееся влияние европейского законодательства и европейских практик: несмотря на то, что сами Фареры не входят в Европейский союз, они тесно связаны с этим объединением в разных сферах.

Высокий уровень демократического и электорального участия граждан свидетельствует об их удовлетворенности нынешним уровнем самоуправления, что объясняется среди прочего хорошими экономическими показателями территории (р. 211). Но консенсуса относительно будущих взаимоотношений с Данией на островах тем не менее не наблюдается, несмотря на то, что тема становится все более актуальной по мере развития Арктического региона и все более ощутимого его воздействия на мировую политику.

Седьмая глава посвящена автономии Аландских островов в составе Финляндии. Здесь автономизм явился результатом компромисса, достигнутого Швецией и Финляндией после Первой мировой войны. Этот случай, как пишут Ян Сундберг и Стефан Шёблом, отличается от предыдущих тем, что обсуждаемая территория имеет нетипично тесные институциональные связи с центром: например, президент Финляндии обладает правом активно участвовать в ее законодательном процессе, хотя сами полномочия Аландских островов достаточно широки. Примечательно также и то, что набор действующих в регионе партий довольно обширен: значимую роль в становлении этого разнообразия сыграла Шведская народная партия, вслед за которой обозначили себя как финские, так и местные региональные партии.

Аландские острова ведут самостоятельную политику, активно развивая социаль-

ную сферу, перераспределяя налоговые излишки, а также поддерживая систему экономического выравнивания. Впрочем, несмотря на впечатляюще широкое самоуправление, в 2010 году территория предложила реформировать свои отношения с финским государством. И хотя в этих предложениях стремление к независимости не просматривалось, большую часть из них власти Финляндии не удовлетворили. Но даже и без расширения автономии регион демонстрирует немалые успехи: на сегодня ВВП на душу населения на Аландских островах значительно выше, чем в Финляндии и в большинстве стран ЕС, и не случайно более 60% местных жителей удовлетворены работой островных демократических институтов (р. 258, 261).

Как отмечают в итоговой и обобщающей главе редакторы книги, собранные в ней примеры базируются на передаче полномочий, осуществляемой по инициативе самих регионов. Хотя в каждом конкретном случае есть особенности, такой формат обеспечивает двустороннее взаимопонимание. По мнению ученых, такие формы автономизма более успешны, чем территориальная сецессия, остающаяся извечным «ночным кошмаром» для любого суверенного государства (р. 272). Примеряя к автономным регионам различные комбинации власти и контроля, авторы формулируют четыре базовых опции (р. 273). Во-первых, ограниченные компетенции автономии могут сочетаться с активным вмешательством со стороны государства. Во-вторых, территория может обладать довольно узким кругом прерогатив, но при этом иметь возможность прово-

дить политику без существенного вмешательства основного государства. В-третьих, полномочия региона могут быть, напротив, большими, но зато контроль со стороны государственного центра весьма жестким. Наконец, в-четвертых, наличие полномочий по управлению собственными делами может сочетаться с полным невмешательством со стороны основного государства. Если первый вариант авторы считают наименее худшим, то последний представляется им наилучшим.

Поясняя свой интерес к рассмотренной в книге весьма экзотической форме государственности, составители указывают на связанные с ней универсальные импликации: практики частично независимых территорий, на их взгляд, предлагают многообразием обществ перспективную модель разрешения потенциальных конфликтов (р. 309). Как утверждается в работе, современный мир открывает перед такими политиями новые возможности: ведь даже став независимыми, они найдут на кого положиться, поскольку сегодня существенный сегмент функций суверенного государства можно будет передать ЕС или, если речь идет не о Европе, каким-то иным наднациональным структурам. Впрочем, полный суверенитет вовсе не обязательно выступает конечной точкой политического развития: порой одних разговоров о возможном отделеении уже достаточно, чтобы частично независимая территория получала санкцию центра на расширение своих полномочий.

Юлия Фролова, доцент кафедры политологии РГПУ имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Summary

The 160th *NZ* issue is coming out at a time of radical historical change in the part of the world which, after 1991, seemed to have achieved permanent dominance in almost every field, from economic, political and ideological to cultural. The part of the world normally referred to as the “West” (or, alternatively, the “Global North”), despite its internal complexity, has always been, to a large extent, homogeneous. This homogeneity was ensured by the United States of America who, being the stronghold of the West, facilitated the continuity and stability of certain types of ideologies, economic approaches, and political views.

Over the recent years, things like the crises of Western political systems, the rise of populism, the redistribution of economic power between other players in global politics have left the West / Global North somewhat worse for wear, although they have never actually called into question the chances of its continued existence in its current form. But apparently, 2025 will inevitably change this order.

In issue 160 of *NZ*, we touch upon just a few of the many problems related to the current crisis. Our first focus is the reason for the failure of the left movement, which until recently was rather powerful in the West: meaning the moderate Left, the centre Left and social democracy, as well as the radical Left (although the latter was discussed in more detail in the 159th issue of *NZ*).

The crisis of leftist politics, the erosion of the social base of the left movement, the absence of a clear ideological message, and finally a strange decline of the so-called “left theory”, which counts among the main achievements of the Western Left over the last century and a half, – the first thematic block of issue 160 centres around this.

The selection opens with an article by Anna Novikova called *“Between Marxism and Populism: The Crisis of the Left Movement in the USA”*. Andrei Belinsky continues the topic with a short historical essay *“A People’s Party without the People: The Crisis of German Social Democracy and Its Consequences”*. The block wraps up with a discussion among Artemy Magun, Anna Nizhnik, Anton Syutkin, Ilya Kriger, and Igor Kobylin, entitled *“The End of Theory? Fredric Jameson, Left Universalism, and the Cultural Logic of Modern Capitalism”*. In a sense, this discussion is a continuation of one of the sections of *NZ*’s 158th issue, dedicated to the memory of this outstanding American theorist. In 2025, however, the participants of the discussion are more focused on the political aspect of Jameson’s views and work, on the political potential of “left theory” as such – which, in the opinion of some, it has failed to realise.

The question of theory, or even philosophy, that tries to take the conversation about what is happening in the world, including the world of politics, to a different level, is brought up in the *CULTURE OF POLITICS* section. Here we are publishing an excerpt from

the book *"Post-Europe"* (soon to be released in Russian) by the Hong Kong philosopher of technology and computer specialist Yuk Hui. In this fragment, the author tries to give a philosophical justification for the possibility of non-Eurocentric European thought, which, in his opinion, would have the potential to "reassemble" Europe as one of the world's major centers of political, technological and cultural influence. The last piece in this *NZ* issue that focuses on the Left is a collection of excerpts from the memoirs of Salama Musa (1887–1958) – one of the first Egyptian reformers, a journalist, political figure, and women's rights activist.

The second thematic block of issue 160 is called "IMAGINATIVE REALISM, OR ALL POWER TO THE IMAGINATION" and consists of three articles. Egor Dorozhkin looks at "imaginative realism" (a term introduced by the Soviet scholar of myths Yakov Golosovker) through the lens of the so-called "anarcheology of joy". Dmitry Skorodumov in his article *"Imaginative Rebellion and Its Brave Conceptual Persona"* explores the problem of imaginative realism in relation to the future, or more precisely, the very possibility of the future as such. The thematic block concludes with Bogdan Gromov's article *"Imaginative Drama: The Subject-Object Seduction"*,

which contains the following passage: «The term "imaginative" refers less to the "imaginary" and more to the "imagined" – that is, the real, "thinkable, one that exists", born of the thinking of imagination. The arguments presented seem sufficient to consider the objects of imagination as real. An imaginative object has life and locus, and thus imaginative philosophy has its own subject matter and domain».

Two texts published in the 160th *NZ* issue revolve around cinema, one of the recurring themes in the journal. "THE CULTURE OF MODERNITY REVISITED" includes an article by Igor Smirnov, in which he discusses theft as one of the main themes in cinema and analyses cinema itself as a kind of "art of theft". In the CASE STUDY section, Vera Ustyugova offers an extended essay on the history of the first movie theaters in the Russian Empire: their construction, operation, and influence on the urban environment; the piece is accompanied by a fascinating selection of photographs of some of these entertainment venues that were a novelty in the early 20th century.

As usual, issue 160 of *NZ* contains the regular columns SOCIOLOGICAL LYRICS by Alexei Levinson and THE REVERSE OF THE METHOD by Tatyana Vorozheykina, as well as the NEW BOOKS section.

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at **www.eurozine.com**

eurozine

**Оформить подписку
на журнал можно
в следующих агентствах:**

«Подписные издания»:
подписной индекс П3832
(только по России)
<https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.periodicals.ru

«Экстра-М»:
подписной индекс 42756
(по России и СНГ)
www.em-print.ru

«Ивис»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.ivis.ru

«Информ-система»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.informsystema.ru

«Информнаука»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.informnauka.ru

«Прессинформ»:
подписной индекс 45683
(по России и СНГ)
<http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»:
подписной индекс: 45683
(по России и за рубежом)
www.ural-press.ru

**Приобрести журнал
вы можете в следующих
магазинах:**

В Москве:
«Московский Дом Книги»
ул. Новый Арбат, 8
+7 495 789-35-91

«Фаланстер»
М. Гнезниковский пер., 12/27
+7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе)
4-й Сыромятнический
пер., 1-6 (территория ЦСИ
Винзавод)
+7 495 926-30-42

«Циолковский»
Пятницкий пер., 8
+7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства
Лиговский пр., 27/7
+7 812 579-50-04
+7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский»
ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а
(ТЦ «Петровский пассаж»)
+7 473 233-19-28

В Екатеринбурге:
«Пиотровский»
ул. Б. Ельцина, 3
(«Ельцин-центр»)
+7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль»
ул. Б. Покровская, 46
+7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский»
ул. Ленина, 54
+7 342 243-03-51